

Е.Л. Зберовская

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ В СИБИРИ (1940–1950-е гг.)

Красноярск 2010

ББК 63.3(2)622-4
341

Рецензенты:

Гайдин С.Т., д-р ист. наук, профессор, зав. каф. истории, социологии, политологии КрасГАУ

Пискорская С.Ю., д-р филос. наук, профессор каф. рекламы и культурологии СибГАУ

Научный редактор

Абсалямов М.Б., д-р культурологии, профессор

341 *Зберовская, Е.Л.* Спецпоселенцы в Сибири (1940-1950-е гг.) /
Е.Л. Зберовская. – Красноярск, 2010. – 180 с.

ISBN 978-5-94617-222-6

Исследование посвящено особой социальной группе советского общества сталинского периода – спецпоселенцам, которые оказались в Сибири «не по своей воле». Представители разных этнических групп составляли большинство «спецсылки» 1940-1950-х гг. В монографии рассматриваются процесс расширения пространства спецпоселения в Сибири, особенности «правового» положения отдельных национальных и социальных групп, совершенствование организации надзора за ними со стороны органов НКВД-МВД, сферы и эффективность применения труда переселенцев, их хозяйственно-бытовое обустройство на новом месте жительства. В центре внимания находятся взаимоотношения спецпоселенцев с органами власти и местным населением. Особо выделены проблемы этнокультурной адаптации представителей высланных народов в сибирском социуме.

Предназначено историкам, культурологам, научным работникам, студентам.

ББК 63.3(2)622-4

ISBN 978-94617-222-6

© Зберовская Е.Л., 2010

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении длительного времени русской истории Сибирь представлялась в сознании людей как «край каторги и ссылки». Принудительные государственные переселения царского времени, а затем и советского сыграли важную роль в колониционном освоении этого сурового в природно-климатическом отношении края. Многочисленные потомки вынужденных мигрантов разных национальных и социальных групп стали сибиряками, добавив дополнительный колорит полиэтничной среде сибирской культуры.

На сибирской земле со времен ее русского освоения сложился уникальный опыт межэтнического взаимодействия, анализ которого важен в построении национальной поликультурной политики современной России. В условиях возросшей миграции в регион, в основе которой лежат уже совсем иные побудительные мотивы, не менее актуальным выглядит применение опыта социокультурного взаимодействия, накопленного в процессе адаптации переселенцев и их семей в сибирских регионах.

Наряду с вольным и государственным переселением Сибирь пережила в своей новой истории и принудительные формы ее заселения.

Можно выделить два этапа в истории России, когда принудительное переселение в Сибирь становится не только и не столько правовой формой, сколько политической. Всплеск революционной борьбы на рубеже XIX–XX вв. породил Сибирь «ссылную и каторжную». В это время ссылка еще не становится полиэтнокультурной. Ярko выраженный национальный подтекст проявился только в отношении ссылных поляков – участников освободительного движения середины XIX в.

В принудительных переселениях рассматриваемого в монографии времени мотивирующим основанием часто служила национальная «неблагонадежность», а в 1930-е гг., в период модернизации и связанного с ней «раскулачивания», – социальные корни и «общественная опасность». Советская ссылка 1940 – начала 1950-х гг. отличалась особым поликультурным колоритом, массовостью и бессрочностью выселения. Массовый характер переселений был связан с их всеобщностью (без выделения особых социальных групп) и семейным принципом выселения из прежних мест проживания. Последнее обстоя-

тельство увеличивало тяготы депортационного процесса в суровый сибирский край, но одновременно заставляло переселенцев быстрее выстраивать адаптационные стратегии в новых климатических и социально-бытовых условиях.

Основной поток принудительных переселенцев советской эпохи прибыл в Сибирь в 1930–1950-е гг.

* * *

История политических репрессий в СССР относится к числу наиболее динамично развивающихся исследовательских областей в отечественной историографии. «Первооткрывателями» в изучении темы были зарубежные авторы (Д. Даллин, Р. Конквест, Й. Хоффман и др.), поднявшие эти проблемы еще в середине 1940-х гг.¹ Для российских ученых проблематика политических репрессий в СССР долгое время оставалась «закрытой». Возникший на волне «перестройки» в конце 1980-х гг. научный и общественный интерес привел к снятию ранее существовавших запретов на ее изучение. За последние двадцать лет исследователи значительно продвинулись в ее рассмотрении – сформирована солидная источниковая и историографическая база, расширилось поле научного исследования. Самостоятельными направлениями стали история крестьянской ссылки, этнические депортации и спецпоселения, политические репрессии периода «большого террора» и т.д.

Многое было сделано исследователями в изучении истории депортаций и спецпоселений. Публикации конца 1980 – 1990-х гг. в основном создали пространственно-временную картину принудительных переселений, отразили численность и социально-демографические изменения жизни высланных людей. Активное продвижение исследований связано с деятельностью московских историков Н.Ф. Бугая и В.Н. Земскова². Получив доступ к центральным архивам страны, они стали публиковать материалы закрытых ранее фондов. Введенный в научный оборот огромный массив ранее засекреченных источников позволил оценить масштаб и географию репрессий. Эти ученые стали авторами первых обобщающих трудов по истории депортаций (Н.Ф. Бугай) и спецпоселения (В.Н. Земсков) в СССР.

Сибирские ученые в большей степени изучали феномен спецпоселения. Новосибирские исследователи С.А. Красильников, Л.П. Белковец, А.А. Шадт и др., разбирая разные социальные («раскулаченные» крестьяне) и национальные (немцы, поляки) группы, показали механизм функционирования спецпоселенческой системы, рас-

смотрели ее основные элементы, обозначили понятийное и терминологическое поле³.

В раскрытии сущности депортаций и связанных с ними проблем большую роль сыграли исследования, посвященные репрессиям отдельных народов. В восстановлении исторической правды прежде всего были заинтересованы сами депортированные и их потомки. В 1990–2000-е гг. благодаря усилиям национальных общественных организаций и научного сообщества появились труды, посвященные истории депортированных этносов, принудительным переселениям и их последствиям. Особенно продуктивно изучалась история российских немцев, немного меньше поляков и калмыков, в незначительной степени других высланных национальных групп⁴.

В последнее десятилетие в изучении истории депортаций в СССР наметился новый вектор развития. В 2000-е гг. исследователи в некоторой степени локализовали научный интерес. Появилось значительное количество работ по проблемам спецссылки, касающихся региональной истории (в основном Урала и Западной Сибири)⁵. Исследовательский интерес направлен на изучение различных сторон жизни на спецпоселении, в том числе и адаптационных практик вынужденных переселенцев. Подобное развитие темы предполагает применение междисциплинарного подхода, который становится неотъемлемой частью современных исследований. Изучение адаптационных практик, форм взаимодействия спецпоселенцев с органами власти и местным сообществом позволяет по-новому взглянуть на социокультурную историю регионов, оценить влияние спецссылки на поведенческие практики местного «правового населения». Появление подобных исследований по Сибирскому региону представляется наиболее интересным и перспективным, поскольку адаптация спецпоселенцев происходила в уникальном поликультурном пространстве, исторически сформировавшемся здесь в результате добровольных и принудительных миграций XVI – XX вв.

Некоторый опыт изучения адаптационных практик депортированных накоплен новосибирскими учеными⁶. Они рассмотрели процесс адаптации применительно к трудпоселенцам и некоторым группам спецпоселенцев военного времени, размещенным в Западной Сибири. В поле зрения исследователей в основном попали два аспекта – участие государства в процессе адаптации и деятельность самих спецпоселенцев. Не вызывает сомнений, что изучение этой интерес-

ной темы должно быть продолжено во временном (до конца существования системы спецпоселений) и проблемном (анализ поведенческих практик местного сообщества) плане. Требуется дальнейшей теоретической разработки социокультурный аспект адаптационных процессов.

В конце 1990 – начале 2000-х гг. ученые В.И. Бруль и В.В. Сарнова стали изучать депортированные в Сибирь в 1940 – 1950-х гг. спецпоселенческие группы в сравнительном плане⁷. В публикации В.И. Бруля представлен обзор депортационных потоков, выделены их этапы. Исследователь стремился определить общие черты в жилищно-бытовом обустройстве, трудовом использовании, охарактеризовать общественные настроения ссыльных народов. Сарнова рассматривает в сравнительном контексте депортацию и первые годы пребывания на спецпоселении в Сибири нескольких национальных групп – немцев, поляков, калмыков, высланных в 1941 г. из Прибалтики.

Подводя некоторые итоги изучения проблем депортации и спецпоселения, следует отметить, что, несмотря на их активную разработку, существует определенная диспропорция в изучении темы – Урал и Западная Сибирь представлены в ней несравненно богаче, чем восточносибирские территории. Современное состояние проблемы показывает, что история отдельных спецпоселенческих групп неплохо изучена, но комплексное сравнительное исследование депортированных «спецконтингентов» в Сибири должно быть продолжено.

Объектом и предметом исследования выступили группы спецпоселенцев, принудительно высланные в Сибирь и включенные в систему специального режима содержания. Под спецпоселенцами понимаются депортированные контингенты поляков, немцев, калмыков, «оуновцев», власовцев, высланных из Прибалтики в 1940–1941-х и 1945–1949-х гг., «кулаков» из Литвы, «указников». Эти группы спецпоселенцев были в Сибирском регионе наиболее многочисленными и составили костяк спецссылки. Рассмотрены основные характеристики спецпоселенцев как особой группы общества, существующей в рамках спецпоселенческой системы. К таковым можно отнести количественные и половозрастные показатели, «правовое» положение депортированных, их трудовые и социокультурные характеристики. Рассматривая предмет исследования, мы учитывали динамику развития спецпоселенческой системы, связанную с процессами ее формирования и разложения, воздействие адаптационных процессов,

запущенных с момента прибытия в Сибирь вынужденных переселенцев. В совокупности эти факторы оказали большое влияние на изменение жизни спецпоселенцев в районах их выселения.

Рассматриваемые в работе спецпоселенцы представляют особые социальные группы в сибирском социокультурном пространстве и исследовались через призму взаимоотношений «власть и спецпоселенцы», «местное сообщество и спецпоселенцы».

Территориальные рамки исследования охватывают Сибирский регион, включая западную и восточную его части. Рассмотрение большинства сюжетов о функционировании спецпоселенческой системы происходит на материалах Красноярского края, который, во-первых, находится на стыке Западной и Восточной Сибири, во-вторых, принял практически все спецпоселенческие «контингенты» в рассматриваемый хронологический период, в-третьих, являлся одним из самых крупных регионов расселения депортированных семей.

При написании монографии использовались разные виды источников. Основными стали законодательные и нормативные документы Верховного Совета и Генеральной прокуратуры о репрессиях и реабилитации, опубликованные в соответствующих сборниках⁸. Это законодательные акты, правительственные постановления, ведомственные указания, которые позволили определить основные вехи развития системы спецпоселений. В процессе исследования привлекались материалы центральных и местных архивов, которые были частично рассекречены и опубликованы⁹. В основном это документы распорядительного, справочно-статистического характера, позволяющие определить пространственно-временную картину депортаций, выявить некоторые социально-демографические характеристики депортированных групп. В изданиях присутствуют материалы об осуществлении надзора за «спецконтингентами», сведения о настроениях среди них.

Нормативная и делопроизводственная документация была извлечена автором из фондов центральных (ГАРФ) и местных (ГАКК) архивов, в т.ч. ведомственного архива ГУВД Красноярского края (ОСФиР ИЦ ГУВД КК), текущего отдела крайвоенкомата.

В фондах Государственного архива Российской Федерации наибольшую ценность составила директивная документация фонда Отдела Спецпоселений НКВД – МВД СССР, в частности отчеты, сводки, текущая статистика о численности и дислокации «спецконтингентов», материалы массового переучета спецпереселенцев 1949–

1953-х гг. Привлеченные документы дополнили представление об организации жизнедеятельности и положении депортированных людей.

В материалах региональных архивов отложилась важная для данного исследования распорядительная документация – решения, распоряжения, постановления, которые стали основными нормативными актами для принимающих территорий в проведении обустройства спецпоселенцев. Среди обнаруженной документации – приказы и инструкции центральных наркоматов по организации трудового использования депортированных контингентов, отчеты и докладные записки местных предприятий и трестов о размещении и результатах деятельности прикрепленных работников. Несмотря на отрывочность и фрагментарность выявленных сведений, в совокупности они позволяют сформировать представление о сферах применения принудительного труда, проблемах трудовой адаптации, отношениях руководства к спецпоселенцам. Наиболее информативными в этом плане являются фонды Таймырского и Красноярского межрайонных союзов рыболовецких колхозных хозяйств. В фондах ГАКК сохранились посемейные списки немцев-переселенцев, содержащие информацию о половозрастном и профессиональном составе высланных семей.

Действие системы на региональном уровне удалось проследить благодаря использованию документов ОСФиР ИЦ ГУВД Красноярского края. В архиве ГУВД отложилась как распорядительная документация – директивы и приказы надзорного ведомства, позволившие увидеть проблемы и этапы его развития, так и личные дела спецпоселенцев, которые в некоторой степени показывают влияние спецпоселенческой системы на судьбы людей.

Среди привлеченных источников особую группу составляют документы личного происхождения – воспоминания, мемуары, интервью¹⁰. Благодаря информации о жизни на спецпоселении, полученной в ходе личных встреч и бесед с бывшими спецпоселенцами, уточнялось представление о сроках и методах проведения депортаций, организации приема и размещения семей в местах ссылки, трудоустройстве и «правовом» положении переселенцев, их взаимоотношениях с местными жителями.

Использование достаточно широкого круга источников позволило провести изучение спецпоселенцев как социальной группы – объекта системы спецпоселений и субъекта сибирского социума.

Примечания к введению

¹ David F. Dallin and Boris Nikolaevsky Forced Labor in Soviet Russia. New Haven, 1947; Conguest R. Soviet deportations of nationalities. London, 1960; Hoffman J. Deutsche und Kalmyken 1942–1945. Freiburg, 1974.

² Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию ...». М.: АИРО – XX, 1995. 265 с.; Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165; Его же. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х гг. // Отечественные архивы. 1993. №1. С. 4–19; Его же. Спецпоселенцы в СССР, 1930 – 1960. М.: Наука, 2003. 306 с. и др.

³ Красильников С.А. Серп и Молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.:РОССПЭН, 2003. 288 с.; Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941 – 1955 гг.: Историко-правовое исследование. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 359 с.; Шадт А.А. Этническая ссылка в Сибири как инструмент советской национальной политики (1940–1950-е гг.) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 224–248 и др.

⁴ Чернова Т.Н. Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной историографии) // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М.: Звенья, 1999. С.261 – 278; История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах / вступ. ст., сост. А.А. Герман. М.: Готика, 1996. 320 с.; Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья 1918–1941 гг. М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 1999. 462 с.; Парсаданова В.С. Депортации населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. №2. С. 26–44; Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в Сибири (1940–1941) // Сибирь в истории и культуре польского народа: пер. с пол. М.: Ладомир, 2002. С. 368–375; Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение 1943–1957 гг. Элиста: Санан, 1991. 95 с.; Гучинова Э.–Б.М. Вынужденное переселение и этническое самосознание (на примере этнополитической истории калмыков в XX веке): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 56 с. и др.

⁵ Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.) URL: <http://www.sati.archaeology.nsc.ru/s.../>; Саганова Л.П. Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941–1956 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. 24 с.; Конев Е.В. Немцы в Западной Сибири в 1940–1990-е гг. (на материале Кемеровской, Новосибирской и Томской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. 22 с.; Сарнова В.В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 288с.; Чевардин А.В. Поляки в Свердловской области в 1939 – конце 1940-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2009. 24 с.

⁶ Сарнова В.В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь ...; Красильников С.А., Саломатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки. Кре-

стьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930 – начало 1950-х гг.). Новосибирск: Изд. дом «Сова», 2008. 392 с.

⁷ Бруль В.И. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ (по материалам конф. 18–20 ноября 1999 г.). М.: Звенья, 1999. С. 95–117; Сарнова В.В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь ...

⁸ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993. 223 с.; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: в 2 ч. Курск: ГУИПП «Курск», 1999.

⁹ Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 1. М., 1992; Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.) / сост. О.Л. Милова. М., 1995. 247 с.; Иосиф Сталин – Лаврентию Берия «Их надо депортировать ...»: документы, факты, комментарии / вступ. ст., сост., послесл. Н.Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.; «Мобилизовать немцев в рабочие колонны ... И. Сталин»: сб. док. (1940-е годы) / сост., предисл., коммент. д-ра ист.наук, проф. Н.Ф. Бугая. 2-е изд. М.: Готика, 2000. 352 с. и др.

¹⁰ Судьба российских немцев: коллективная исповедь в письмах / сост., общ. ред. и введение Т. Илларионовой. М.: Готика, 1993. 345 с.; Годаев П.О. Боль памяти. Элиста. Джангар, 1999. 352 с.; Майер Р.А. Судьба российского немца: семейная хроника. Ч. 1. Преодоление. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. 356с.; URL: <http://www.memorial.krsk.ru>. и др.

Глава 1. ПРОСТРАНСТВА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ И «ПРАВОВОЕ» ПОЛОЖЕНИЕ ДЕПОРТИРОВАННЫХ (1940–1945-е гг.)

1.1. Размещение спецпоселенцев в Сибирском регионе накануне и в годы Второй мировой войны

История и культура Сибири неразрывно связаны с жизнедеятельностью многочисленных этносов, оказавшихся в регионе в ходе постоянных добровольных или принудительных миграций. Развитие межэтнического взаимодействия являлось важным показателем социальной и политической стабильности, создавало особую поликультурную среду, влияющую на формирование сибирской ментальности.

Колонизация русскими Сибири начиналась с вольными торговыми и «промышленными людьми», которые с конца XVI в. вели здесь пушной промысел и активно торговали с местным, весьма разнообразным по своему этническому составу, населением. В Приенисейском крае это были многочисленные тюркоязычные племена, подчиненные енисейскими кыргызами. Правительственная колонизация стала осуществляться с XVII в. силами вольных переселенцев, служилых людей, ссыльных. Последние, имея достаточно пестрое «национальное представительство», еще больше разнообразили этнический состав края. Среди ссыльных можно было встретить пленных польско-литовских шляхтичей, пропольски или протурецки настроенных украинских и белорусских дворян и казаков, «немчинов», «гречанинов» и т.д.¹

В дальнейшем население увеличивалось за счет естественного и механического прироста. Освоение территорий приводило к увеличению добровольных и принудительных миграционных потоков. Это обстоятельство способствовало постоянному «обновлению» сибирского мира. В XVIII в. здесь оказались ссыльные шведы – плененные в ходе Северной войны, крестьяне, высылаемые в Сибирь помещиками. В следующем столетии ссылка становится еще более разнообразной: кроме помещичьих крестьян сюда были высланы участники декабристского восстания, польские повстанцы, члены народнических организаций и т.д. В конце XIX в., в связи со строительством Транссибирской магистрали, стало быстро расти число добровольных переселенцев, прибывавших из европейской части России. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г. зафиксировала на территории Енисейской губернии 570 тыс. чел., из которых 97 тыс. (17%) – нерусское насе-

ление. К последним относились коренные народы – 47100 чел. (49%) и «пришлые» – 49900 чел. (51%)².

Несмотря на некоторую обособленность сибирского мира от Центральной России, местное русское население, отчасти смешавшееся в ходе межэтнических браков с коренными народами Сибири, относилось к переселенцам терпимо и участливо. Эта комплементарность сибиряков наиболее ярко проявлялась в отношении ссыльных. Так, декабрист А.П. Беляев, следовавший в Сибирь на каторгу, в своих «Воспоминаниях» писал: «Хозяева, простые крестьяне-сибиряки, очень радушно нас приняли; опрятные хозяйюшки накрыли тотчас на стол и поставили кушанья ... а когда мы хотели заплатить за обед, то хозяин и хозяйка обиделись, сказав: «Что это вы, господа? У нас, слава Богу, есть чего подать»³.

Первый енисейский губернатор А.П. Степанов среди главных добродетелей сибиряков отмечал гостеприимство и сострадание. «Они ссыльных называют не иначе как несчастными, – писал Степанов, – и готовы помогать бедным, бесприютным»⁴. Анализируя традиционное сознание крестьян-старожилов Приенисейского края, историк Б.Е. Андюсев объясняет такое милосердное отношение сибиряков к ссыльнопоселенцам желанием помочь адаптироваться в местном социуме. Сибирякам неважно было прошлое ссыльного, более значимым представлялось его поведение на месте нового поселения. Крестьяне-старожилы старались положительно воздействовать на ссыльных своим примером, традициями, нормами «обычного права», что во многом им удавалось⁵.

Установление новой – советской – власти, сталинская модернизация страны обернулись новым витком колонизации Сибири и появлением новых ссыльных потоков. В 1930–1950-е гг. в Сибирь были принудительно высланы многочисленные «спецконтингенты», образуя на огромной территории за Уралом пространства спецпоселений, т.е. пространства особого режима содержания высланных групп. Институт спецпоселенчества начал оформляться еще в ходе «кулацкой» ссылки первой половины 1930-х гг. Только за 1930–1933-е гг. путем межрегиональных и внутрисибирских депортаций на спецпоселения в Сибири оказалось более 500 тыс. бывших сельских жителей, преимущественно крестьян⁶. Накануне и в годы Великой Отечественной войны практика высылки на спецпоселения распространилась на новые территории Сибири, а его субъектами стали новые социальные

группы. В указанный период репрессивные действия власти в отношении «раскулаченных» крестьян, советских немцев, бывших польских граждан и других депортированных групп принципиально не изменили сложившееся комплементарное отношение сибиряков к ссыльным.

Акции по переселению «спецконтингентов» 1940 – нач. 1950-х гг. проводились по уже хорошо отработанной схеме, апробированной в ходе принудительного переселения крестьян. Они были четко спланированы и быстро осуществлены, несмотря на все трудности времени. Политическое решение о депортации принималось заранее, до проведения самой операции по переселению, что позволяло СНК, НКВД и отраслевым наркоматам определить районы размещения и количество будущего «спецконтингента». План организационных мероприятий доводился до сведения руководителей краев и областей, которые, в свою очередь, должны были организовать работу районных органов власти по его выполнению.

Для приема и размещения депортированных на краевом (областном) и районном уровнях создавались специальные «тройки» из руководителей НКВД, ВКП(б) и исполкомов Советов депутатов трудящихся. Их деятельность также была четко организована, а высокий ранг членов «троек» позволял решать любые практические задачи.

В современной литературе нет устоявшего мнения о причинах предвоенных депортаций с западных советских территорий. В.Н. Земсков обращает внимание на факт этнической зачистки присоединенных перед войной земель, Н.Ф. Бугай среди множества причин социально-политического характера их проведения выделяет «средство ослабления обострившихся межнациональных отношений»⁷. На наш взгляд, учитывая весь комплекс национальных и социально-экономических противоречий на присоединенных территориях, связанных с их советизацией, важной причиной для депортации являлась «политическая неблагонадежность» выселяемых. Переселению подвергались прежде всего представители «бывших эксплуататорских классов» – политическая и военная элита, чиновничество, а также семьи участников националистических организаций. Поэтому можно поддержать мнение современных исследователей о том, что депортация части населения Западной Украины и Западной Белоруссии была важным инструментом утверждения советской власти, так как выселение польской интеллектуальной элиты, представителей прежней

политической системы, уничтожение польского подполья упрощали процесс советизации остального населения этого региона⁸.

«Спецконтингенты» из присоединенных к СССР в сентябре 1939 г. польских земель стали поступать в Сибирский регион в 1940–1941-е гг. Переселенцы прибыли в результате проведения трех операций по депортации части населения Восточной Польши: а) в феврале 1940 г. были выселены осадники (так называли польских переселенцев, которые получили земли на присоединенных к Польше белорусских и украинских территориях в 1920–1930-х гг.); б) в июне-июле 1940 г. – «спецпереселенцы-беженцы», прибывшие с оккупированной Германией территории; в) в мае-июне 1941 г. – члены семей участников контрреволюционных украинских и польских националистических организаций (в качестве ссыльнопоселенцев).

По подсчетам А. Гурьянова, именно Сибирь приняла большую часть вынужденных переселенцев из Восточной Польши – свыше 42,5 тыс. осадников и более 29 тыс. беженцев. Лидерами по размещению этих «спецконтингентов» в регионе оказались Новосибирская область, где находилось 19587 спецпереселенцев, и Красноярский край, которому первые две волны депортаций «дали» около 17 тыс. спецпереселенцев – 15538 осадников и 1459 беженцев⁹. В соответствии с Постановлением СНК СССР № 2010-558сс от 5 декабря 1939 г. о выселении осадников и использовании их на лесных разработках Наркомлеса СССР и подобным же Постановлением СНК СССР №497-177сс от 10 апреля 1940 г., принятым в отношении беженцев, данные «спецконтингенты» в основном расселили в 177 сибирских спецпоселках при леспромхозах, под надзор спецкомендатур¹⁰.

В результате осуществления последней предвоенной депортации в мае – июне 1941 г. эшелоны со спецпоселенцами направлялись преимущественно в Сибирь. Красноярскому краю «досталось» больше всех – 10150 человек (2535 семей) из бывших польских земель. Эшелоны со ссыльнопоселенцами из Западной Украины и Белоруссии прибыли практически одновременно – 7–10 июля 1941 г. Депортированные из Западной Украины 3300 чел. первоначально были размещены в 11 районах края, а более многочисленный контингент из Западной Белоруссии – 6850 человек – в 22 районах¹¹.

Общее количество переселенцев, оказавшихся в Сибири, превысило 100 тыс. чел., в т.ч. в Красноярском крае после трех депортаций

из западных областей УССР и БССР было размещено не менее 27 тыс. человек.

В июле 1941 г., уже в условиях начавшейся войны, в Сибирский регион прибыли ссыльнопоселенцы из Прибалтики. Планы депортации граждан из Литвы, Латвии и Эстонии возникли в недрах НКВД вскоре после подписания советско-германских секретных протоколов – в октябре 1939 г. НКВД издал приказ № 001223 о выселении анти-советских элементов из Литвы, Латвии и Эстонии. Но сама акция по переселению была проведена позже – за неделю до начала Великой Отечественной войны. Соответствующие постановления НКГБ прибалтийских республик приняли в день осуществления операций¹². Согласно официальным документам, 13–14 июня 1941 г. с этих территорий были выселены члены семей бывших активных членов националистических организаций (11 038 чел.), охранников, жандармов, полицейских, тюремщиков (3240 чел.); крупных помещиков, фабрикантов, чиновников (7124 чел.); офицеров (1649 чел.); участников контрреволюционных организаций, осужденных к высшей мере наказания (465 чел.); беженцы из Польши, отказавшиеся принять советское гражданство (337 чел.); члены семей лиц, прибывших по репатриации из Германии (105 чел.), – всего 25 711 чел.¹³ Они были направлены на поселение в качестве ссыльнопоселенцев. Социальный состав депортированных жителей прибалтийских республик указывал на важность социально-политических мотивов их переселения (рассматривались как «антисоветский элемент»), хотя большинство выселенных из Литвы, Латвии, Эстонии принадлежали к «титულным» нациям регионов выселения.

На территории Западной и Восточной Сибири разместили почти половину ссыльнопоселенцев – 18752 чел. (73,2%). Красноярский край стал самым восточным регионом их выселения. По данным Красноярского УНКВД, большинство прибывшего в июле 1941 г. прибалтийского «спецконтингента» составили жители Латвии – 6000 человек, и еще 164 человек были высланы из Литвы. География их размещения была довольно обширной: ссыльнопоселенцы были расселены в 22 районах Красноярского края¹⁴.

В Сибирь эшелоны прибывали в начале войны, и это обстоятельство несколько изменило предварительные планы размещения ссыльнопоселенцев. Так, в июле 1941 г. в Красноярский край прибыл «незапланированный» эшелон из Молдавии (470 чел.).

Он направлялся в Новосибирскую область, но из-за путаницы и неразберихи первых дней войны людей привезли в Красноярск. К концу 1941 г. на территории Красноярского края, по данным УНКВД, находились 8169 человек ссыльнопоселенцев: из Литвы – 292 человека, из Латвии – 7598 человек, из Молдавии – 289 человек¹⁵.

Большую роль в организации приема и размещения «спецконтингентов» играли органы НКВД. Из числа их сотрудников создавались специальные группы, в круг обязанностей которых входили: разгрузка эшелонов, формирование списков прибывших, заключение договоренности с советскими и хозяйственными организациями о местах размещения депортированных на работу, обеспечение продовольствием в пунктах разгрузки и расселения¹⁶.

Составленные УНКВД планы расселения были утверждены Красноярским крайисполкомом – ссыльнопоселенцы в первую очередь направлялись на предприятия лесной, золотодобывающей и местной промышленности, а также в сельскохозяйственные артели¹⁷. На операцию по размещению спецконтингентов отводилось 5–7 дней, выделялись дополнительные фонды на питание прибывших и на горючее для доставки их к местам расселения. Благодаря совместным усилиям представителей УНКВД и крайисполкома расселение прошло в намеченные планом сроки.

Большая часть спецпереселенцев и ссыльнопоселенцев была размещена в спецпоселках. В основном это были отдаленные участки лесхозов, расположенные, как предписывал НКВД, «за 10-километровой зоной железнодорожных магистралей», куда депортированных заселяли большими группами¹⁸. Такой вид расселения «спецконтингентов», известный еще по кулацкой ссылке, удачно совмещал в себе принцип изоляции переселенцев и решения производственных задач лесной отрасли. Однако встречались исключения. Например, 300 бывших польских осадников проживали в Емельяновском районе Красноярского края в поселке «Памяти 13-ти борцов» вместе с рабочими местного стеклозавода. Такое соседство не вызывало особых опасений у руководства, поскольку сибиряки первоначально настороженно относились к переселенцам, а последние, в свою очередь, плохо знали русский язык и местные обычаи¹⁹.

Таким образом, в результате предвоенных депортаций с присоединенных к СССР западных территорий только в Красноярский край было направлено свыше 30 тыс. переселенцев. В целом за Уралом количество вынужденных переселенцев превысило 100 тыс. чел.²⁰ Заранее составленные планы расселения и слаженность действий при-

нимающих организаций обеспечили оперативность проведения мероприятий по приему «спецконтингентов».

С началом Великой Отечественной войны поток спецпереселенцев, высланных в Сибирь и Среднюю Азию, увеличился. В военный период на спецпоселение были направлены советские немцы, финны, калмыки, греки. С 1944 г. за Уралом стали размещать «фольксдойче» и семьи «оуновцев».

Самым многочисленным был немецкий «спецконтингент». Большая его часть была представлена высланными из Поволжья и Ленинграда немцами. Переселение немцев Поволжья началось после объявления Указа Президиума Верховного Совета СССР № 21-160 от 28 августа 1941 г.²¹ После нападения Германии на СССР жители немецкой автономии не исключали возможности их переселения в другие районы страны, поскольку подобная практика уже использовалась применительно к волынским немцам в годы Первой мировой войны. Однако масштабы будущего переселения и удаленность регионов депортации немцы не могли себе представить. Операцию по переселению немцев Поволжья предполагалось провести с 3 по 20 сентября 1941 г. Большая часть немецких семей, около 450 тыс. человек, действительно была вывезена в сентябре-октябре 1941 г., но «зачистки» данной территории от немцев продолжались еще несколько лет, вплоть до 1948 г.²² Депортация немцев оказалась самой массовой акцией принудительного переселения народов в годы войны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1941 г. автономная республика немцев Поволжья была ликвидирована, а ее территория разделена между Сталинградской и Саратовской областями²³. Формальной причиной для переселения народа стали обвинения в его адрес в подготовке «пятой колонны». Необоснованность претензий к немцам Поволжья, которые якобы укрывали «тысячи и десятки тысяч диверсантов и шпионов», была очевидна во время проведения депортации и документально подтверждена исследователями²⁴. Л.П. Белковец, кроме причин депортации политического свойства, выделяет и экономический мотив – советское руководство решило использовать богатый немецкий исторический опыт по освоению новых земель и выживанию в экстремальных ситуациях и расселить их на малоосвоенных территориях Сибири, Казахстана, Средней Азии²⁵.

Первые эшелоны с поволжскими немцами стали прибывать в Сибирь в середине сентября 1941 г. Проведенная переселенческая операция довольно подробно описана в работах современных исследователей²⁶. Она продолжалась до начала октября. Наиболее многочисленный контингент немцев был размещен в Алтайском крае (94799 чел.), Ом-

ской (80349 чел.) и Новосибирской (116612 чел.) областях. Самым восточным регионом их расселения предполагалось сделать Красноярский край. По первоначальному плану размещения, составленному СНК СССР, он должен был принять 75 тыс. немцев. В действительности их прибыло больше. Так, в ноябре 1941 г. переселенческий отдел крайисполкома в своем отчете сообщил о размещении 75508 человек²⁷. Всего за Уралом к ноябрю 1941 г. оказалось 369 тыс. немцев – спецпереселенцев, что составляло примерно 1/4 часть от их численности в СССР²⁸.

До начала сталинской депортации немецкая этническая группа была в основном сосредоточена в европейской части СССР. Так, по переписи 1926 г. в Сибири проживало лишь 6,6% немцев, в Казахстане – 4,1%, в Средней Азии – 0,8%²⁹. «Сибирские» немцы проживали преимущественно в западной части региона. Этническая группа сложилась в результате нескольких волн добровольных и принудительных переселений второй половины XIX – начала XX веков (столыпинская аграрная реформа, переселение немцев с Волыни в годы Первой мировой войны и др.). По сравнению с Западной Сибирью, где уже в начале XX века существовало большое количество крупных немецких поселений, в восточной ее части (и в частности, в Красноярском крае) этнос был представлен «скромнее». Согласно переписи 1939 г., на его территории проживали 3962 немца, по большей части (69,0%) – селяне³⁰.

Начавшаяся в сентябре 1941 г. депортация немцев в Сибирь существенно изменила этническую картину в регионе. Численность немецкого населения за Уралом резко выросла. В Красноярском крае количество немцев увеличилось в 20 раз.

Переселение советских немцев продолжалось и после ликвидации АССР НП. До конца 1941 г. СНК СССР, ГКО, НКВД издали еще ряд приказов и постановлений о выселении немцев из южных и центральных районов страны. Сибирь получала все новые эшелоны с депортированными из Москвы, Кавказа и других регионов немцами. Их вывезли практически отовсюду, откуда это было возможно по обстоятельствам войны. Приказом Ставки Верховного Главнокомандующего от 8 сентября 1941 г. немцы-военнослужащие были демобилизованы из Красной Армии и высланы в Сибирь и Казахстан. Значительная часть из них сразу же попала в трудовую армию³¹. В итоге беспрецедентной по масштабам акции переселения из европейской части СССР в Сибирь и Среднюю Азию к началу 1942 г. было выселено 800 тыс. немцев, в том числе 77259 чел. – в Красноярский край³².

Крупной переселенческой акцией стало удаление немцев из Ленинграда и области. Она проходила в два этапа: часть немецкого населения (примерно 10000 чел.) успели вывезти в Омскую, Иркутскую области, в Красноярский край и Якутскую АССР до начала осады города, в период с 27 августа по 7 сентября 1941 г., остальных эвакуировали 26 и 27 марта 1942 г., преимущественно в Красноярский край (18895 чел.)³³.

Одновременно с немцами на основании постановлений Военного Совета Ленинградского фронта № 196 от 26 августа 1941 г. и № 001714 от 20 марта 1942 г. в ходе указанных операций были выселены финны и ингерманландцы. Большинство эшелонов с переселенцами было отправлено в Восточную Сибирь, где в апреле 1942 г. оказалось 58,3% (26104 чел.) депортированных финнов. Значительная их часть – 39,8% (17837 чел.) прибыла на спецпоселение в Красноярский край³⁴.

Расселение многочисленного немецкого контингента, по уже сложившейся в предвоенный период практике, проходило в соответствии с заранее подготовленными планами. Вопрос о подготовке к приему переселенцев обсуждался на заседаниях высших партийных и советских органов регионов вселения. Действия региональных властей были во многом схожи, поскольку задавались соответствующими директивами, спущенными из центра. В качестве примера разработки подобных подготовительных мероприятий может быть взят Красноярский край. 2 сентября 1941 г. проблемы, связанные с прибытием и размещением немецких семей, поднимались на совместном заседании Бюро Красноярского крайкома ВКП(б) и исполкома крайсовета. Согласно принятому решению, все подготовительные работы (выявление свободного жилья, обеспечение питанием, транспортные перевозки, медицинское обслуживание в местах разгрузки) должны были завершиться к 12 сентября. Для успешного выполнения операции по приему и размещению выселенных немцев в районы края направлялось 40 коммунистов актива крайкома и крайисполкома, а в пункты разгрузки – 16 оперативных работников УНКВД. По линии НКВД в распоряжение Красноярского управления выделили специальные средства – 2500 тыс. руб.

Главной проблемой расселения во всех сибирских территориях стал дефицит жилого фонда. Властям приходилось его делить между эвакуированным населением и немцами-переселенцами³⁵, вносить некоторые изменения в первоначальные планы. Дефицит жилья стал одной из причин дисперсного расселения немцев. В Омской области 83516 депортированных немцев расселили по 60 районам, в Красноярском крае их разместили в 40 районах края по 1–2 тыс. человек в

каждом. Расселение внутри районов было неравномерным и составляло в среднем 30–50 человек на одно поселение³⁶.

Сохранившиеся в Красноярском государственном краевом архиве пофамильные списки немцев, прибывших из Поволжья осенью 1941 г., позволили выявить географию их расселения. Для изучения были произвольно выбраны восемнадцать различных по своему географическому положению районов края (табл. 1).

Таблица 1 – Размещение немцев Поволжья в Красноярском крае (сентябрь – октябрь 1941 г)*

Откуда прибыли	Количество, чел.	Район края	Кол-во населенных пунктов, где были размещены
г. Саратов, Каменский, Бальцеровский кантоны	965	Енисейский	29
г. Энгельс	476	Ермаковский	Нет сведений
Нет сведений	1992	Идринский	41
Куккусский, Каменский, Ундервальденский кантоны	1436	Иланский	Нет сведений
г. Маркштадт	2019	Ирбейский	
г. Энгельс	1386	Канский	40
Куккусский кантон, г. Маркштадт	1070	Каратузский	15
Нет сведений	101	Козульский	Нет сведений
Каменский, Бальцеровский кантоны	1919	Курагинский	Нет сведений
г. Энгельс, г. Маркштадт	1973	Минусинский	Нет сведений
Ундервальденский, Красноярский кантоны, г. Энгельс	1339	Назаровский	20
Ундервальденский кантон	1985	Новоселовский	28
Красноярский кантон	1890	Пировский	29
г. Энгельс, Красноярский кантон	1845	Тюхтетский	50
г. Энгельс	1592	Ужурский	Нет сведений
Ундервальденский, Куккусский кантоны	1949	Уярский	Нет сведений
г. Энгельс	1551	Шарыповский	Нет сведений
Ундервальденский, Зельманский кантоны, г. Маркштадт	2126	Ширинский	Нет сведений

* Составлено по: ГАКК. Ф. Р–2137. Оп. 1. Д. 98. Д. 101. Д. 97. Д. 93. Д. 105.

Поскольку в край немцев прибыло больше, чем было запланировано, то вопросы их размещения становились для местных руководителей особенно актуальными. По воспоминаниям сибиряков-очевидцев депортаций, немцев-спецпереселенцев часто расселяли небольшими группами по молочно-товарным фермам, отделениям колхозов из-за недостатка жилья в больших деревнях. Режим изоляции спецпереселенцев от местных жителей не существовало.

Пофамильные списки немцев были использованы и для анализа половозрастного состава переселенцев. Он показал, что примерно половину переселенческого контингента (42,1%) составляли дети, женщин было гораздо больше, чем мужчин (45,6%)³⁷. На общем фоне прибывших немцев несколько выделялись горожане. Они имели следующую половозрастную структуру – детей у них было меньше (41,4%), а взрослого контингента – больше (58,6%). Однако диспропорция полов среди немцев-горожан была еще более глубокой: 56,4% составляли женщины и только 43,6% – мужчины³⁸.

Соотношения между возрастными группами тоже были основательно нарушены. Возрастная «пирамида» имела глубокую «демографическую «яму» вследствие снижения рождаемости в 1917–1921 гг. Особенно мало в этой группе было мужчин – 2,8% от их общего представительства. Невысокими были и воспроизводственные возможности переселенцев. Группа лиц наилучшего репродуктивного возраста (от 20 до 30 лет) имела огромную диспропорцию полов: на каждого мужчину в ней приходилось по две женщины. Одной из самых малочисленных (4,6%) была потенциально наиболее активная возрастная группа – 20–24 года. Оценивая демографические характеристики размещенных в Красноярском крае немцев, Л.Н. Славина отмечает, что при такой половозрастной структуре ухудшение процесса воспроизводства в ближайшие годы было неизбежным и без внешних воздействий. Депортации, трудовые мобилизации и жесткий режим спецпоселения еще больше усугубили неблагоприятную демографическую ситуацию³⁹.

Таким образом, сохранившиеся о немцах сведения показывали, что прибывший в край контингент обладал не самыми лучшими для хозяйственного освоения Сибири характеристиками. Мужчин трудоспособного возраста было немного, большую часть переселенцев составляли женщины и дети.

В 1942 г. в разряд «социально опасного элемента», подлежащего выселению из Краснодарского края и Ростовской области, попали греки. Часть из них также была отправлена на спецпоселение в Красноярский

край⁴⁰. По данным УНКВД КК, на территории края были расселены 604 семьи (3565 чел.) греков⁴¹.

По мере изменения ситуации на советско-германском фронте и освобождения Красной Армией ранее захваченных противником территорий возрастало количество депортированных национальностей. За пособничество оккупантам некоторой части населения расплачивались целые народы, попав в разряд «наказанных». Пространство Сибири продолжало заполняться различными «спецконтингентами». В 1943–1944 гг. в Сибирь и Среднюю Азию были депортированы калмыки, карачаевцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары. На спецпоселение за Урал отправили почти все калмыцкие семьи. Их выселение прошло в короткие сроки – с 28 декабря 1943 г. по 2 января 1944 г. Основанием для переселения послужил Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР» от 27 декабря 1943 г. Всего в 46 эшелонов было погружено 26359 семей – 93139 человек⁴².

В регионах расселения подготовка к приему нового «спецконтингента» началась за полтора месяца до его прибытия. Ответственные лица из край(об)комов, край(обл)исполкомов, УНКВД контролировали ход подготовительных мероприятий. Итоговые цифры по размещению калмыцких семей почти не отличались от предварительных. В Омской области, ставшей лидером по приему «калмыков», расселили 27069 чел., в Красноярском крае – 24998 чел., в Алтайском крае – 22212 чел., в Новосибирской области – 16436 чел. и еще 2268 чел. были направлены в Казахстан⁴³.

Депортация проходила в разгар январских морозов, что существенно усугубляло трудности двухнедельного пути калмыков до мест расселения. В составе калмыцкого контингента находилось много стариков и детей, которые, не выдерживая сурового сибирского климата, погибали в пути следования⁴⁴. В первые месяцы жизни на спецпоселении, несмотря на подготовительные мероприятия властей, у калмыков была высокая смертность: с января по март 1944 г. их численность в Красноярском крае «спецконтингента» сократилась на 840 человек (с 24998 до 24158).

При распределении прибывших переселенцев самой острой по-прежнему оставалась проблема жилья. Из-за отсутствия свободных площадей пришлось внести определенные коррективы в первоначальный план их расселения – зимой 1944 г. власти Красноярского края вынуждены были вместо 20 районов края распределить калмыков по 26 (табл. 2). Больше всего их оказалось в Хакасии. Расселение

калмыков по колхозам и лесопунктам было дробным, поскольку принимающие организации практически не имели свободного жилья.

На заключительном этапе Великой Отечественной войны принудительному перемещению на восток подверглись жители освобожденных западных территорий СССР. Депортации подлежали коллаборационисты, члены антисоветских подпольных организаций и их семьи. В середине 1944 – начале 1945-х гг. появились новые контингенты:

а) «фольксдойче» – немецкое население СССР, оказавшееся в оккупации. Некоторые из «фольксдойче» служили на низших должностях в нацистских оккупационных администрациях, стали гражданами третьего рейха. Для данной категории спецпоселенцев Приказом НКВД СССР № 0013 от 7 января 1944 г. был создан специальный Черногорский лагерь, в который направлялись «фольксдойче» со всей страны. По типу он относился к исправительно-трудовым учреждениям, куда направлялись лица, осужденные Особым совещанием при НКВД. Режим жесткой изоляции сохранялся до отбытия срока заключения в лагере⁴⁵. После освобождения из Черногорского ИТЛ бывшие «фольксдойче», как правило, поступали в распоряжение спецкомендатур и брались на учет по спецпоселению;

б) семьи «оуновцев» – членов организации украинских националистов. Согласно Приказу НКВД от 31 марта 1944 г., семьи «оуновцев» подлежали переселению в Красноярский край, Омскую, Новосибирскую, Иркутскую области. Уже через два месяца стали прибывать первые эшелоны со спецпоселенцами. К марту следующего года в новых местах расселения находилось 16522 «оуновца», в т.ч. 3601 чел. в Иркутской области и 2113 чел. – в Красноярском крае⁴⁶.

Таблица 2 – Размещение калмыков в Красноярском крае (март 1944 г.)*

Район	Количество спецпереселенцев	
	семей	человек
1	2	3
1. Ширинский	360	1200
2. Саралинский	306	955
3. Партизанский	154	489
4. Советский	216	729
5. Рыбинский	301	1131
6. Нижне-Ингашский	214	693
7. Боготольский	439	1612
8. Тухтетский	318	1140

1	2	3
9. Уярский	23	77
10. Назаровский	425	1438
11. Канский	320	976
12. Сухобузимский	65	244
13. Емельяновский	348	977
14. Манский	639	2123
15. Козульский	195	402
16. Ачинский	250	1163
17. Даурский	150	750
18. Боградский	369	1350
19. Кировский	1173	3555
20. Усть-Абаканский	559	2010
21. Кежемский	70	200
22. Богучанский	70	200
23. Абанский	50	120
24. Казачинский	100	250
25. Туруханский	40	100
26. Енисейский	120	274
Итого	7274	24158

* Составлено по: ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 71. Л. 34.

Прибывавшие на спецпоселение семьи «оуновцев» не имели особых ограничений по размещению на территории края. Известно, что они направлялись в распоряжение местных лесопромышленных трестов «Краслес», «Красдрев», «Хакаслес». Руководителям трестов, крайздрава и крайУРСа было отведено два месяца на проведение подготовительных работ по приему переселенцев. Их деятельность координировало главное «принимающее» ведомство – ОСП УНКВД⁴⁷.

Сибирь стала основным регионом выселения для «фольксдойче» и членов семей «оуновцев». Только в первый год депортации свыше 6 тыс. их оказалось за Уралом. Треть была размещена в Красноярском крае⁴⁸.

В 1940-х гг. территориальное размещение «спецконтингентов» часто менялось. Советское правительство считало переселенцев тем резервом рабочей силы, использование которого позволяло решать важные народнохозяйственные задачи. С началом Великой Отечественной войны, после проведения массовых мобилизаций в тыловых районах страны резко возросла потребность в трудоспособном насе-

лении. Спецпоселенцы должны были в некоторой степени «снять» дефицит рабочих рук. Трудовые мобилизации переселенцев стали обычным явлением в годы войны. Выявленные нами документы позволяют проследить наиболее крупные перемещения «спецконтингентов» накануне и в годы войны.

В конце 1940 г. по распоряжению наркомата внутренних дел из Красноярского края в ведение УИТЛ и ТП Иркутской области направили 1413 спецпоселенцев – осадников и беженцев⁴⁹.

Но наиболее массовой формой мобилизации депортированных граждан в годы войны стала трудармия. Постановлением ГКО №1123сс от 10 января 1942 г. в нее были призваны немцы-спецпереселенцы – мужчины в возрасте от 17 до 50 лет⁵⁰. Проведение мобилизации возлагалось на НКО и НКВД СССР. Сибирь и Казахстан должны были направить в рабочие колонны 120 тыс. немецких мужчин при общей их численности в этих регионах вселения в 152558 чел. Таким образом, три четверти немцев, не успев полностью освоиться на новых местах, вновь подверглись переселению. В результате первого призыва только Красноярский крайвоенкомат направил в рабочие колонны около 10 тыс. немецких мужчин-переселенцев в возрасте от 16 до 55 лет. Половина из мобилизованных трудармейцев (5 тыс. чел.) была отправлена в распоряжение Краслага на станцию Решеты, остальные следовали до Вятлага⁵¹.

В марте 1942 г. на основании Постановления ГКО-1281сс от 14 февраля 1942 г. в рабочие колонны были призваны местные немцы, «постоянно проживающие в областях, краях, автономных и союзных республиках»⁵². Мобилизованные поступали в ведение НКВД СССР и направлялись на строительство железных дорог. Красноярский край покинули не все местные мобилизованные немцы – 339 человек попали в Краслаг НКВД СССР. Это подразделение ГУЛАГа приняло еще и немцев из Бурят-Монголии, Иркутской и Читинской областей⁵³.

В октябре 1942 г. была проведена дополнительная мобилизация немцев, что привело к дальнейшему сокращению численности данного контингента в крае. Поскольку большая часть взрослых мужчин уже находилась в «трудовой армии», а нужды военной экономики требовали дополнительных источников рабочей силы, то ГКО в своем Постановлении от 7 октября 1942 г. №2383 привлек к обязательной трудовой мобилизации не только немецких мужчин, но и женщин-немок в возрасте от 16 до 45 лет. Освобождались лишь беременные

женщины и матери, имевшие детей до 3 лет. Постановление расширяло призывной возраст для мужчин – от 15 до 55 лет⁵⁴. Трудмобилизованные из Алтайского и Красноярского краев, Омской и Новосибирской областей направлялись главным образом в распоряжение наркомата нефтяной промышленности – на нефтекомбинаты Куйбышевской и Молотовкой областей, в тресты Башнефтекомбината. По планам НКВД СССР на предприятия наркомнефти и наркомугля из вышеуказанных сибирских регионов должны были направиться 30750 человек⁵⁵.

В ходе мобилизации немцев в октябре 1942 г. в подразделения ГУЛАГа НКВД стали направляться женщины. По указанию заместителя наркома внутренних дел В.В.Чернышова, 14 тыс. немок поступали в ведение 8 различных лагерей НКВД, в том числе 1 тыс. мобилизованных женщин из Алтайского края направлялась в Краслаг⁵⁶. Перемещение женского немецкого контингента с Алтая скорее всего было продиктовано стремлением НКВД предотвратить возможные побег. В Красноярском крае в рабочие колонны также было призвано несколько тысяч немок, но в интересах безопасности их направили подальше от оставшихся на поселении семей. Так, согласно указанию НКВД СССР, 2 тыс. немок, мобилизованных краевым военкоматом, поступали на строительство Джидинского вольфрамо-молибденового комбината (Джидлаг) в Бурят-Монгольской АССР⁵⁷. В 1943 г. принудительные переселения немцев продолжались на основании постановлений ГКО о мобилизации выселенного немецкого населения от 2 марта 1943 г. №3857 и от 19 августа 1943 г. №3960сс⁵⁸. Установить точное количество трудмобилизованных в 1943 г. не представляется возможным, но известно, что только в августе этого года призыву в рабочие колонны подлежали 2200 немцев и 6500 немок, находившихся на спецпоселении в Сибирском регионе⁵⁹. В результате принудительных перемещений, спада рождаемости и высокой смертности в первые годы депортации численность немецко-спецпереселенцев в местах первоначального вселения сильно сократилась. В Красноярском крае по сравнению с осенью 1941 г. их стало меньше более чем на треть и составила в августе 1944 г. 46627 человек⁶⁰.

Отметим, что трудовые мобилизации распространялись и на другие высланные народы, а также на трудоспособное местное население. Так, в августе 1943 г. ссыльнопоселенцы и трудпоселенцы мобилизо-

вывались для работы в угольной промышленности. Красноярский крайвоенкомат должен был призвать для этих целей 700 человек⁶¹.

Вокруг трудармейских формирований в последние десятилетия родилось много мифов о том, что их создание в военные годы имело национальный подтекст и немцы были их главными субъектами. Такие представления сложились не только под воздействием эмоциональных публикаций бывших трудармейцев, но и из-за фрагментарности имеющихся архивных сведений, которые не дают четкого представления о национальном составе трудмобилизованных. Сохранившиеся в 15 районных военкоматах Красноярского края сведения позволяют в некоторой степени выявить национальный состав трудармейцев (см. табл. 1 приложения). Всего за 1942–1943 гг. через вышеуказанные военкоматы, по самым общим подсчетам, были мобилизованы 15542 человек. Однако проведенные расчеты показали: трудовые мобилизации проводились не по национальному признаку, а распространялись на трудоспособное население региона в целом.

Известно, что рабочие колонны в СССР в годы войны формировались из мужчин и женщин от 15 до 55 лет. В 10 районных военкоматах Красноярского края остались данные о половозрастном составе трудмобилизованных, что позволило в некоторой степени обобщить имеющиеся сведения (см. табл. 2 приложения). Из приведенных данных следует, что основу рабочих колонн составляли мужчины русской и немецкой национальности. Но среди немцев молодежи было больше, поскольку в Красную Армию немецких юношей не призывали, но охотно забирали в армию трудовую.

Не менее тяжелой оказалась судьба русских и немецких женщин, которые численно преобладали среди женского контингента трудармеек. В рабочих колоннах оказалось много совсем юных немецких и русских девушек (моложе 18 лет). Очевидно, это было связано с отсутствием детей у многих представительниц данной возрастной группы, что позволяло военкоматам бесприпятственно их мобилизовывать. Женщин других национальностей отправляли в рабочие колонны значительно реже, используя для этих целей взрослых мужчин.

Спецпереселенцы-калмыки не были призваны в трудармию, но часть их, вскоре после прибытия в места выселения, направили в Иркутскую область и Якутскую АССР работать на слюдяных рудниках наркомстройматериалов СССР. УНКВД Красноярского края должен был отправить в указанные районы 700 семей⁶². Но уже в августе

1944 г., по причине отсутствия жилья, калмыков из Иркутской области вновь вернули в Красноярский край.

Крупные перемещения «спецконтингентов» в годы войны были связаны с реализацией Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбной промышленности в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока». Спецпереселенцев предполагалось направить в низовья рек Оби, Лены, Енисея, Яны, Индигирки и Колымы.

Кампания по переселению в северные районы проходила в летнюю навигацию 1942 г. Из Омской области в Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий округа были переселены 15043 чел. и 9080 в Якутскую АССР, из Новосибирской области 20482 чел. направлены в Нарымский округ. Красноярский край стал лидером «северного переселения»: вместо первоначально запланированных 15000 чел. отправились осваивать рыбные промыслы в северных районах почти 23 тыс. переселенцев⁶³. Нам представляется необходимым внести некоторые уточнения в количественные данные о переселенцах, направленных на рыбные промыслы в Красноярском крае. В современной исторической литературе, вслед за П.Б. Ремпелем, исследователи приводят цифру 22 939 переселенцев, подчеркивая, что все они – немцы⁶⁴. Однако сведения Архивного Агентства Красноярского края дают иную этническую картину переселения. Из почти 23 тыс. чел., направленных на освоение рыбных промыслов, немецкий контингент был действительно самым многочисленным, но среди переселенцев были и русские, литовцы, латыши, эстонцы, греки, финны. Только в первых двух караванах судов в июле 1942 г. на север было отправлено 1197 трудпоселенцев, 2203 ссыльнопоселенца, 343 спецпоселенца, 6312 поволжских немцев, 2091 чел. фигурировали как «высланные из Ленинградской области» (очевидно, немцы и финны) и еще 229 чел. значились в графе «прочие»⁶⁵. Таким образом, контингент будущих «рыбаков» был интернациональным.

В результате перемещения на север пространство спецпоселения значительно расширилось, а присутствие переселенцев стало повсеместным.

Единственным «спецконтингентом», кому война принесла освобождение и возможность вернуться на родину, стали выселенные перед войной поляки. Вскоре, после установления дипломатических отношений 30 июля 1941 г. между СССР и польским эмигрантским правительством, советское руководство объявило амнистию всем

польским гражданам, находящимся в заключении или на спецпоселении⁶⁶. Ссылные, высланные, спецпоселенцы освобождались от обязательной регистрации в органах НКВД, получали изъятые ранее документы и удостоверение на право свободного проживания на территории СССР, кроме пограничной полосы, запретных зон, местностей, объявленных на военном положении, и режимных городов первой и второй категории⁶⁷. Часть поляков использовала эту возможность, перебравшись из северных в южные районы, но большинство из них, из-за нереальности в условиях войны вернуться на родину, временно оставалось в прежних местах проживания. Согласно достигнутым договоренностям, поляки начали формировать на территории СССР национальные воинские соединения (армию Андерса, дивизию Т. Костюшко). В числе первых места ссылки покидали те, кто был годен к военной службе. По данным польских источников, на территории Красноярского края в декабре 1942 г. находилось 15737 польских граждан (4514 мужчин, 5513 женщин, 5710 детей), а в 1-м квартале 1943 г. их насчитывалось 14199 человек⁶⁸. Красноярский крайисполком в мае 1944 г. располагал сведениями о 14426 поляках, проживавших в крае, и о 1860 человек, сражавшихся в составе различных польских воинских соединений на советско-германском фронте⁶⁹.

Выезд из края поляков продолжился в 1944–1945-е гг. Советское правительство, демонстрируя перед союзниками лояльность к полякам, провело ограниченную репатриацию. Возвращение поляков на родину проводилось при активной поддержке польского эмигрантского правительства и Союза польских патриотов, находившегося на советской территории. Красноярское отделение Союза в 1944 г. имело сведения обо всех бывших польских гражданах, проживавших на территории края, и настаивало на постепенном выезде их на родину. Сами поляки направляли просьбы о скорейшем возвращении как в польское представительство, так и в местные органы власти⁷⁰. Благодаря активной деятельности Союза осенью 1944 г. на освобожденную территорию Украины было отправлено 3112 человек, что даже немного превышало первоначальный план переселения (3000 чел.). Преимущество в выезде получали те семьи, у которых родственники являлись военнослужащими Красной Армии. Вопросами материального и технического обеспечения переселяемых лиц занимался Красноярский крайисполком.

Отметим, что процесс возвращения поляков на родину шел параллельно с репрессиями, проводимыми НКВД против польских граждан на освобожденных западных территориях и в самой Польше. Фактически это означало, что до установления просоветского режима в Польше ее граждане оставались «социально опасным элементом» для советского руководства.

Итак, в 1940–1945 гг. Сибирский регион превратился в место расселения многих высланных «спецконтингетов». По мере поступления новых партий депортированных географическое и этнокультурное пространство Сибири заполнялось все новыми переселенцами. Их появление значительно изменило национальную карту региона, многократно увеличив число поляков, немцев, литовцев, латышей, эстонцев, чье представительство до принудительных миграций было незначительным. В апреле 1945 г. за Уралом было расселено 629130 спецпереселенцев, что составляло 28,4% от всех направленных на спецпоселение в СССР. Подавляющее большинство депортированных проживало на территории Западной Сибири и Красноярского края⁷¹. Географическими векторами новых передвижений вынужденных переселенцев стали север и восток региона. Именно эти удаленные от центра страны и малозаселенные территории стали зонами дальнейшего распространения системы спецпоселений в Сибири при вторичных депортациях «спецконтингетов».

Прием большинства переселенцев стал непростой задачей для местных руководителей, поскольку их основные усилия были направлены на обеспечение нужд фронта. Тем не менее размещение контингентов по районам проходило достаточно оперативно, что свидетельствовало о предварительной подготовке органов власти к переселению. Наличие большой неосвоенной территории позволяло выселять все новые контингенты. Возрастание потока переселенцев увеличивало дефицит жилья, который постоянно ощущался при организации расселения депортированных семей.

Большинство прибывших семей расселили в сельской местности – в деревнях, на лесоучастках, в спецпоселках. География расселения «спецконтингетов» часто изменялась, поскольку они подвергались повторному переселению. Практика повторных переселений показала, что планы трудового использования «спецконтингетов» часто менялись. В основном новые перемещения были обусловлены возникающими экономическими потребностями региона. Благодаря жест-

кому контролю и оперативным действиям НКВД спецпереселенцы оказались весьма мобильным резервом рабочей силы, легко перемещаемым в случае необходимости решения важных для государства задач.

Размещение контингентов в годы войны отличалось от расселения трудпоселенцев в 1930-х гг. Если в предвоенный период действовал сложившийся еще в ходе кулацкой ссылки принцип размещения переселяемых в спецпоселки, то с началом войны, по мере притока новых контингентов, от него пришлось отказаться – депортированные были расселены среди местного населения дисперсно, небольшими группами.

Постоянные перемещения спецпереселенцев позволяют говорить об их вынужденной высокой миграционной активности. Следовательно, для депортированных семей принудительное переселение может рассматриваться как длительный процесс, не ограниченный акцией по выселению их в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию.

Примечания к 1.1

¹ Красноярье: пять веков истории: учеб. пособие по краеведению. Ч. 1. Красноярск: Платина, 2005. С. 51.

² Этнографическая история народов Красноярского края: библиогр. указ./ науч. ред. Р.Г. Рафиков. Красноярск: ООО «ИПЦ «КаСС», 2006. С. 7.

³ История Красноярска. Документы и материалы XVII – первая половина XIX вв. / сост. и авт. Г.Ф. Быконя. Красноярск: Офсет, 2000. С. 506–507.

⁴ Там же. С. 638.

⁵ Андюсев Б.Е. Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX вв.: учеб. пособие для учащихся и студентов. Изд. 2-е, испр. и доп. Красноярск: РИО КГПУ, 2003. С. 87–89.

⁶ Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2003. С. 64.

⁷ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930 – 1960. М.: Наука, 2003. С.89; Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006. С. 50.

⁸ Чевардин А.В. Поляки в Свердловской области 1939 – конце 1940-х годов: автореф. дис.... канд. ист. наук. Челябинск, 2009. С. 17.

⁹ Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в Сибири (1940–1941 гг.) // Сибирь в истории и культуре польского народа: пер. с пол. М.: Ладомир, 2002. С. 369–370.

¹⁰ Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940–1941 гг. URL: http://www.memo.ru/history/POLAcy/g_1.htm.

- ¹¹ Расчеты произведены по данным эшелонных списков, опубликованных А.Э. Гурьяновым. См.: Гурьянов А.Э. Массовые депортации из Молдавии, западных областей Украины и Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии в 1941 г. Список эшелонов. URL: [http:// www.memo.ru/HISTORY/Polacy/deport](http://www.memo.ru/HISTORY/Polacy/deport); Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы 1940–1950-е гг. / под ред. д-ра ист. наук В. Дмитриенко. М.: Терра, 1994. С. 180.
- ¹² Полян П.М. Не по своей воле ... (история и география принудительных миграций в СССР) О.Г.И. «Мемориал». М., 2001. С. 99, 253.
- ¹³ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию...». М.: АИРО – XX, 1995. С.187–188.
- ¹⁴ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 90 – 91; Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы... С. 181.
- ¹⁵ Гурьянов А.Э. Массовые депортации ...; Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы... С. 195.
- ¹⁶ ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Д. 2. Т. 1. Приказы УНКВД КК за 1941 г. С. 36.
- ¹⁷ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д.40. Л.46.
- ¹⁸ ГАКК. Ф. Р. 1434. Оп. 12с. Д.7. Л. 8–10; О судьбе репрессированных латышей: из воспоминаний А.К. Лелайса // Красноярский край в истории Отечества: книга вторая. 1917–1940. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1996. С. 217–219.
- ¹⁹ ГАКК. Ф. Р. 1434. Оп. 12с. Д. 7. Л. 8 – 10.
- ²⁰ Рассчитано по: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР ... С. 90 – 91.
- ²¹ История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.) / сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. Т.1. М.: МГУП, 1993. С. 159 – 160.
- ²² Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину... С.321.
- ²³ История российских немцев в документах ... Т.1. С. 163.
- ²⁴ Исаков К. 1941 г.: другие немцы. Была в Поволжье «пятая колонна» // Новое время. 1990. №7. С. 36–39; Бугай Н.Ф. 40-е годы: «Автономию немцев Поволжья ликвидировать ...» // История СССР. 1991. № 2. С.173; Ионг Луи де. Немецкая пятая колонна в Западной Европе. М.: Вече, 2004. С. 270 – 271; Фукс В.Г. Роковые дороги поволжских немцев. 1763–1995 гг. Красноярск: Краснояр. краевое нем. об-во «Возрождение», 1995. С.78.
- ²⁵ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941 – 1945 гг.: Историко-правовое исследование. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. С. 47.
- ²⁶ Герман А.А. Немецкая автономия на Волге: 1918 – 1941. Ч.2. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. 416 с.; Белковец Л.П. Административно-правовое положение и др.
- ²⁷ ГАКК. Ф. Р. 2137. Оп.1. Д.91. Л.31.
- ²⁸ Рассчитано по: Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину ... С. 27, 36.
- ²⁹ Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы / Ш.К. Ахметова, О.М. Бронникова, М.А. Жигунова и др. Новосибирск: Наука, 2002. С. 91.
- ³⁰ ГАКК. Ф. Р 1300. Оп. 12(с). Д. 37. Л. 125; Славина Л.Н. Немцы в Красноярском крае: социально-демографическое развитие в XX веке // Немцы в Сибири:

история, язык, культура: мат-лы междунар. науч. конф., г. Красноярск, 13–16 октября 2004 г. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 76–77.

³¹ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину ... С. 43.

³² Полян П.М. Не по своей воле ... С. 113–114; Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.) / сост. О.Л. Милова. М., 1995. С. 159–162.

³³ Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.:Новое литературное обозрение, 2005. С. 331; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И.Сталину ... С. 43.

³⁴ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч.1. Курск: ГУИПП «Курск», 1999. С. 223–225; Земсков В.Н. Спецпоселенцы (1930 – 1959 гг.) // Социс. 1990. № 11.С. 159.

³⁵ Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать ...»: документы, факты, комментарии / вступ. ст., сост, послесл. Н.Ф. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. С. 52–53; ГАКК. Ф. Р.1386. Оп. 4. Д. 41. Л. 144–147.

³⁶ Сарнова В.В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. С. 89; ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 41. Л.150; Ф. Р. 2137. Оп.1. Д. 99. 101,102,105; Ф. П. 26. Оп.3. Д. 105. Л. 4, 5, 10.

³⁷ Славина Л.Н. Социально-демографические последствия депортации (на примере Красноярского края) // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. №2. С. 35.

³⁸ ГАКК. Ф. Р. 2137. Оп. 1. Д. 97. С. 101.

³⁹ Славина Л.Н. Немцы в Красноярском крае: социально-демографическое развитие ... С. 78.

⁴⁰ Полян П.М. Не по своей воле ... С. 247.

⁴¹ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину ... С. 208.

⁴² Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение 1943 – 1957 гг. Элиста: Санан, 1991. С. 6, 37.

⁴³ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп 1. Д. 136. Л. 1 - 2.

⁴⁴ Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение ... С. 57–58.

⁴⁵ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. М.: Звенья, 1998. С. 312.

⁴⁶ Бугай Н.Ф. Народы Украины С. 134.

⁴⁷ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 78. Л. 31.

⁴⁸ Сведения взяты из Справки НКВД СССР с размещении спецпереселенцев, составленной в январе 1945 г. // Отечественные архивы. 1993. №5. С. 110.

⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 218.

⁵⁰ История российских немцев в документах... Т. 1. С. 168–169.

⁵¹ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны ... И. Сталин»: сб. док. (1940-е годы) / сост., предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н.Ф. Бугая. 2-е изд. М.: Готика, 2000. С. 39,56, 58, 70; ОСФИР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Приказы УНКВД по Красноярскому краю за 1942 г. Т. 1. Д. 1. Л. 6.

⁵² «Мобилизовать немцев ...» С. 41.

- ⁵³ Там же. С. 71; Курочкин А.Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы ВОВ (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1998. С. 78.
- ⁵⁴ История российских немцев в документах ... Т. 1. С. 172.
- ⁵⁵ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны» ... С. 81, 90.
- ⁵⁶ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны ...»... С. 261.
- ⁵⁷ Там же. С. 264; Саганова Л.П. Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941–1956 гг.): автореф. дис.... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. С. 13.
- ⁵⁸ Полян П.М. Не по своей воле... С. 257.
- ⁵⁹ «Мобилизовать в рабочие колонны ...» ... С. 50.
- ⁶⁰ Красноярский край в истории Отечества: книга третья. 1941–1953. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 2000. С. 301.
- ⁶¹ «Мобилизовать в рабочие колонны ...» ... С. 49.
- ⁶² ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 66. Л. 135.
- ⁶³ Белковец Л.П. Административно-правовое положение С. 123; ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 129. Л. 13; Д. 108. Л. 37.
- ⁶⁴ Ремпель П.Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы: проблемы истории, языка и современного положения. М.: Готика, 1996. С. 74; Белковец Л.П. Административно-правовое положение ... С. 123.
- ⁶⁵ ГАКК. Ф. П. 26. Оп. 3. Д. 463. Л. 115.
- ⁶⁶ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12 августа 1941 г. № 19-160 «О предоставлении амнистии польским гражданам, содержащимся в заключении на территории СССР»; Указ Президиума Верховного Совета от 17 августа 1941 г. «Об освобождении поляков от статуса спецпереселенцев»; Директива НКВД СССР от 19 августа 1941 г. о разрешении освобожденным от спецпоселения полякам проживать на территории СССР. См.: Полян П. Не по своей воле... С. 254–255.
- ⁶⁷ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. Т.5. Спецпереселенцы в СССР /отв. ред. и сост. Т.В.Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 323–324.
- ⁶⁸ Ciesielski S., Hryciuk G., Srebrakowski A. Masowe deportacji radzieckie w okresie II wojny swiatowej / S/ Ciesielski, G. Hryciuk, A. Srebrakowski. Wroclaw, 1994. S. 74, 77.
- ⁶⁹ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 71. Л. 79–80.
- ⁷⁰ ГАКК. Ф. Р. 2137. Оп. 1. Д. 147. Л. 7.
- ⁷¹ Рассчитано по: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР ... С. 115–116.

1.2. «Правовой статус» депортированных

С начала 1930-х гг. спецпоселенцы стали особой социально-правовой группой советского общества. Определение их «правового положения» выходило за рамки советского законодательства. Формально спецпоселенцы оставались гражданами страны, на которых распространялись зафиксированные в Конституции права и обязанности. Фактически, как и другие группы населения (например, советские крестьяне), они находились в состоянии несвободы. Сам термин «спецпереселенцы», родившийся в недрах НКВД, указывал на специфику положения высланных групп. Так, с одной стороны, подчеркивался принудительный характер перемещения семей в отличие от добровольных переселенцев, с другой – указывалось на особость статуса в сравнении с местным населением, которое в большинстве хоть и находилось в разной степени несвободы от государства, но не состояло под надзором спецкомендатур.

Депортации этнических групп, проводимые в СССР накануне и в ходе Второй мировой войны, не имели четкой правовой основы – в действующем законодательстве не существовало наказаний за принадлежность к национальности. Вместе с тем принудительное переселение как мера наказания в советском праве присутствовала. В Уголовном кодексе 1926 г. нет понятия «депортация», но близким ему по значению можно считать «удаление из пределов РСФСР или из пределов данной местности». Подобные действия в отношении наказуемых трактовались как меры социальной защиты судебно-исправительного характера. Решения о переселении принимал суд (с ноября 1934 г. и ОСО при НКВД СССР) в отношении тех лиц, оставление которых в данной местности считалось общественно опасным¹. Столь широкое обоснование причин переселения позволило применять данную меру в отношении различных социальных групп, в том числе и национальных контингентов.

Согласно действовавшему законодательству, общественно опасное лицо могло быть направлено в ссылку – т.е. ссылалось в определенную местность под гласный надзор органов НКВД с ограничением права передвижения, или же подвергнуться высылке – т.е. высылалось из постоянного места жительства так же под гласный надзор НКВД с запрещением проживания в определенных местностях. Оба вида принудительного переселения ограничивались сроком до 5 лет².

Массовые предвоенные и военные депортации выходили за рамки установленных правовых норм. Выселенные в это время контингенты могли быть квалифицированы как «общественно опасные» и подвергнуты ссылке, но подобные решения выносили не судебные органы, а представители законодательной и исполнительной власти – Президиум Верховного Совета СССР и СНК СССР. В годы войны такими полномочиями были наделены и военсоветы фронтов. К тому же срок ссылки не оговаривался. Исключение составляли депортированные накануне войны ссыльнопоселенцы, которых направили на поселение на 20 лет. Таким образом, депортированные контингенты по характеру применяемых к ним действий – принудительное переселение в определенные районы страны под надзор органов НКВД без права самовольно их покинуть – условно могли быть отнесены к административно ссыльным, но подобная терминология к ним не применялась.

Прибывавшие на поселение контингенты первоначально имели разное обозначение («ссыльнопоселенцы», «спецпереселенцы», «эвакуированные» и т.д.), что, на наш взгляд, характеризовало «особость» их правового положения. Организаторы переселений стремились разграничить уже состоявших на спецучете в местах поселений трудпоселенцев и новые контингенты депортированных. Очевидно, что и понятие «спецпереселенец» по отношению к депортированным группам не являлось универсальным, хотя их фактическое положение в местах расселения было схожим. В годы войны система «обрастала» новыми «спецконтингентами», каждый из которых был объектом отдельного правового регулирования. По мере нарастания критической массы система стала двигаться в сторону самоорганизации и унификации поднадзорных групп. Реальное воплощение структурные изменения получили в конце 1943 – начале 1945 гг., когда в результате различных реорганизаций отдел спецпоселений стал самостоятельной структурой НКВД СССР, а правовое положение спецпереселенцев получило правовое закрепление в соответствующем Постановлении СНК СССР от 8 января 1945 г.³

Семьи польских осадников и беженцев, направленные на спецпоселение в 1940 г., первыми получили «спецпоселенческое» обозначение в официальных документах. Но принципиального отличия в режиме, административном обслуживании и надзоре между ними и трудпоселенцами, также находившимися в бессрочной ссылке, не су-

ществовало⁴. При этом ссыльные крестьяне продолжали именоваться «трудпоселенцами», поляки – «спецпоселенцами». Оба контингента находились под надзором местных районных комендатур (см. табл. 3 приложения).

Система спецпоселений возникла в начале 1930-х гг., когда в ссылку были направлены «раскулаченные крестьяне». Они поступали в ведение Отдела по спецпоселениям ГУЛАГа ОГПУ, созданного в июне 1931 г.⁵ Появление нового польского «спецконтингента» вызвало реорганизацию системы спецпоселений – теперь она состояла из трудовых и специальных поселков, управляемых комендатурами, находящимися в ведении ГУЛАГа НКВД. В первых размещались кулаки, во вторых – депортированные жители западных областей Украины и Белоруссии, а позже – Прибалтики. В начале 1941 г. существовавшие раздельно отделы трудовых поселений (ОТП) и специальных поселений (ОСП) были объединены в один отдел трудовых спецпоселений (ОТСП) ГУЛАГа, но разграничение в управлении кулаков и спецпоселенцев сохранилось⁶.

С прибытием в Красноярский край бывших польских осадников и беженцев количество людей, подконтрольных комендатурам, значительно выросло. Следуя распоряжениям наркомата внутренних дел («Положения о спецпоселках и трудовом устройстве осадников, выселяемых из западных областей УССР и БССР», «Штаты районной и поселковой комендатуры НКВД спецпоселков»), УНКВД КК в феврале 1940 г. сформировало новые комендатуры для обслуживания польских осадников. Были образованы 1 районная и 25 поселковых комендатур, насчитывавшие в своем составе 72 сотрудника⁷. Штат сотрудников комендатуры, обслуживавших польских переселенцев, как правило, насчитывал 3–4 человека: районный (поселковый) комендант, участковый и делопроизводитель⁸.

Полномочия комендантов в новых поселениях практически не отличались от функций их коллег, надзиравших за трудпоселенцами. Они заводили личные дела на спецпоселенцев, следили за их трудовым использованием, могли вмешаться в производственный процесс в случае явных его нарушений со стороны администрации поселка. Например, когда руководство лесоучастков «Береть» и «Ярлыковка», находившихся в Советском районе Красноярского края, произвольно увеличило продолжительность рабочего дня для осадников с 8 до 10 часов и не выплачивало им своевременно зарплату, местному комен-

данту пришлось разбираться с выявленными нарушениями⁹. Коменданты вели постоянный учет всего населения спецпоселков, придавая особое значение содержанию трудоспособного контингента, поскольку от этого во многом зависело выполнение плановых заданий. «Кураторы от НКВД» могли поставить вопрос перед руководством предприятия о наложении административного взыскания на виновных лиц за выявленные в обеспечении спецпереселенцев недостатки.

За предоставление рабочей силы различным производственным наркоматам ведомство Берии получало 10% зарплаток спецпереселенцев, которые предназначались для содержания сотрудников районных и поселковых комендатур.

Осуществлявшийся НКВД административный надзор за спецпоселенцами позволял многим комендантам представлять в роли «вершителей судеб». Они часто злоупотребляли своим служебным положением, считая «спецконтингент» своими подданными, а спецпоселок – вотчиной. В архиве ГУВД сохранилось немало свидетельств, фиксирующих многочисленные нарушения прав спецпереселенцев со стороны комендантов. Самыми распространенными были случаи личных оскорблений депортированных. Во взаимоотношениях спецкомендатур и переселенцев многое зависело от личности надзирающего, его собственного отношения к «спецконтингенту». О «лояльных» и «злых» комендантах вспоминали ссыльнопоселенцы из Прибалтики, также размещенные в спецпоселках под надзор местных комендатур¹⁰.

Спецпереселенцы редко заявляли о злоупотреблениях местного коменданта в вышестоящие инстанции. Регулировать работу своих подчиненных пыталось само ОТСП. Факты имевшихся служебных нарушений выявляли периодические проверки. Руководство отдела неоднократно наказывало отдельных работников комендатур за «распущенность и халатность», нарушение дисциплины, запущенность учета «спецконтингента»¹¹.

Злоупотребления и низкая исполнительская дисциплина были основными, но не единственными проблемами в функционировании спецкомендатур. Негативно отражалась на их деятельности и частая смена кадрового состава. Архивные документы ГУВД КК зафиксировали постоянные изменения районных и поселковых штатов ОТСП, которые происходили по причине мобилизации сотрудников в ряды РККА в годы войны, увольнения или понижения в должности работника из-за служебных нарушений, перевода на другое место работы в

связи с появлением новых «спецконтингентов» и расширением штатов комендатур.

Одной из задач комендантов являлось создание широкой агентурной сети среди спецпереселенцев. Однако желающих сотрудничать с репрессивным ведомством среди выселенцев 1940–1941 гг. было очень мало. Руководство ОТСП НКВД часто критиковало спецкомендантов за вялую работу по вербовке депортированных. Между тем наличие осведомителей считалось одним из важнейших условий в борьбе с побегами среди спецпереселенцев. Первоначально количество людей, бежавших из мест выселения, было небольшим. Даже среди антисоветски настроенных переселенцев из Западной Украины и Западной Белоруссии побеги использовались как крайняя мера протеста. Так, в феврале 1940 г. Управление Енисейлага НКВД сообщало, что с момента расселения пытались бежать из спецпоселков 13 осадников и беженцев, 12 из них были задержаны и впоследствии трое осуждены¹². Низкая побеговая активность спецпереселенцев объяснялась рядом объективных причин: 1) удаленностью Сибири от мест выселения «спецконтингентов»; 2) расселением депортированных вдалеке от железных дорог и крупных населенных пунктов; 3) оперативной работой сотрудников НКВД, которые часто ловили и возвращали беглецов. Если же побеги удавались, то найти сбежавших спецпереселенцев было очень сложно.

Надзорные функции комендантов включали в себя и контроль за морально-психологическим климатом в спецпоселках. Они обязаны были бороться с антисоветскими настроениями среди спецпереселенцев и докладывать о результатах работы руководству. Недостатка в подобной информации спецкоменданты не испытывали, поскольку депортированные из западных областей Украины и Белоруссии польские осадники и беженцы не скрывали своего негативного отношения к имперской политике сталинского руководства. Так, в докладе Управления Енисейлага НКВД Красноярского края отмечалось, что «спецпереселенцы настроены в основном уехать обратно на Украину, возвратиться в бывшую Польшу, надеясь на Англию, что она разобьет Германию и восстановит Польшу»¹³. На основании подобных высказываний руководство УНКВД делало выводы о том, что значительная часть польских осадников и беженцев проводят активную контрреволюционную деятельность.

Идеологическое неприятие режима, яркая антисоветская риторика были отличительными чертами всех «спецконтингентов», депортированных из Восточной Польши. Советское руководство рассматривало их принудительное переселение в Сибирь как борьбу с социально опасным элементом на присоединенных территориях, а сами граждане Польши воспринимали переселения как акты национальной дискриминации. НКВД жестко реагировал на проявления депортированными недовольства. По свидетельствам самих поляков, коменданты не разрешали им петь национальные песни, а позволяли только те, которые «прославляют советскую власть и ее руководителей», письма спецпереселенцев подвергались жесткой цензуре, религиозные праздники не разрешалось отмечать публично. Среди поводов для осуждения спецпоселенцев в 1940–1941-х гг. обвинение в антисоветской агитации и пропаганде (ст. 58. п. 10 УК РСФСР) было весьма распространенным¹⁴.

Итак, действия надзорных органов способствовали включению польских переселенцев в действовавшую с начала 1930-х гг. систему спецпоселений. Правовое положение новой категории ссыльных мало чем отличалось от трудпоселенцев – то же отсутствие свободы передвижения и административный надзор органов НКВД при сохранении остальных конституционных прав и свобод. Указанные правовые характеристики впоследствии были распространены на все депортированные контингенты.

«Спецконтингенты» из Прибалтики, так же как и польские осадники и беженцы, были высланы не столько по национальному, сколько по идеологическому признаку. Принудительному перемещению на восток страны подлежала та часть населения присоединенных к СССР прибалтийских республик, которая признавалась социально опасной. Постановления СНК и Политбюро ЦК ВКП(б), согласно которым проводились депортации из Прибалтики в мае-июне 1941 г., до сих пор не найдены исследователями. Лишь у В.Н. Земскова есть ссылка на один документ 9-го управления МГБ СССР, составленный в 1953 г., где записано так: «Выселение произведено по распоряжению товарища Берия от 14/ VI – 1941 года, данного им в соответствии с указанием Правительства»¹⁵.

Правовой статус переселяемых в 1941 г. с территорий Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии, Прибалтики контингентов в документах НКВД определялся без каких-либо дополнительных

пояснений как ссыльнопоселенческий. В результате современные исследователи объясняют его неоднозначно. А.Э. Гурьянов, опираясь на совместное Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР №1299-526сс от 14 мая 1941 г. «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР», пишет, что в мае–июне 1941 г. в ссылку в отдаленные районы страны направлялись семьи контрреволюционеров сроком на 20 лет с конфискацией имущества. А В.Н. Земсков указывает, что категория «ссыльнопоселенцы» имела поражение в гражданских правах, что существенно отличало ее от обычных спецпоселенцев, формально лишенных лишь права самовольно покинуть установленное государством место жительства. В.В. Сарнова добавляет, что паспорта лиц, ставших ссыльнопоселенцами, уничтожались – их основным документом становилось удостоверение ссыльного, выдававшееся на 20 лет¹⁶.

Неопределенность статуса ссыльнопоселенцев вызывала вопросы о режиме их содержания у местных руководителей. Новосибирский облисполком вынужден был в мае 1941 г. дать специальное разъяснение: «данная категория ссыльнопоселенцев имеет право работать в государственных, кооперативных и других предприятиях и учреждениях, а также могут быть членами сельскохозяйственных, кустарно-промысловых и других артелей и что на данную категорию ссыльнопоселенцев распространяется общее трудовое законодательство»¹⁷.

Многие ссыльнопоселенцы, как и прибывшие ранее польские осадники и беженцы, были размещены в спецпоселках (без права их покидать) для работы на лесозаготовках. Сотрудники НКВД признавали такой принцип расселения наиболее приемлемым для хозяйственного устройства и оперативного обслуживания «спецконтингента»¹⁸. По прибытии на новое место жительства на ссыльнопоселенца заводилась карточка, где районный или поселковый комендант четко фиксировал все изменения, происходившие в жизни переселенца. Документы архива Красноярского ГУВД свидетельствуют, что вопрос об учете ссыльнопоселенцев стоял на особом контроле. В 1943 г., по указанию руководства НКВД, ОТСП произвело переучет численности ссыльнопоселенцев, в результате которого появились обновленные списки депортированных, на них завели новые карточки¹⁹. Таким образом, в силу очевидной социальной опасности для советской власти, ссыльнопоселенцы стали особым контингентом, включенным в

систему спецпоселений, для которого сразу были установлены длительный срок ссылки и усиленный надзор спецкомендатур.

Советские немцы, пополнившие ряды депортированных осенью 1941 г., не имели первоначально спецпоселенческого статуса. Их переселение было превентивной мерой в условиях начавшейся войны с гитлеровской Германией, хотя в Указе от 28 августа 1941 г. формально указывалась другая причина – укрывательство в АССР НП шпионов и диверсантов. После переселения в Сибирь и Среднюю Азию за немцами формально сохранились все права советских граждан, кроме возможности вернуться на родину и проживать в столичных и центральных городах. Осенью 1941 г. немцы еще могли самовольно покидать места расселения (например, переезжать из деревни в город), вызывая, таким образом, большое неудовольствие местных властей и ведомства Берии²⁰. В распоряжениях советских и партийных органов, приказах НКВД до середины 1942 г. немцы назывались просто «переселенцами» или, реже, «эвакуированными», а административный надзор спецкомендатур на них не распространялся. Вместе с тем НКВД принимал активное участие в судьбе немцев-переселенцев. В рамках наркомата был создан самостоятельный (вне ОТСП) Отдел Спецпереселений, который осуществлял разработку мероприятий по переселению немцев и наблюдал за дальнейшим устройством расселяемых. Отдел просуществовал недолго – 14 ноября 1942 г. он был упразднен, а его функции переданы ОТСП ГУЛАГа НКВД²¹.

В отличие от предыдущих «спецконтингентов» за немцами официально сохранялись имущественные права – государство обязывалось выплатить компенсацию за сданные на родине скот и зерно в новых местах расселения. Многие получили соответствующие квитанции при отправке из Поволжья и собирались их предъявить по прибытии в Сибирь. Ожидания большинства немецких семей не оправдались. Руководители местных хозяйств в тяжелых условиях военного времени не могли рассчитать прибывших в полном объеме, но право на получение обещанной компенсации у немцев оставалось.

Таким образом, режим проживания немцев в местах выселения был иным, чем у польских осадников и беженцев. Основной причиной высылки немцев (и финнов) в Сибирь и Казахстан стала их принадлежность к национальностям воюющих с СССР стран. Фактор идеологической враждебности не играл здесь такой роли, как это было при депортациях с Западной Украины, Западной Белоруссии, При-

балтики. Очевидно, поэтому руководство страны сочло возможным изменить для немцев и финнов режим проживания и надзора.

«Лояльность» советских карательных органов по отношению к немцам-переселенцам длилась недолго. При сохранении прежнего обозначения «переселенец» статус немцев стал изменяться. Уже в начале 1942 г. произошло ужесточение режима поселения. Немцы прикреплялись к местам расселений, а органы милиции получили указание не прописывать переселенцев, переезжающих из района в район.

Изменение правового положения немцев произошло вследствие трудовых мобилизаций 1942–1943 гг. Как явствует из документов НКВД, призванные в «трудармию» немцы и немки составили особую учетную категорию среди немецкого контингента – «мобилизованные немцы»²². Такая терминологическая специфика была оправданной. Хотя мобилизация в рабочие колонны, депортация и спецпоселение были родственными явлениями – элементами репрессивного механизма Советского государства, они имели свои особенности, подкрепленные впоследствии административно-правовыми основаниями. Отличительной чертой национальных депортаций было насильственное переселение народов из европейской части СССР в Сибирь и Казахстан. Режим спецпоселения прежде всего предполагал ограничение права на свободное передвижение «спецконтингента». Для трудармейских формирований, по мнению современных исследователей, характерны следующие черты: 1) элементы военной организации (мобилизация через военкоматы); 2) атрибуты производственной сферы (работа на производстве, нормы выработки, заработная плата и т.д.); 3) элементы лагерного режима содержания (охрана, «зоны» при лагерях ГУЛАГа)²³.

Механизм функционирования трудармейских формирований, активно пополняемых в годы войны национальными «спецконтингентами», был первоначально разработан в недрах НКВД и впоследствии дополнен инструкциями различных наркоматов, в чье ведение поступали трудмобилизованные. Большая часть из них была отправлена в «специальные зоны», а фактически в лагеря ГУЛАГа НКВД, расположенные в основном на Урале и в Сибири. Остальные трудились на предприятиях и стройках различных наркоматов, прежде всего в угледобывающей промышленности, на строительстве железных дорог, аэродромов и т.п.²⁴

В Красноярском крае многие немцы-трудармейцы были направлены в Краслаг Управления лесными лагерными поселками, дислоцированный на станции Решеты.

В подразделениях ГУЛАГа режим проживания определялся «Положением о порядке содержания, структуре, дисциплине и трудовом использовании мобилизованных в рабочие колонны немцев-переселенцев», которое было подготовлено в НКВД СССР и подписано 2 января 1942 г. Мобилизованным не разрешалось покидать пределы специально отведенной для их проживания территории – «зоны», питание производилось по лагерной норме, а во главе рабочей колонны должен был находиться чекист-лагерник²⁵. Режим труда, питания, надзора за трудармейцами не отличался от обычного лагерного содержания. Даже система учета была заимствована у УИТЛК НКВД – на каждого трудармейца заводилось личное дело, которое заполнялось по форме, определенной для заключенных ГУЛАГа. Кроме обычных сведений об образовании, социальном происхождении, партийности, специальности, семейном положении, в деле обязательно указывались особые приметы мобилизованного (телосложение, цвет волос и глаз, рост и т.д.). Личные дела сохранили и другие свидетельства схожести содержания и учета заключенных и трудмобилизованных. Бывший политический узник Усольлага, а ныне профессор Красноярского государственного педуниверситета Р.А. Майер вспоминает, что «в Усольлаге немцы-трудармейцы работали на лесоповале под конвоем, жили в условиях, мало чем отличающихся от тех, в которых находились заключенные. Такая же зона с вышками, охранниками, собаками, утренними и вечерними поверками. Такая же норма питания, такая же смертность, те же «похороны», когда умерших от истощения людей сбрасывали в общие ямы. Правда, одно отличие было: у многих трудармейцев сохранились на руках комсомольские и партийные билеты. В условиях лагерной жизни немцев-коммунистов под конвоем водили на собрания»²⁶.

Инструкции наркоматов о содержании и использовании немцев-трудармейцев проходили утверждение в НКВД СССР, который осуществлял постоянный надзор за использованием мобилизованных даже вне собственного ведомства. Однако режим труда и проживания трудармейцев на предприятиях наркомчермета, наркомбумпрома, наркомата боеприпасов имел некоторую специфику. Оплата труда мобилизованных производилась на общих основаниях с вольнонаем-

ными рабочими по существовавшим нормам, расценкам и тарифным ставкам. Был возможен выход мобилизованных за пределы зоны. Руководителями среднего звена трудармейских формирований назначались специалисты из вольнонаемных, а низшего звена – «из числа проверенных, пользующихся авторитетом мобилизованных немцев»²⁷.

Содержание трудмобилизованных немцев в документах оговаривалось отдельно. Начальник ГУЛАГа НКВД СССР Наседкин в директиве начальникам лагерей НКВД от 5 декабря 1943 г. указывал, что существующее положение о рабочих колоннах из мобилизованных мужчин-немцев на женщин-немцев не распространяется, что они используются на работах как вольнонаемные с оплатой труда по соответствующим расценкам²⁸.

Все уклонившиеся от трудовой мобилизации или сбежавшие из рабочих колонн привлекались к уголовной ответственности по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. Виновные в дезертирстве карались тюремным заключением на срок от пяти до восьми лет²⁹.

После окончания войны статус трудармейцев был изменен. Их перевели на положение вольнонаемного персонала и позволили вызывать в районы проживания семьи. Многие использовали эту возможность, так как предприятия неохотно отпускали бывших мобилизованных. Возвращение их в места расселения семей затянулось до конца 1940-х гг. Всех демобилизованных из трудовой армии сразу брали на учет в местные комендатуры как спецпереселенцев.

Статус спецпереселенцев был официально распространен на национальные контингенты в конце 1943–начале 1944-х гг., когда произошла очередная реорганизация системы спецпоселений. Немцы, финны, прибывшие в начале 1944 г. в Сибирь калмыки поступали под гласный надзор спецкомендатур и не могли без их разрешения покидать места поселений. В паспортах спецпереселенцев делалась отметка «действителен для проживания в таком-то районе или городе»³⁰.

Отправленные на рыбные промыслы «спецконтингенты» также стали именоваться спецпереселенцами. Вскоре после их прибытия на север стали создаваться спецкомендатуры. Так, в Усть-Енисейском районе была организована Таймырская комендатура ТСП, которая первоначально осуществляла надзор только за трудпоселенцами. В конце 1943 г. в районах рыбных промыслов переселенцев в Красно-

ярском крае действовали три комендатуры (Таймырская, Хатангская, Игарская), контролировавшие все контингенты, вывезенные на Крайний Север³¹.

В особых условиях в новых местах проживания оказались калмыки – сотрудники НКВД. В августе 1944 г. наркомат внутренних дел принял специальную директиву «О снятии с учета спецпоселений бывших сотрудников НКГБ и НКВД», а в сентябре 1944 г. – инструкцию «О порядке оформления на работу бывших сотрудников НКВД – НКГБ, относящихся к переселенным национальностям»³². На основании данных распоряжений калмыки-спецпереселенцы в 1944 г. были приняты на работу в УНКВД районов вселения. С новых сотрудников органов внутренних дел официальный спецпереселенческий статус снимался. При этом каждый принятый на службу давал расписку о том, что он и его семья не имеют права покидать новое место жительства. Размещенные в крае бывшие сотрудники НКВД и НКГБ Калмыкии были приняты на низовые должности – оперуполномоченных, поселковых комендантов и их заместителей. Выселенным калмыкам, таким образом, позволили трудиться в репрессивном ведомстве. В итоге 30 бывших сотрудников НКВД Калмыкии были зачислены в штаты личного состава 14 спецкомендатур Красноярского края³³. В данном случае власти создавали интересный прецедент, когда представители депортированного народа допускались к исполнению надзирательских функций, в том числе и над своими земляками. Подобные меры отчасти носили вынужденный характер, поскольку многие депортированные в Сибирь калмыки очень плохо знали русский язык, что затрудняло работу местных комендантов среди данной группы спецпереселенцев. К тому же расширяющийся в 1943–1944 гг. штат ОСП нуждался в новых сотрудниках, нехватка которых остро ощущалась в годы войны.

Некоторые калмыки быстро поняли выгоды своего положения в ОСП НКВД и беззастенчиво им пользовались. Так, в Директиве начальника УНКВД КК №10230 от 3 мая 1945 г. рассматривался характерный случай, когда поселковый комендант-калмык и русский заместитель начальника Рыбинского РО НКВД «похитили 203 кг муки из фонда помощи спецпереселенцам, производили незаконное изъятие у спецпереселенцев вещей, которые затем делили между собой и присваивали»³⁴. В 1946 г. все калмыки – сотрудники органов НКВД – были уволены из органов внутренних дел с одинаковой формулиров-

кой «не может занимать данную должность», хотя настоящей причиной увольнения являлась принадлежность к национальности. На спецучет они были взяты только в конце 1948 – начале 1949-х гг.

Особый статус среди депортированных в годы войны контингентов имели «фольксдойче». По решению ОСО, они были осуждены на разные сроки заключения и для отбывания наказания поступали в Черногорский специальный ИТЛ, который был образован на базе Черногорской колонии УНКВД по Красноярскому краю, занимавшейся добычей угля.

Спецпереселенцами считались семьи «оуновцев». Они стали прибывать в Сибирь в 1944 г. Отделы спецпоселений учитывали их наравне с другими «спецконтингентами», но процедура выселения оуновцев была иной, нежели немцев или финнов. На поселение в Сибирь направлялись семьи осужденных, арестованных или убитых при столкновении с советскими войсками «оуновцев». Имущество ссылаемых людей конфисковывалось. В отношении каждой семьи составлялось заключение районных отделов НКВД – НКГБ о необходимости выселения, которое затем рассматривали вышестоящие структуры наркомата. Таким образом, основанием для направления в ссылку служило постановление, утвержденное НКВД СССР, где были указаны срок и район поселения. Уже после выселения семей постановление о ссылке проходило утверждение в ОСО³⁵.

В годы войны (с конца 1943 г.) система спецпоселений претерпела существенные изменения. Реорганизация означала, что под опеку НКВД теперь попадали все высланные «спецконтингенты». На ОСП возлагалось руководство агентурной и следственной работой по спецпереселенцам, организация расселения будущих контингентов, проведение количественного и персонального учета и т.д. Полномочия спецкомендантов, права и обязанности поднадзорного контингента были установлены в специальном «Положении о районных и поселковых спецкомендатурах НКВД»³⁶. В нем спецкомендатуры объявлялись аппаратами по обслуживанию спецпереселенцев. За последними признавались все права граждан СССР, кроме свободы передвижения.

Преобразование структуры спецпоселений нашло отражение в деятельности УНКВД регионов вселения «спецконтингентов». Динамика роста системы спецпоселений, совершенствование ее функций были хорошо заметны на примере расширения штатов и полномочий

ОТСП - ОСП УНКВД Красноярского края. С июля 1942 г. по ноябрь 1944 г. штат отдела вырос в 4 раза – с 7 до 32 сотрудников. Существовавшие до реорганизации два отделения труд- и спецссылки заменили на четыре, с разграничением функций – оперативное, следственное, административно-организационное, учетное³⁷. Изменение структуры ОСП должно было повысить эффективность надзора за постоянно возрастающим количеством «спецконтингентов». В 1944 г. в Красноярском крае функционировала разветвленная система спецпоселений, охватывавшая практически все районы (табл. 3).

Таблица 3 – Размещение спецпереселенцев по спецкомендатурам ОСП УНКВД Красноярского края (апрель 1944 г.)*

Наименование районной (поселковой) комендатуры	Количество семей спецпереселенцев	Количество сотрудников комендатуры
1	2	3
1. Красноярская	1008	9
2. Пировская (пос.)	339	2
3. Назаровская	894	8
4. Н-Ингашская	891	8
5. Советская	574	6
6. Емельяновская	878	8
7. Тюхтетская	1039	9
8. Усть-Енисейская	2900	19
9. Тасеевская	504	5
10 Канская	1011	9
11. Енисейская	1475	11
12. Рыбинская	927	9
13. Ирбейская	642	6
14. Манская	1663	11
15. Партизанская	1064	6
16. Бирилюсская	368	6
17. Богучанская	1225	11
18. Кежемская (пос.)	248	2
19. Ярцевская	784	8
20. Сухобузимская	981	9
21. Б-Муртинская	918	9
22. Казачинская	645	6
23. Игарская	1307	11
24. Березовская (пос.)	473	4
25. Саянская (пос.)	362	2
26. Туруханская	2020	16

1	2	3
27. Козульская	1023	9
28. Уярская	558	6
29. Иланская (пос.)	382	2
30. Дзержинская (пос.)	371	2
31. Боготольская	745	6
32. Абанская	478	5
33. Ачинская	857	2
34. Новоселовская	527	6
35. Дудинская	1476	11
36. Хатангская (пос.)	98	2
37. Эвенкийская	541	6
38. Ужурская	520	6
39. Саралинская	1681	9
40. Боградская	666	6
41. Усть-Абаканская	761	6
42. Минусинская	400	4
43. Ширинская	1064	9
44. Таштыпская (пос.)	85	1
45. Южно-Енисейская	967	9
46. Даурская	621	6
47. Северо-Енисейская	709	8
48. Артемовская	1272	9
49. Балахтинская	400	4
50. Идринская (пос.)	293	2
51. Краснотуранская	409	4
52. Курагинская (пос.)	244	2
53. Шарыповская (пос.)	198	1
54. Каратузская (пос.)	172	1
55. Аскизская (пос.)	149	1
56. Бейская (пос.)	155	1
57. Ермаковская (пос.)	43	1
Всего	43005	357

* Составлено по: ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Д. 1. Т. 3. Приказы УНКВД за 1944 г. С. 13–20.

Как видно из таблицы, наиболее крупными были Усть-Енисейская, Енисейская, Богучанская, Игарская, Туруханская, Дудинская, Саралинская, Артемовская комендатуры, что четко отразило географию повторных перемещений спецпереселенцев в крае.

Распространение режима спецпоселений на новые районы края привело к укрупнению уже имеющихся штатов районных и поселковых комендатур и формированию новых территориальных единиц. В июле 1942 г. в ОТСП в составе 19 комендатур числилось 89 сотрудников, в ноябре 1943 г. в 27 комендатурах насчитывалось 45 человек, к февралю 1944 г. число комендатур выросло до 56, а количество занятых в них сотрудников – до 350 человек³⁸. С 1944 г. штаты ОСП часто подвергались изменениям. Соответственно и процесс создания и расформирования комендатур, изменения их статуса – из районной в поселковую и наоборот – сохранил свою интенсивность до конца существования системы спецпоселений.

Главной задачей для комендатур стало закрепление спецпереселенцев в местах депортации. В связи с этим все национальные и другие контингенты, «опекаемые» НКВД, должны были подвергнуться переучету. В Приказе НКВД от 16 августа 1944 г. №0170 четко определялись задачи и формы ведения такого учета³⁹. На немцев, финнов, калмыков и другие национальные «спецконтингенты» впервые заводились семейные и персональные карточки в спецкомендатурах НКВД. Ревизия в ОСП предполагала установление более пристального контроля за передвижениями спецпереселенцев, своевременное выявление побегов с мест их расселения, учет трудоспособного контингента.

Формирование новой системы завершилось в январе 1945 г. Постановление СНК СССР «О правовом положении спецпереселенцев» закрепляло уже сложившийся статус депортированных контингентов, лишив их возможности свободного передвижения. Одновременно наркомат внутренних дел принял «Положение о спецкомендатурах НКВД», в котором были указаны цели их деятельности и определены обязанности спецкомендантов⁴⁰. Они отвечали за хозяйственное и трудовое устройство поднадзорных контингентов, производили их учет, выявляли «антисоветски настроенные элементы», предотвращали побег с мест поселения.

Юридическое оформление системы спецпоселений в начале 1945 г. было обусловлено близившимся завершением Великой Отечественной войны. Для переселенных народов депортация фактически стала вечной ссылкой, поскольку возвращать их на родину правительство не собиралось. Советское руководство предвидело, что только принудительное закрепление позволит удержать спецпереселенцев в Сибири и Средней Азии.

Таким образом, в годы войны система надзора за «спецконтингентами» была унифицирована и ОСП приобрела самостоятельный статус в системе НКВД СССР. Изменился и контингент «надзираемых»: если накануне войны большинство спецпереселенцев составляли бывшие кулаки, то в 1945 г. они численно уступали депортированным народам. По данным В.Н. Земскова, к 1 января 1945 г. на учете по спецпоселению состояло 2217719 человек, в т.ч. 631173 человек (28,5%) «спецконтингента» – «бывшие кулаки»⁴¹. Положение о спецкомендатурах от 8 января 1945 г. юридически закрепляло существующую систему поселений, но механизм ее функционирования продолжал совершенствоваться и в дальнейшем.

Проведенный анализ режима спецпоселений, трансформировавшегося в годы войны, позволяет говорить о наличии двух тенденций его развития, связанных прежде всего с увеличением численности вынужденных переселенцев: 1) рост количества комендатур и штатов в системе ОСП УНКВД КК, совершенствование ее функций; 2) выделение внутри национальных контингентов отдельных групп, имевших некоторую правовую специфику («мобилизованные немцы», «местные немцы», калмыки – бывшие сотрудники НКВД).

«Правовое положение» разных «спецконтингентов» в первые годы войны не было одинаковым. В отличие от польских осадников и беженцев, ссыльнопоселенцев, поступивших сразу под опеку спецкомендатур, высланные немцы и финны гласным административным надзором со стороны ОТСП первоначально не были охвачены. В спецпереселенцев они превратились к началу 1944 г., когда потребовалось их окончательное закрепление в местах расселения.

В последний год войны появляется юридическое понятие «спецпереселенец», отделяющее эту социальную группу от других групп советского общества. Очевидно, что правовой статус любого гражданина тесно увязан с его социокультурным положением, морально-психологическим состоянием. Потому «урезанность» правовой составляющей влекла за собой моральную неудовлетворенность и апатию, снижала социальную мобильность спецпоселенческих групп.

Примечания к 2.1

- ¹ Уголовный кодекс РСФСР. М.: Госюриздат, 1956. С. 16–17; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993. С. 62–63.
- ² Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. 1. Курск: ГУИПП «Курск», 1999. С. 348–367.
- ³ Шадт А.А. Этническая ссылка в Сибири как инструмент советской национальной политики (1940 – 1950-е гг.) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 233–234.
- ⁴ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930 – 1960. М.: Наука, 2003. С. 87.
- ⁵ Полиция и милиция России: страницы истории / сост. А.В. Борисов, А.Н. Дугин. М.: Наука, 1995. С. 180.
- ⁶ Шадт А.А. Этническая ссылка в Сибири как инструмент советской национальной политики (1940 – 1950-е гг.) ... С. 232.
- ⁷ Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940 – 1941 гг. URL: // <http://www.memo.ru/history/POLAcy/> ... С. 4; ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Приказы по УНКВД за 1940 г. Д. 2. Л. 34 – 38.
- ⁸ ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Приказы за 1940 г. Д. 3. Л. 257.
- ⁹ ГАКК. Ф. Р. 1434. Оп. 12с. Д. 7. Л. 9–10; Л. 12 об.
- ¹⁰ Лиелайс А.К. Кто виноват? URL: // http://www.Memorial.Krsk.Ru/memuar/lielais_kto.htm, С. 3.
- ¹¹ ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Приказы по УНКВД за 1940 г. Т. 1. Д. 5. Л. 165; Д. 3. Т. 1. Л. 227.
- ¹² ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 219.
- ¹³ Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР ... С. 9.
- ¹⁴ Роговская Б. Соблюдение религиозных обрядов поляками, депортированными в Сибирь // Сибирь в истории и культуре ... С. 483; Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в Сибири (1940 – 1941) // Сибирь в истории и культуре ... С. 374.
- ¹⁵ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР ... С. 90.
- ¹⁶ Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае – июне 1941 г. URL: http://www.Memo.Ru/HISTORY/Polacy/g_2.htm, С. 4; Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х годах // Отечественные архивы. 1993. №1. С. 4; Сарнова В.В. Принудительные миграции населения ... С. 142.
- ¹⁷ Из истории земли Томской. 1940–1956. Невольные сибиряки: сб. док. и матлов. Томск: Водолей, 2001. С. 46.
- ¹⁸ Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы ... С. 200.
- ¹⁹ ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Приказы УНКВД за 1943 г. Д. 1. Т. 4. Л. 17.
- ²⁰ ГАКК. Ф. Р. 2137. Оп. 1. Д. 86. Л. 156.
- ²¹ Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ 1917 – 1960. Справочник / сост., введ. и прим. А.И. Кокурина, Н.В. Петрова. М.: Международ. фонд «Демократия», 1997. С. 31, 270 – 271.

- ²² «Мобилизовать немцев в рабочие колонны ... И. Сталин» ... С. 102–104.
- ²³ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны ...» ... С. 8; Курочкин А.Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности ... С. 2; Маламуд Г.Я. Мобилизованные немцы на Урале в 1942–1948 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ... (по мат-лам конф. 18 – 20 ноября 1999 г.). М.: Звенья, 1999. С. 128–145.
- ²⁴ Курочкин А.Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности ... С. 14.
- ²⁵ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны ...» ... С. 114–117.
- ²⁶ Майер Р.А. Судьба российского немца: семейная хроника. Ч. 1. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. С. 261.
- ²⁷ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны ...» ... С. 147–159, 164–190.
- ²⁸ Там же. С. 97, 194.
- ²⁹ Сборник нормативных актов органов государственной власти и управления об уголовной ответственности за преступления и освобождения от наказания. М., 1968. С. 88–89.
- ³⁰ Белковец Л.П. Административно-правовое положение С. 205.
- ³¹ ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Приказы УНКВД за 1942 г. Д. 3. Т. 2. Л. 90; Приказы УНКВД за 1943 г. Д. 1, Т. 2. Л. 38.
- ³² Земсков В.Н. Спецпереселенцы в СССР ... С. 110.
- ³³ ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Приказы УНКВД за 1944 г. Д. 1. Т. 3. Л. 20 – 24.
- ³⁴ Там же. Д. 5. Директивы за 1945 г. Л. 24.
- ³⁵ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. 1. Курск ... С. 450–454.
- ³⁶ История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. Т.5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. С. 400–403.
- ³⁷ ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Приказы за 1942 г. Д. 1. Т. 3. Л. 2-4; Приказы за 1943 г. Д. 1. Т. 2. Л. 142; Приказы за 1944 г. Д. 1. Т. 3. л. 142.
- ³⁸ ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Приказы по УНКВД за 1942 г. Д. 1. Т.3. Л. 2 – 4; Приказы УНКВД за 1943 г. Д. 1. Т. 4. Л. 15 – 19; Приказы УНКВД за 1944 г. Д. 1. Т. 4. Л. 5 – 10.
- ³⁹ Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. 1. Курск ... С. 125.
- ⁴⁰ Там же. С. 382.
- ⁴¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР ... С. 119.

Глава 2. СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ В МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ СИБИРИ

Сочетание «трудовое использование» применительно к «спецконтингентам» прочно прижилось в современной исторической литературе. Оно было заимствовано из директивной и распорядительной документации 1930–1950-х гг. наряду с другими терминологическими «нововведениями» тех лет – «спецконтингенты», «спецпоселенцы» и т.д. Не стоит думать, что современное применение словосочетания является своеобразной данью традиции или слепым следованием советскому «новоязу». Очевидно, что применимое к депортированным группам «трудовое использование» отражает важную характеристику спецпоселенческого режима – обеспечение максимальной занятости высланных людей в отраслях народного хозяйства. Потребность в рабочей силе в малоосвоенных районах страны стало одной из причин их переселения за Урал.

Опыт «кулацкой» ссылки 1930-х гг. убедил руководителей Советского государства, что проблему освоения малозаселенных районов Сибири и Крайнего Севера можно решить форсированно, используя методы депортации и принудительной трудовой мобилизации социальных или национальных групп. Поэтому после переселения «спецконтингентов» вопросам трудового использования уделялось первостепенное значение.

Немаловажную роль в организации переселений играл мобилизационный по своей сути характер советской экономики. Изначально построенная на принципах администрирования и жестких директив, идущих «сверху» - «вниз» по управленческой вертикали, советская экономическая модель оказалась пригодна для функционирования в чрезвычайных условиях. Она позволила решить важные стратегические задачи модернизации отечественной промышленности и подготовки страны к грядущей войне. Решение этих задач в кратчайшие сроки возможно было лишь при наличии массовых трудовых мобилизаций, осуществлявшихся на добровольной и принудительной основе. «Спецконтингенты» рассматривались как одна из движущих сил советской мобилизационной экономики.

Годы первых пятилеток стали временем ускоренного промышленного развития Сибири. На Урале и Западной Сибири быстрыми темпами развивалась угольная и металлургическая промышленность,

предприятия тяжелого машиностроения появлялись и в Восточной Сибири. Накануне Великой Отечественной войны Красноярский край относился к числу динамично развивавшихся сибирских территорий. Высокие темпы индустриализации во второй половине 1930-х гг. обеспечили значительный рост его промышленного потенциала. В общем объеме продукции промышленности и сельского хозяйства на долю первой приходилось 65% против 25% в 1913 г.¹ В годы второй пятилетки (1933–1937) началось сооружение 48 крупных объектов, среди которых был и Норильский металлургический завод. Прирост производства промышленной продукции в крае по отношению к 1913 г. опережал общесоюзные темпы. Наряду с развитием традиционных сырьевых отраслей (лесная, золотодобывающая), которые все еще преобладали в структуре народного хозяйства края, большое внимание уделялось формированию тяжелой промышленности, включая машиностроение (Сибтяжмаш). Красноярский край стал превращаться в крупный индустриальный центр Сибири.

Промышленное развитие сибирского края осуществлялось, в том числе, и за счет труда заключенных. Только Енисейлаг весной 1941 г. располагал почти 100 тыс. заключенных, которые активно использовались на строительстве заводов и в лесной отрасли². Норильлаг был создан фактически для строительства в Заполярье Норильского горно-металлургического комбината. Возрастающие темпы хозяйственного освоения региона требовали новых источников дешевой рабочей силы. Спецпоселенцы, хлынувшие в Сибирь накануне войны, в некоторой степени позволяли удовлетворить имеющийся кадровый дефицит. Их распределяли преимущественно по сырьевым отраслям – лесной и угольной, традиционно использовавшим принудительный труд.

Большинство польских осадников и беженцев трудилось в подразделениях крупных лесопромышленных трестов – Севполярлес, Краслес, Лесхимсырье, а также на предприятиях трестов Хакасзолото и Енисейзолото³. По мнению Красноярского УНКВД, местные предприятия использовали прибывшую рабочую силу недостаточно – из 6896 трудоспособных осадников на работах было занято 5589 человек (81%). У беженцев занятость трудоспособных была еще меньше – 658 человек (74%) из 882. Большинство неработающих составляли женщины, которым из-за отсутствия детских садов в спецпоселках

некуда было девать детей. Многие спецпоселенцы не выходили на работу, поскольку не имели теплой зимней одежды⁴.

Депортированные мужчины и женщины в основном использовались на физически тяжелой работе – лесозаготовках. Для работы в лесу их разбивали на бригады, которые возглавляли старые кадровые рабочие из числа местных жителей. Стараясь выполнить производственный план, руководство лесопунктов часто нарушало и без того тяжелые режим и условия труда: увеличивало рабочий день до десяти часов, принуждало спецпереселенцев выходить на работу в праздничные и выходные дни⁵.

Авральные методы работы на лесоучастках были не только обычной, но и, в некоторой степени, вынужденной мерой, поскольку производительность труда спецпоселенцев была низкой, что являлось одной из главных причин невыполнения плановых заданий. По лесной отрасли края средняя норма выработки к плановым заданиям у осадников составляла 60–90%, у беженцев – 60%. Такое положение дел на лесозаготовках было заранее предсказуемым, поскольку большинство бывших польских граждан ранее не было знакомо со спецификой работы в лесной отрасли. Даже высокая интенсивность труда часто не позволяла переселенцам выполнять заготовительные нормы, что, соответственно, снижало размеры зарплаты. К тому же сама система оплаты некоторых видов работ в лесной отрасли из-за низких расценок исключала получение больших заработков. В докладе Управления Енисейлага НКВД КК отмечалось, что средний заработок спецпоселенцев-осадников составляет 105–112 руб. в месяц, а беженцев – 50–60 руб. Несколько больше он был в золотодобывающей отрасли – 120–170 руб. на человека⁶. Л.П. Берия в информации И.В. Сталину вынужден был признать, что заработки спецпереселенцев в Сибирском регионе составляли только половину прожиточного минимума⁷. В такой ситуации, чтобы обеспечить выживание в спецпоселках, должны были работать все трудоспособные члены семьи, включая подростков.

Мизерная зарплата не позволяла трудоспособным переселенцам полноценно обеспечивать себя и свою семью даже продуктами питания, не говоря уж о приобретении теплой одежды и обуви. Количество занятых на лесозаготовках постепенно снижалось, а физически ослабленных людей руководство неохотно переводило на более легкие работы, например заготовку живицы. В результате подобных перемещений физическое состояние спецпереселенцев немного улуч-

шалось, но их заработки сокращались. Бытовая неустроенность и суровые климатические условия усугубляли трудности профессиональной адаптации людей на лесоучастках.

Признав организацию труда и быта спецпереселенцев неудовлетворительной, исполком Красноярского крайсовета обязал руководство лесопромышленных трестов исправить существующее положение в спецпоселках и одновременно просил СНК СССР увеличить фонды продуктов питания и ускорить рассмотрение планов капиталовложений на 1941 г., связанных с устройством осадников⁸.

В исследованиях А.Э. Гурьянова отмечается, что отношение к труду польских осадников и беженцев было различным. Являясь сельскими жителями, осадники оказались более выносливыми и приспособленными к тяжелому физическому труду, чем беженцы – преимущественно жители городов, среди которых было много работников умственного труда⁹. На спецпоселении в Красноярском крае находилось 35 научных работников и специалистов, принадлежавших к «спецконтингенту» «беженцы». Большинство из них до выселения были бухгалтерами, счетными работниками, преподавателями школ и вузов¹⁰. В течение всего времени пребывания на спецпоселении беженцы добивались от органов НКВД обеспечения их работой по специальности или перевода в другие, более благоприятные климатические районы. Эти требования редко удовлетворялись, вследствие чего спецпоселенцы отказывались выходить на работу. За «прогулы» людей привлекали к суду. К февралю 1941 г. только в Красноярском крае 56 беженцев были осуждены за нарушение трудовой дисциплины¹¹.

Не были трудоустроены по имевшейся специальности и ссыльнопоселенцы, прибывшие в июле 1941 г. Как и «осадники», они были направлены в подразделения лесной и золотодобывающей промышленности, в совхозы, колхозы и МТС. Большинство переселенцев использовалось на физических работах, в том числе горожане и интеллигенция¹². Отсутствие необходимых трудовых навыков и рабочей одежды стало основной причиной систематического невыполнения установленных норм выработки.

Расселенные в Сибири ссыльнопоселенцы не представляли собой особой ценности как рабочая сила. Например, среди расселенных в Красноярском крае 4999 взрослых ссыльнопоселенцев мужчины составляли только пятую часть (960 чел.), поскольку при проведении депортации главы семей были отделены от женщин и детей и отправ-

лены в тюрьмы и лагеря ГУЛАГа. В Алтайском крае из 3800 чел. менее половины ссыльнопоселенцев (39,1%) считались трудоспособными, остальные – инвалиды и дети до 16 лет¹³. Было очевидно, что женщины, которые составляли большинство среди высланных, не смогут обеспечить высокую производительность труда. По воспоминаниям ссыльных литовок, со спецификой работы и орудиями производства женщины познакомились только в лесу: «пояснили, что такое литер, что такое лента ... показали, как нужно при работе орудовать стамеской. Одновременно пояснили, что профессия вздымщика мужская, но если хочешь получать 400 грамм хлеба плюс еще столько на детей, то новой профессией пренебрегать не следует. Сказали, что за сутки нужно сделать не менее двух тысяч надрезов на сосне и что для этого придется пройти по лесу не менее двадцати километров»¹⁴.

Менее болезненно проходила трудовая адаптация у ссыльнопоселенцев, депортированных из сельской местности. Физический труд был для них привычным, поэтому производственные нормы они выполняли и имели более высокие заработки. Тем не менее для большинства семей проблема физического выживания в спецпоселках стала самой актуальной. Ударный труд являлся единственным постоянным средством заработка, а значит, и жизни для ссыльнопоселенцев.

Таким образом, предвоенные депортации «дали» региону не самый лучший с точки зрения трудового применения контингент, большинство которого составляли женщины и дети. Однако в условиях начавшейся войны и мобилизации трудоспособных сибиряков на фронт и это «трудовое пополнение» было весьма полезным. Прибывшие спецпереселенцы не имели навыков работы в лесу, шахте, на золотых приисках, что влекло за собой невыполнение ими производственных заданий. Многие оказывались в тяжелом материальном положении, тяготы которого заставляли людей быстрее осваивать новые профессии. По-видимому, это учитывали организаторы массового переселения народов, отправляя «спецконтингенты» в малозаселенные районы Сибири для ее колонизации.

По данным УНКВД КК на 1 декабря 1942 г., трудовое устройство расселенных в крае ссыльнопоселенцев было следующим: в колхозах и совхозах работали 1400 человек, в лесной промышленности – 500 человек, в рыбной – 1800 человек, в разных организациях – 200 человек¹⁵.

Появление с началом войны «наказанных» за принадлежность к вражеской национальности советских народов открыло новые возможности хозяйственного освоения удаленных от центра территорий.

Активным участником этого процесса стал многочисленный немецкий контингент. Как уже отмечалось выше, депортированные из Поволжья немцы первоначально не имели статуса спецпереселенцев. Потому процесс их трудоустройства несколько отличался от организации труда прибывших ранее «спецконтингентов». Согласно рекомендациям СНК, Красноярский крайисполком и крайком ВКП(б) дали указания местным руководителям «тщательно учесть квалификацию переселяемых и направить сельское население в колхозы. Рабочих и инженерно-технических работников использовать в совхозах, МТС, предприятиях государственной и кооперативной промышленности. Врачей, учителей, агрономов, партийно-советских работников и т.п. – в соответствующих учреждениях районов и городов»¹⁶. Таким образом подчеркивалось доверие властей к депортированным немцам, которые должны были найти применение своим профессиональным навыкам в местах поселения.

Профессиональный состав переселенцев выявляли местные райисполкомы, составляя специальные списки. Эти материалы, сохранившиеся в фонде переселенческого отдела, стали ценным источником для данного исследования, поскольку списки были составлены на основании ответов самих переселенцев. Автором были использованы сведения по шестнадцати произвольно взятым районам Красноярского края. Всего в этих районах было расселено свыше 24 тыс. немцев, что составило примерно третью часть всех депортированных в край из АССР НП. Выявленные сведения позволили создать карту профессий прибывшего в край немецкого контингента (табл. 4).

Таблица 4 – Профессиональный состав немцев, прибывших из АССР НП в районы Красноярского края (сентябрь-октябрь 1941 г.)*

Профессия	Количество человек
1	2
Рабочий	922
Токарь	33
Слесарь	113
Столяр	123
Кузнец	33
Плотник	41

1	2
Электромонтер	25
Железнодорожник	22
Шофер	200
Возчик	62
Пекарь	42
Повар	90
Сапожник	86
Парикмахер	6
Портной	185
Почтовый работник	25
Торговый работник	87
Библиотекарь	10
Сотрудник НКВД и пожарный	85
Экономические специальности	560
Медицинский персонал (в т.ч. врачи)	234
Учитель	500
Юрист	30
Инженер	55
Агрономические специальности	66
Творческий работник	73
Партийно-хозяйственный актив	139
Рядовой колхозник	4143
Тракторист	419
Комбайнер	80
Доярка	15
Конюх	67
Домохозяйка	157
Прочие профессии	93
Всего	8823

*Составлено по: ГАКК. Ф. Р–3137. Оп. 1. Д. 93, 97, 98, 101.

Анализ представленного списка профессий позволяет заключить, что не менее половины трудоспособного населения, прибывшего в обозначенные районы, до выселения были заняты в сельском хозяйстве. Лишь в пять из шестнадцати районов прибыли горожане из Энгельса и Маркштадта, среди которых было много учителей, медицинских работников, экономистов, бухгалтеров, плановиков. Выявленные данные хорошо сочетаются с выводами В.С. Чеботаревой о том, что даже в конце 1930-х гг., после проведения социалистической

индустриализации, АССР НП сохранила свой аграрный профиль¹⁷. По данным Всесоюзной переписи 1939 г., только 22% населения республики проживало в городе, а остальные оставались сельскими жителями¹⁸.

Подводя первые итоги работы по приему и расселению немцев-переселенцев в октябре 1941 г., местные руководители докладывали, что с этим вопросом районные партийные и советские организации справились, «обеспечив выполнение решения ЦК ВКП(б) и СНК СССР, а также постановления исполкома крайсовета и бюро крайкома ВКП(б)»¹⁹. В октябрьском постановлении упоминалось и о некоторых недостатках, допущенных «отдельными руководителями хозяйственных организаций Шарыповского, Рыбинского, Тюхтетского, Бирилюсского и др. районов». Например, они не обеспечили немцев нормальной работой в колхозах, совхозах и других организациях. Все недостатки надлежало немедленно устранить. Однако и через три месяца после подведения итогов в крайисполком поступали жалобы от переселенцев из Ачинского, Уярского, Емельяновского, Советского районов, что их не устраивают на работу²⁰.

Отчеты из райкомов ВКП(б) существенно дополняют и корректируют общую позитивную картину в организации расселения и трудоустройства немцев Поволжья в крае, представленную в постановлении Крайисполкома. Как явствует из документов, большинство переселенцев было определено на работу в колхозы и совхозы, где многие сразу включились в уборочные работы, «помогли в обмолоте хлеба и сдаче зерна государству» и трудились хорошо. Так, бригада трактористов Первоманского свиновхоза Манского района на ремонте тракторов выполняла дневную норму на 123%. Рабочий Куцман, устроенный слесарем в один из совхозов Канского района, имел весьма хорошие отзывы о своей продукции со стороны местного начальства. По мнению зав. орготдела Каратузского РК ВКП(б), осенью 1941 г. переселенцы особенно хорошо работали в колхозах Старо-Копского, Кочульского, Средне-Кужебарского сельсоветов данного района²¹. Залогом отмеченных трудовых успехов переселенцев стала высокая дисциплина труда и привычная для многих сельскохозяйственная деятельность.

Прибывшие переселенцы фактически заменили ушедших на фронт сибиряков. Деревня испытывала острый дефицит рабочих кадров, поскольку уже к 1 декабря 1941 г. в связи с катастрофическим

положением на фронте из народного хозяйства региона было изъято 1057,4 тыс. мужской части населения, что составляло 67% мужчин-призывников²². Основной рабочей силой становились женщины и подростки. Потому рабочие руки переселенцев, особенно механизаторов, трактористов, шоферов, были востребованы. В Большемуртинском районе немцы составляли примерно половину механизаторов²³. Среди них были и женщины. Так, Амалия Филипповна Герман на комбайне обмолотила 200 га и заняла третье место по данному показателю в своем колхозе. Однако вскоре трудовая дисциплина немцев снизилась, некоторые отказывались от работы в колхозах, что объяснялось рядом причин: 1) мизерное количество трудодней, которые зарабатывали переселенцы, не позволяли обеспечивать семьи хлебом и другими продуктами питания; 2) часть прибывших немцев до выселения работали в промышленности или государственных учреждениях и требовали соответствующего прежней деятельности трудоустройства; 3) отказ от работы рассматривался немцами как протест против голодного существования в Сибири и неотоваривания их обменных квитанций.

Тяжелые трудовые будни стали нормой жизни для немцев-переселенцев практически всех возрастов, включая подростков. Об этом свидетельствуют воспоминания самих депортированных. В частности, бывшая переселенка Г.Ф. Шлюнд, которой в год переселения было 15 лет, так рассказывала о прибытии своей семьи в Курагинский район Красноярского края: «На следующий же день после приезда нам пришлось идти работать – молотить, так как шла уборочная пора. Я с мамой работала в колхозе, за это давали паек. Брат Яков, которому исполнилось 11 лет, возил навоз на лошади. А ночью мы всей семьей вязали шали для людей, чтобы поменять их на картошку. Дети немцев сначала совсем не учились, так как надо было работать».

Своеобразной формой протеста против создавшихся тяжелых условий жизни и невозможности устроиться на работу по прежней специальности стало бегство наиболее отчаянных немецких семей в города или за пределы края. Оно не приобрело массового характера, но вызывало серьезные опасения местных руководителей, наложивших строжайший запрет на самовольные передвижения переселенцев. Подобная ситуация зафиксирована в отчете секретаря Канского горкома партии, который сообщал, что планового переселения в г. Канск

не было, но сюда приехали из Канского и других близлежащих районов и самостоятельно устроились на работу 146 немцев-переселенцев, которые трудятся в организациях и учреждениях города²⁴. Видимо, строгое «табу» на передвижение немцев-переселенцев соблюдалось не во всех местах их нового расселения. Так, Новосибирский облисполком предоставил всем переселенцам право свободного перемещения в пределах области, благодаря чему значительной части семей удалось выехать в районные центры и города, также испытывавших острую нужду в квалифицированных кадрах²⁵.

Направление на работу в колхозы и совхозы края многие бывшие ответственные работники АССР НП воспринимали как профессиональную дискриминацию, требовали, чтобы их оставили в районных организациях, и в знак протеста не выезжали из райцентра на периферию. Так, по сообщению Тюхтетского РК ВКП(б), «председатель Президиума Верховного Совета республики немцев Поволжья Гофман до сих пор находится в самом районном селе Тюхтет, в колхоз ехать не хочет, на партучет не встал». Известно, что многие высокопоставленные партийные и советские работники Немреспублики были размещены по сельсоветам Шарыповского и Минусинского районов края. В г. Минусинске оставили лишь 24 человека из числа прибывших, в том числе бывшего председателя СНК АССР НП, депутата Верховного Совета СССР А.И. Гекмана и его семью²⁶.

Немногим лучше оказалось положение некоторых немецких учителей и врачей, которые осенью 1941 г. смогли устроиться на работу по специальности на новом месте жительства. Так, в докладе заведующей Красноярским крайздравом Астафьевой (март 1943 г.) упоминалось о «большом подкреплении кадров», которое получил край к началу 1942 г. за счет эвакуированных, в том числе из контингента поволжских немцев²⁷. По сообщениям отделов народного образования Казачинского, Большемуртинского, Пировского районов, в местных школах были трудоустроены немецкие учителя. Они оказались особенно востребованными в связи с появлением немецких детей, многие из которых не знали русского языка. Правда, учителей-немцев районы брали на работу неохотно, поскольку многие плохо владели русским языком, а привлечение немцев к педагогической работе иногда расценивалось как «засоренность кадров, которая отражается на работе школ в политическом воспитании учащихся»²⁸.

Естественным следствием такой оценки было подозрительное отношение к немцам-учителям.

Таким образом, в отличие от прибывших ранее поляков, профессии немцев-переселенцев оказались более востребованными. Однако условия жизни и труда в сибирских селах не удовлетворяли самих депортированных, так как они не могли содержать себя и свою семью. Их трудоустройство стало большой проблемой и для принимающей стороны, поскольку предоставить работу по прежней специальности переселенцам в условиях военного времени далеко не всегда было возможно. В силу различных обстоятельств большинство немецких семей, вне зависимости от их прежнего места жительства и сферы занятости, в Сибири стали сельскими тружениками.

С начала 1942 г. немецких мужчин стали призывать в рабочие колонны. Новосибирский исследователь А.А. Шадт справедливо считает, что в основе решения принятия решения о мобилизации лежала совокупность причин, среди которых большой дефицит рабочей силы в отраслях экономики, обеспечивающих оборонный комплекс, невозможность трудоустройства немцев по специальности в новых местах расселения и т.д.²⁹

В условиях тяжелой и затяжной войны подобные меры не являлись чем-то особенным. Государство стремилось максимально мобилизовать имеющиеся в его распоряжении производительные силы, активно прибегая при этом к методам принуждения. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. все городское трудоспособное население страны подлежало обязательной мобилизации для работы на производстве и строительстве. Самовольный уход рабочих и служащих с предприятий рассматривался как дезертирство, а виновные карались тюремным заключением на срок от пяти до восьми лет. В другом указе (от 13 февраля 1942 г.) Президиум Верховного Совета указал отрасли народного хозяйства, куда мобилизация проводилась в первоочередном порядке. Это предприятия и стройки авиационной, танковой, топливной, химической, металлургической промышленности, производство боеприпасов³⁰.

На территории Красноярского края, Новосибирской области и других тыловых регионов из числа военнообязанных, но не призванных в армию по тем или иным причинам местных жителей создавались строительные батальоны, также называемые «трудовой армией». Известно, что в крае они трудились на шахтах и стройках. Например,

в 1942 г. трудмобилизованные принимали участие в строительстве завода «Сибтяжмаш»³¹. Условия жизни и труда данного контингента, как и везде в годы войны, были весьма тяжелыми – работы велись круглосуточно, для смен был установлен одиннадцатичасовой рабочий день, выходные и праздники отсутствовали, жили в полуземлянках, оборудованных двухъярусными нарами. По сообщению начальника Главного управления формирования и укомплектования войск Красной Армии генерал-полковника Е.А. Щаденко, к 1 сентября 1942 г. в таких рабочих колоннах находились 1321000 человек. В Сибири за военный период 1942–1945-х гг. на трудовой фронт было мобилизовано 179,4 тыс. чел.³² Подвергшиеся трудовой мобилизации местные жители рассматривались советским командованием как резерв для действующей армии, который и был частично использован в трудный военный период осенью 1942 г.³³

Организация принудительного труда мобилизованного немецкого контингента была продумана заранее. Известно, что предложения по вопросу использования немцев-мужчин в трудармии появились еще до опубликования Постановления ГКО от 10 января 1942 г. № 1123сс. Данные предложения выглядели как заказы подразделений ГУЛАГа на обеспечение лагерей дополнительной рабочей силой с целью выполнения производственных планов. Первая официальная трудмобилизация НКВД в основном удовлетворила запросы собственного ведомства. Дополнительная мобилизация мужчин и женщин немецкой национальности в октябре 1942 г. частично покрыла нужды угольной и нефтяной отраслей, развитие которых имело непреходящее значение в годы войны. Предприятия и стройки этих наркоматов в конце 1942 г. приняли около 55 тыс. трудармейцев³⁴.

Очевидно, что немецкие трудармейские формирования не были единственными подразделениями принудительного труда в годы Великой Отечественной войны. Но от прочих их отличал особый режим содержания. Принципы трудового использования мобилизованных немцев были зафиксированы в специальных инструкциях, разработанных НКВД и наркоматами, в распоряжение которых поступали трудармейцы (см. п. 2 гл. 1). Так дополнялось существующее рабочее законодательство, поскольку особый статус трудмобилизованных, промежуточный между вольнонаемным персоналом и заключенными, делал необходимым издание специальных ведомственных нормативных актов.

В Красноярском крае большинство мобилизованных немцев находилось в распоряжении Краслага НКВД СССР, где основным видом деятельности были лесозаготовки. Динамика численности немцев-тудармейцев в годы войны в подразделениях Краслага выглядела следующим образом: январь 1942 г. – 5313 человек; январь 1943 г. – 5346 человек; январь 1944 г. – 4046 человек (3137 муж. и 909 жен.); январь 1945 г. – 4224 человек (3400 муж. и 824 жен.). Мобилизованные немцы трудились на строительстве другого объекта НКВД – Красноярского аффинажного завода. В 1944–1945-х гг. здесь работали 185 тудармейцев³⁵.

Часть немцев еще при вселении была трудоустроена на местных предприятиях наркомлеса, наркомугля, наркомстроя. В 1942 г. их не стали перемещать на другие объекты, закрепили на прежних местах работы, присвоив статус «мобилизованных» (см. табл. 4 приложения).

Наибольшее число немцев-тудармейцев в Сибири было мобилизовано для добычи угля на шахты Кузбасса. На 1 апреля 1944 г. на предприятиях угольной промышленности Кемеровской области трудилось 14500 немцев. Они составляли примерно четвертую часть (24%) от общей численности рабочих (62140 чел.), занятых в угольной отрасли области³⁶.

Труд в рабочих колоннах, по общераспространенной гулаговской практике, был исключительно ручным. Лопаты, топоры, кирки, ломы, пилы составляли основной набор инструментов, предоставленных мобилизованным для работы. В результате применения потогонной системы труда численность немцев сразу стала сокращаться. В справке начальника Учетно-распределительного отдела ГУЛАГа Г.М. Грановского, датированной 31 августа 1942 г., отмечалась высокая убыль трудмобилизованных за первые семь месяцев их пребывания в рабочих колоннах – смертность по пяти (из восьми) лагерям НКВД составила 11,8% от общей численности, демобилизация инвалидов – 18,5%. «Причиной такой высокой убыли, – писал Грановский, – является ослабление рабочего фонда, доведение его состояния до инвалидности и непригодности к труду. Подобная убыль, если она будет идти такими «темпами», в скором времени приведет к резкому сокращению рабочего фонда этих контингентов, если своевременно не будут приняты меры предупредительного характера»³⁷.

В Краслаге показатели убыли тудармейцев были гораздо ниже общесоюзных. Смертность среди мобилизованных немцев в самый

суровый 1942 г. была здесь «рекордно» низкой – 1,3% от их общей численности. По причине непригодности к труду было мобилизовано «всего» 6,6% трудармейцев³⁸. Относительно небольшие потери рабочей силы в Краслаге, скорее всего, стали результатом действовавшей организации труда, когда во главе отряда находился опытный начальник, который хорошо знал лесные работы и обучал новичков. Бывший трудармеец А.К. Шрейнер в своих воспоминаниях отмечает, что в 1943 г. в Краслаге среди мобилизованных немцев появились рекордсмены по заготовке леса: Андрей Мусс, Иван Триппель, Иван Мерц и др.³⁹

Одной из основных причин «убыли» трудармейцев были крайне низкие нормы питания, которые были установлены с начала Великой Отечественной войны в лагерях ГУЛАГа. По данным Г.Я. Маламуда, на предприятиях и стройках Урала трудмобилизованные в декабре 1942 г. получали от 500 до 700 г хлеба в день. Размер пайка строго зависел от дневной выработки. Штрафники и отказывающиеся от работы получали по 300 г хлеба в день⁴⁰. Голод убивал трудармейцев быстрее, чем тяжелая физическая работа. В Краслаге партийная организация мобилизованных немцев пыталась наладить контроль за распределением продуктов на пищеблоке, чтобы скудный гулаговский паек получал каждый трудармеец⁴¹. Руководство ГУЛАГа признавало необходимость корректировки собственной политики в отношении трудмобилизованных, но реальное улучшение их положения, как вспоминали позднее сами немцы, наступило только во второй половине 1943 г.: «С лета 1943 г. вдвое повысились нормы питания, а на тяжелых лесных работах стали выдавать даже по 1 кг хлеба. В рационе питания появилась каша, а в супах немного крупы. Конвоиры разрешали собирать ягоду и грибы в лесу, чего раньше не допускалось»⁴².

Некоторых трудармейцев, оставленных в составе рабочих колонн на территории Красноярского края, спасали от голода их семьи. Собирая скромную посылку, немки зачастую пешком добирались до своих мужей в Краслаг, чтобы помочь трудармейцам выжить в тяжелых условиях.

Облегчить существование в трудармии некоторым из мобилизованных помогало их образование. Использование профессиональных навыков трудармейцев, полученных еще до мобилизации, было редким, но все же известным явлением. В этом плане деятельность ла-

герного начальства четко регламентировалась распоряжениями НКВД, где было сказано, «что разрешается использование по специальности, помимо инженеров, техников и врачей, также бухгалтеров, экономистов и других специалистов». Специалистам разрешалось работать «только внутри отрядов и рабочих колонн из мобилизованных немцев»⁴³.

Уже весной и летом 1942 г. лагерная администрация стала избавляться от обессиленных людей. Тех немцев, кому удалось комиссоваться и добраться до дома, выхаживали родственники. Физическая реабилитация для демобилизованных часто заканчивалась новой повесткой в военкомат для повторной отправки в рабочие колонны.

Трудовое использование женщин в рабочих колоннах также регламентировалось инструкциями соответствующих ведомств. К ним применялись те же принципы организации и оплаты труда, что и в отношении мужчин-тудармейцев. Немок направляли на любые виды работ, включая самые тяжелые. Например, переброшенных с Алтая в Краслаг женщин предписывалось использовать на биржевых работах и в сельском хозяйстве⁴⁴.

В результате нескольких трудовых мобилизаций к 1945 г. мобилизованные немцы работали в 22 подразделениях из 66 общесоюзных наркоматов и комитетов. Больше всего их трудилось в наркомугле и наркомнефти – 70,2% от общей численности тудармейцев⁴⁵. Таким образом, на протяжении всех военных лет принцип распределения немецкого «спецконтингента» оставался неизменным – его использовали в добывающих отраслях, обеспечивающих прежде всего работу оборонных предприятий, на строительстве различных объектов.

В Сибири труд переселенцев использовался также на рыбных промыслах. Они продолжали освоение районов Крайнего Севера. Депортированные национальные контингенты и трудпоселенцы стали основным резервом для реализации Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и Дальнего Востока». По решению местных партийных и советских органов часть завезенного контингента в 1942–1943-х гг. была организована в рыболовецкие колхозы, остальные использовались в промысловых кооперативах, промкомбинатах, совхозах и т.д. Большая часть вынужденных переселенцев была отправлена в северные районы летом 1942 г. В 1944 г. приток рабочей силы на север осуществлялся за счет депортированных калмыцких семей.

Рыбный промысел стал главным видом хозяйственной деятельности местного и завезенного населения Крайнего Севера. Для организационного оформления рыболовства на Енисее в июне–августе 1943 г. в Туруханске и Дудинке были созданы рыбакосоюзы. Таймырский обслуживал 32 рыболовецких колхоза, расположенных в четырех районах округа; Туруханский – 48 таких колхозов, находившихся в Игарском и Туруханском районах⁴⁶. Создание новой управленческой структуры для осуществления широкомасштабного лова рыбы было во многом вынужденной мерой. Красноярский рыбтрест и рыбозаводы в Игарке и Усть-Порте, первоначально призванные организовать вылов рыбы силами переселенцев, не справились с этой важной задачей. Уполномоченные крайкома ВКП(б), направленные в 1942 г. на север в качестве сопровождающих сформированных караванов, отмечали отсутствие какой-либо организации труда и быта доставленных на промыслы людей. «На острове Носоновск Усть-Енисейского района высажено 307 человек немцев и латышей. С этого времени уже 27 дней прошло, но кроме трех неводов, которые пришли на 23 сутки, на песке больше ничего нет. Максимально использовать эти неводы могут только 54 человека, остальным 253-м работ нет. Высаженные люди до сих пор не получили суточных, которые им причитались в пути следования, поэтому они не могут выкупить продукты. Рыбозавод об этом знает, но мер никаких не принимает... Главная задача по выполнению государственного плана при всем желании выполнена при такой организации быть не может». В итоге было составлено коллективное обращение сопровождавших в крайком ВКП(б) с просьбой вмешаться и навести порядок в отношении переселенных людей⁴⁷.

Отсутствие организованного вселения и трудоустройства новых «рыбаков», очевидно, было распространенным явлением. Немцы, переселенные «на рыбу» в северные районы Новосибирской области, оказались в такой же бедственной ситуации. Мы не будем подробно останавливаться на этом сюжете северного переселения, поскольку он подробно рассмотрен в работах Л.П. Белковец, посвященных «нарымской эпопее» поволжских немцев⁴⁸. Отметим, что трудности начального периода повторного переселения людям везде пришлось преодолевать во многом самостоятельно.

Трудовые будни семей, депортированных на рыбные промыслы, частично отражены в сохранившейся документации Таймырского и

Туруханского трестов. Из нее видно, что часть вынужденных переселенцев «разобрали» старые колхозы, организованные еще в начале 1930-х гг. из местного населения. Часть прибывших семей была объединена в самостоятельные рыболовецкие артели. В 1943 г. в составе Таймырского госрыбтреста насчитывалось одиннадцать новых колхозов и не менее шести в соседнем Туруханском⁴⁹ (табл. 5).

Таблица 5 – Размещение переселенцев во вновь организованных колхозах Таймырского Рыбакколхозсоюза (1943–1944 гг.)*

Наименование колхозов	1943 г.			1944г.		
	Всего, чел.	В том числе		Всего, чел.	В том числе	
		трудо-способные	на рыб. пром.		трудо-способные	на рыб. пром.
Дудинский район	1303	814	249	1029	706	175
«Северный путь»	480	334	91	377	292	55
«Новая жизнь»	329	167	60	258	156	43
«Полярная звезда»	181	121	46	165	121	33
«Верный путь»	313	192	52	229	137	44
Усть-Енисейский район	892	803	740	935	803	532
«Гвардеец»	252	200	200	242	225	189
«Рыбак Севера»	188	175	150	197	191	78
«Труженик»	48	42	40	47	44	31
«Заря»	211	203	200	227	160	109
«Заполярник»	115	105	75	124	85	60
«Норд»	78	78	75	98	98	65
Хатангский район	137	83	50	137	88	53
«Заря»	137	83	50	137	88	53
Всего	2332	1700	1039	2101	1597	760

*Составлено по: ГАКК. Ф. Р-1444. Оп. 1. Д.14. Л. 67 – 68 об; Д. 20. Л. 1; Д. 24. Л. 43.

Приведенные данные свидетельствуют, что на рыбных промыслах трудились не все переселенцы. В 1943 г. только в колхозах Усть-Енисейского района добыча рыбы стала главным занятием трудоспособного населения (92,1%). В двух других районах Таймыра процент переселенцев, занятых на рыбной ловле, был ниже – в Хатангском 60,2%, в Дудинском – 30,6%. В следующем году в новых колхозах

Таймырского округа доля рыбаков среди трудоспособных переселенцев и вовсе сократилась с 61,1 до 47,6%.

Проблема эффективного использования прибывшего контингента оказалась трудноразрешимой для госрыбтрестов, но их руководство просило завезти дополнительную рабочую силу в 1943 г. НКВД посчитал новое переселение нецелесообразным, поскольку тресты еще не устранили недостатки относительно имевшихся контингентов. К тому же прошедшие ранее мобилизации свели до минимума численность трудоспособных спецпереселенцев. В случае, если бы переселение на Север в 1943 г. все-таки состоялось, УНКВД КК смог бы направить на рыбные промыслы только 4995 семей, состоявших из 884 человек трудоспособных, 4428 многодетных женщин, 355 инвалидов, 7774 детей⁵⁰. Очевидно, что переселение на север такого количества, прежде всего иждивенцев, было нецелесообразно. Некоторые рыболовецкие артели получили пополнение лишь в 1944 г., приняв в свои ряды депортированные калмыцкие семьи. Всего в северные районы Красноярского края предполагалось направить 1138 семей калмыцкого «спецконтингента». На самом деле их прибыло меньше⁵¹.

Новые рыболовецкие хозяйства в основном были интернациональными. В созданных в годы войны колхозах Туруханского района преобладали немцы, греки, русские (см. табл. 5 приложения). Они составляли костяк новых артелей. Неслучайно управленческий аппарат указанных хозяйств состоял в основном из представителей русской и немецкой национальностей. Немцы составляли большинство и в таймырских колхозах, опережая даже представителей коренного населения (см. табл. 6 приложения).

В 1940-е гг. правительственные планы по форсированному освоению рыбных запасов сибирских рек затронули и организованные еще в начале 1930-х гг. местные колхозы. В годы войны они были переведены с сельскохозяйственного устава на рыболовецкий. В связи с этим изменились приоритеты производственной деятельности старых хозяйств – рыбный промысел становился преобладающим в экономике колхозов, а пушной, оленеводческий и сельское хозяйство – вспомогательными. Новые колхозы и вовсе создавались как рыболовецкие, без развития других видов хозяйственной деятельности.

Принципы организации новых артелей были зафиксированы в их уставах, согласно которым артель получала от государственных органов рыбоохраны и рыбоводства участки для промысла в бесплат-

ное и бессрочное пользование. Договор между рыболовецким хозяйством и вышестоящими органами регламентировал размеры и точные границы рыболовецкого участка, время и условия лова.

Материально-техническая база новых хозяйств создавалась при помощи МРС (моторно-рыболовных станций). В их функции входила выдача со складов орудий лова, рыболовного инвентаря, организация обучения рыбаков, руководство бригадами, в т.ч. по эксплуатации орудий лова и транспортных средств. Из полученных доходов артель оплачивала работу МРС.

Рыбаки объединялись в бригады и звенья. Сообразно имевшимся в наличии орудиям лова они разделялись на сетевые и неводные. Количество бригад и рыбаков, входящих в их состав, во вновь организованных колхозах было разным. Так, артель «Новая жизнь» в 1943 г. имела 4 рыболовецкие бригады, которые, в свою очередь, разделялись на два звена каждая. Артель «Верный путь» организовала только 1 бригаду, но разбила ее на 15 звеньев⁵².

Оплата труда рыбаков зависела от количества рыбы, выловленной и сданной государству. «Размер оплаты труда по бригадам и звеньям устанавливается общим собранием членов артели, причем он не может быть ниже 55% при механическом лове и 70% при немеханическом лове от стоимости сданной государству рыбы. Распределение внутри бригады идет по труду»⁵³. В приемном пункте рыбак получал квитанцию о сданной продукции и рулоны целевого снабжения, где фиксировали сумму, на которую он мог произвести отоваривание в местных промтоварных и продовольственных пунктах.

После организации переселения в новых хозяйствах создали строительные бригады. Их появление было необходимым условием существования переселенцев, которых изначально обрекли на самовыживание. На острове Носоновск не было ни одной жилой избушки, «за 20 дней сумели сами построить 10 деревянных общежитий, где размещено 15 бригад, и 5 землянок, где размещено 5 бригад. Заканчивается строительство медпункта, строится баня...»⁵⁴.

В 1943 г. в новых колхозах организовали сельскохозяйственные бригады, которые занимались освоением земель и огородничеством. Их успехи были весьма скромными и лишь частично помогали решить продовольственную проблему за счет местных средств. Так, в артели «Заполярье» Туруханского района в 1943 г. не выполнили план посева в количестве 7 га. При этом правление артели в своем

отчете весьма точно указало причины слабости сельскохозяйственного производства, характерные для всех новых хозяйств, – отсутствие семян, транспорта и сельхозинвентаря. «Все это дало колхозу убыток от посева в сумме 2100 руб.». Оплата сельскохозяйственных и строительных бригад была сдельная⁵⁵.

Сезонный характер промысловой деятельности обуславливал передвижение рабочей силы внутри колхоза. Так, максимальное количество рыбаков, задействованных в путине, приходилось на 3-й квартал года (июль–сентябрь), а охотников – на зимние месяцы.

При сохранении рыболовецкого профиля колхозам нужны были иные источники существования. Таймырский рыбаколхозсоюз наметил в 1944 г. «в новоорганизованных колхозах развитие подсобного хозяйства, пушной и пернатый промысел, организацию поделки кирпича, заготовку ягод, выжигание извести и т.д.»⁵⁶.

Форсированное освоение бассейнов сибирских рек было элементом экстенсивного развития всего региона. Впервые увеличение добычи рыбы произошло в начале 1930-х гг., когда местное население начали объединять в колхозы. Организация промыслового лова и активная колонизация районов Крайнего Севера в годы войны принесли еще более ощутимые, но кратковременные результаты. В 1943–1944 г. вылов рыбы в Енисейском заливе вырос в два раза даже по сравнению с благополучным 1941 годом (табл. 6). Спецпереселенцы оказались той силой, благодаря которой во многом были достигнуты такие небывалые результаты.

Таблица 6 – Показатели вылова рыбы в Енисейском заливе (1930–1944-е гг.)*

Год	1939	1940	1941	1942	1943	1944
Показатели рыбодобычи, тыс. ц	11,5	11,7	13,8	20,8	26,2	26,7

* Составлено по: ГАКК. Ф. Р–1444. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

Рост показателей рыбодобычи обеспечивался нелегким трудом членов рыболовецких артелей. Многие на месте впервые знакомились с рыбным промыслом. Отсутствие квалифицированных специалистов по рыболовству среди расселенных людей отмечали в своих отчетах и уполномоченные крайкома ВКП(б). Так, среди переселенцев, при-

бывших на Дорофеевские пески в июле 1942 г., было 8 плотников, 5 сапожников, 5 шоферов, 2 бондаря, 4 слесаря, 2 кузнеца, 7 трактористов, 1 печник, 8 швей и портных, 5 токарей, 7 медицинских работников, 26 бухгалтеров, экономистов, счетоводов, 4 пекаря, 326 прочих рабочих⁵⁷. Быстрая профессиональная адаптация стала одним из важнейших условий выполнения производственных заданий и выживания переселенцев.

Половозрастной состав размещенных в северных районах Красноярского края вынужденных мигрантов был следующим: 12207 трудоспособных (2909 мужчин и 9298 женщин), 2087 подростков 16–18 лет, 1807 ограниченно трудоспособных (427 мужчин и 1380 женщин), 5294 детей до 14 лет; 1554 детей от 14 до 16 лет⁵⁸. Таким образом, женщины и дети стали основной рабочей силой на рыбных промыслах. Многие, по их собственному признанию, «даже грести и управлять лодкой не умели». В конце 1944 г., по данным Таймырского РКС, среди колхозников-переселенцев трудоспособные мужчины составляли лишь третью часть. Каждый десятый работник колхоза был несовершеннолетним⁵⁹. Женские рыболовецкие бригады появились в большинстве новых хозяйств. Они работали весьма самоотверженно. Так, семнадцатилетняя рыбачка колхоза им. Свердлова Туруханского района Эмия Капп была занесена на районную Доску почета по итогам 1943 г., поскольку «хорошо освоила лов рыбы и своим добросовестным и четким трудом добилась выполнения плана к 15 октября, вместо плановых 30 ц добыла 52,5 ц, т.е. на 175% выполнила годовой план»⁶⁰.

Труд переселенцев был исключительно ручным. К тому же орудий лова на всех рыбаков не хватало. «Сообщаю, что положение с рыбной ловлей незавидное», – писала уполномоченная ОК ВКП(б) В.К. Потехина. – В Носоновске сгружено 325 чел., а орудий лова и лодок нет совсем. 30 чел. на сегодня используются на обработке рыбы, а остальные – ничего не делают. Лопат и топоров для строительства жилья нет»⁶¹. В других отчетах в крайком ВКП(б) отмечалось, что переселенцам по приезду самим пришлось ремонтировать шлюпки, лодки, бочки, поскольку никто другой об этом не заботился. Слабое техническое оснащение промыслов сохранилось и в последующие годы.

Дефицит опытных кадров, техники и орудий лова предопределил слабость новых колхозов. Доходы у узкопрофильных пересе-

ленческих артелей были меньшими, чем у местных хозяйств (см. табл. 7 приложения). В 1944 г. выручка «старого» колхоза «Заполярьник» Дудинского района от полеводства, животноводства и промыслов составила 156172 руб. Рыболовецкая артель «Новая жизнь» этого района, организованная в 1943 г. из перемещенных семей, по количеству трудоспособных была такой же, но ее доход равнялся 118637 руб. «Заполярьник» обходил «Новую жизнь» по всем показателям, включая рыбодобычу⁶².

Заработки рыбаков были очень скромными. Они не покрывали необходимых расходов. Такая ситуация существовала во всех колхозах, переведенных в годы войны на рыболовецкий устав. Даже в относительно преуспевающих артелях переселенцев годовой заработок рыбаков составлял лишь 40% прожиточного минимума. Доходы рыбаков местных колхозов были выше, но и они до размеров прожиточного минимума не «дотягивали»⁶³.

Переселение «спецконтингентов» в северные районы повлекло за собой увеличение производственных заданий по рыбодобыче. Однако развитие промыслов шло медленнее, чем планировал наркомат рыбной промышленности (см. табл. 8 приложения). Статистика свидетельствует, что повышенные планы наркомата были не по силам даже старым колхозам, хотя с позиций плановых показателей в 1943 г. они выглядели несколько лучше новых хозяйств, которые только осваивали рыбный промысел. Лишь в 1944 г. переселенцы смогли увеличить объемы рыбодобычи и «догнать» в процентном отношении старые хозяйства. Однако выполнить намеченный план в 1944 г. Таймырскому РКС не удалось. В 1945 г. производственные задания по рыбодобыче были скорректированы в сторону уменьшения.

Заданные РКС объемы рыболовства не подкреплялись экономическими и экологическими расчетами. При составлении планов не учитывались ресурсные возможности сибирских рек, чьи рыбные запасы были весьма ограничены. В предвоенные годы сотрудники Института полярного земледелия, животноводства и промыслового хозяйства совместно с учеными Академии наук СССР исследовали промысловые возможности сибирских рек и пришли к следующим выводам: «Реки Сибири, несмотря на свою многоводность и большие водные поверхности, в рыболовном отношении не очень богаты. Енисей по своей продуктивности нельзя сравнить ни с Амуром, ни тем более с Волгой. Слабая продуктивность Енисея связана с горным характе-

ром реки и вытекающим отсюда малым количеством органических веществ и бедностью пищи. Термический режим также мало благоприятен, что вместе с бедностью планктона обуславливает замедленный темп роста и относительно позднюю половую зрелость сибирских рыб... Все это вместе взятое обязывает нас не переоценивать промысловые возможности увеличения добычи на Енисее»⁶⁴. В отчете за 1944 г. Таймырский РКС признавал, что ее «рост в 1942–1944-е гг. обеспечивался за счет молодежи», в результате чего «сырьевая база оказалась подорвана».

Заключение ученых пригодились лишь в 1945 г., когда советская экономика стала возвращаться в мирное русло и острая необходимость в наращивании объемов рыбодобычи отпала. Но в годы войны потребности мобилизационной экономики диктовали рост производственных показателей.

В 1945 г. РКС частично признал несостоятельность действовавшего плана развития рыбных промыслов. Перевод национальных хозяйств на рыболовецкий устав был назван ошибочным. Объемы рыбодобычи предлагалось существенно сократить⁶⁵.

При уменьшении вылова рыбы дальнейшее существование экономически слабых, узкопрофильных переселенческих артелей становилось весьма проблематичным. Для широкого развития оленеводства и пушного промысла у них не было соответствующей материально-технической базы. Помощь РКС в этом направлении осуществлялась, но была незначительной. Выйти из создавшейся ситуации помогла инициатива самих переселенческих хозяйств по объединению с местными колхозами. Укрупненные хозяйства переводились на сельскохозяйственный устав, сохраняя рыбный промысел в качестве одного из видов своей деятельности.

Несостоятельность проекта по активному освоению рыбных запасов Енисея имела много негативных последствий. Одним из них было существование на севере малопродуктивных хозяйств из вынужденных переселенцев. Отсутствие больших рыбных запасов и материально-технического обеспечения промыслов позволяет усомниться в необходимости массового перемещения людей в северные районы. Спецпереселенцы оказались заложниками непродуманных экономических решений. Ситуация усугублялась тем, что после признания ошибочности курса на форсированное развитие рыбных промыслов их никто с севера вывозить не спешил.

В годы войны трудовые ресурсы Сибири пополнились за счет прибывших в 1944 г. спецпереселенцев-калмыков. В Постановлении СНК СССР №1432-425сс от 28 декабря 1943 г. Красноярскому крайисполкому предписывалось разместить и трудоустроить калмыков «главным образом в сельскохозяйственных, животноводческих и рыболовецких хозяйствах, рабочих и служащих в районах вселения использовать по специальности»⁶⁶.

Рыболовство, животноводство и земледелие были для калмыков традиционными видами трудовой деятельности. По мнению советского руководства, размещение калмыков в сельской местности должно было ускорить их профессиональную адаптацию на новом месте жительства. Среди переселяемых в край было 1075 рыбаков, 12 комбайнеров, 76 трактористов, 194 учителя, 11 агрономов, 123 моториста, 8 врачей и представители других специальностей⁶⁷.

Процесс «трудового освоения спецконтингента» шел медленно. Спектр использования спецпереселенцев-калмыков оказался шире, чем это было заявлено в правительственном постановлении. Многих направили на работы в лесную промышленность. По лесопромышленным трестам они были расселены в следующем количестве: Краслес – 379 человек, Хакаслес – 539 человек, Красдрев – 170 человек, Красхимлес – 228 человек, Управление Главснаблес – 195 человек⁶⁸. Здесь спецпереселенцам пришлось выполнять непривычные для них работы – лесо- и дровозаготовки, подготовка и проведение лесосплава, выгрузка древесины, добыча живицы. В докладной записке УНКВД КК (октябрь 1944 г.) отмечалось, что «лесные виды работ спецпереселенцы-калмыки осваивают очень медленно по причине непригодности к данной работе. Кроме того, недостаточно организовано производственное обучение и не созданы нормальные материальные и жилищно-бытовые условия, в т.ч. питание и обеспечение одеждой и обувью»⁶⁹.

Производительность труда спецпереселенцев в лесной отрасли была низкой. В Тюхтетском леспромхозе, при общей производительности труда по заготовкам 140%, рабочие-калмыки дали только 15%, в то время как основной кадровый состав – 221%. В Лебяжинском и Ключинском химлесхозах средняя производительность труда переселенцев составляла 75%, средняя заработная плата – 200–300 руб., нормы выработки не выполнялись⁷⁰.

Проблема дальнейшего трудового использования калмыков в лесной отрасли неоднократно обсуждалась в крайкоме ВКП(б), УНКВД КК, лесопромышленных трестах. Дефицит рабочей силы в леспромпхозах не позволял направить «спецконтингент» на работы в другие отрасли. Поэтому для более эффективного трудового использования спецпереселенцев-калмыков решили организовать их обучение, а также «упорядочить вопрос с организацией труда и обеспечением средствами производства». Повысить производительность труда предполагалось через разъяснительную работу, а также «меры судебного и прочего воздействия для нарушителей трудовой дисциплины».

Спецпереселенцы-калмыки использовались не только в лесной отрасли. Они восполнили недостаток рабочих рук на Канском гидролизном заводе, Ачинском марганцевом руднике, Заозерновской слюдофабрике. Многие калмыцкие семьи поступили в распоряжение треста «Хакасзолото» Ширинского района на рудники «Знаменитый» и «Туим». Часть «спецконтингента» оставили в г. Красноярске для работы в ДОКе и на кирпичных заводах №1 и №3⁷¹. Эффективность их труда была различной и зависела, очевидно, от организации производственного процесса и хозяйственной обустроенности. С одной стороны, среди калмыков стали появляться стахановцы, бригады передовиков, с другой – трудовое использование и материальное обеспечение калмыков оценивались как неудовлетворительные⁷².

Трудоустройство и расселение финских семей зафиксировано в документах архивов фрагментарно. Сохранились немногочисленные материалы о работе финнов на рыбных промыслах в северных районах. Их нелегкие трудовые будни протекали в интернациональных рыболовческих артелях рядом с русскими, немцами, калмыками и др.

Опубликованные воспоминания самих финнов несколько расширяют представление об их трудовом использовании в крае. Известно, что часть семей трудилась на лесозаготовках. Так, А.М. Луко-Киуру, работавшая в 1942 г. вместе с остальными переселенцами в леспромпхозе, вспоминала: «Я, девочка 16-ти лет, пилила дрова, зарабатывая на жизнь. Сайма – сестра 14 лет – устроилась на работу няней к ребенку в семье директора леспромпхоза. ...Зимой работали на лесоповале, затем на сплавке леса по реке. Летом я ушла в деревню, работала пастухом у хозяйки. За это она меня кормила и немного платила за работу»⁷³.

В целом трудовое использование спецпереселенцев-финнов не отличалось от деятельности других контингентов. Подобно другим

репрессированным народам, они подверглись вторичной депортации и мобилизации в трудармию, осваивали новые профессии.

Семьи «оуновцев», прибывшие на спецпоселение в последний год войны, были трудоустроены на новом месте жительства в лесной промышленности. Не стал исключением и Красноярский край. Лишь небольшую часть переселенцев направили в Норильский УНКВД. Здесь они трудились в горнодобывающей промышленности⁷⁴.

В результате массовых депортаций в предвоенный период и годы войны только Красноярский край получил свыше 180 тыс. спецпереселенцев, которые в условиях массовой мобилизации сибиряков на фронт поддерживали его трудовой потенциал. По данным НКВД (июль 1944 г.), занятость основных «спецконтингентов» выглядела следующим образом: из 20614 человек калмыков, расселенных в крае, работали 8445 чел. (41%), из 48870 человек немцев – 18611 чел. (38%), из 9051 человек ссыльнопоселенцев – 2960 чел. (32,7%)⁷⁵.

Прибывшие в Сибирь вынужденные переселенцы должны были сразу включиться в трудовой процесс, но это не всегда получалось. Стремление местных руководителей получить в свое распоряжение максимальное количество прибывшей рабочей силы плохо сочеталось с более важной правительственной задачей – ее эффективным использованием. Обеспечить всех работой по прежней специальности не представлялось возможным, да и не входило в планы местных руководителей. Зарботки большинства спецпереселенцев, вынужденно обретавших новые профессии, практически повсеместно были низкими и не покрывали необходимого прожиточного минимума. Расчет на самоокупаемость переселенческих семей на новом месте жительства не оправдался. Привлечение к работе подростков стало обычным явлением, но и это не спасало семьи депортированных от голода и нужды. В результате правительство фактически признало, что эффективное использование вынужденных переселенцев невозможно без их профессиональной и бытовой адаптации.

В целом принудительный труд спецпереселенцев соответствовал мобилизационной практике советской экономики. Во многом благодаря труду «спецконтингентов» увеличилась добыча рыбы, развивались лесная и угольная отрасли. Хозяйственная колонизация Сибири шла параллельно с процессом сталинской модернизации и создавала условия для проведения последней.

Примечания к главе 2

- ¹ Мезит Л.Э. История Красноярского края (1917–1940 гг.): учеб. пособие. Красноярск: РИО КГПУ, 2001. С. 75.
- ² Там же. С. 76.
- ³ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 40. Л. 13.
- ⁴ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 220.
- ⁵ ГАКК. Ф. Р. 1434. Оп. 12с. Д. 7. Л. 11–12.
- ⁶ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 221. Д. 61. Л. 20.
- ⁷ Бруль В. Депортированные народы в Сибири (1935 – 1965 гг.). Сравнительный анализ. URL: // <http://www.Memo.Ru/history/nem/Chapter20.htm>. С. 11.
- ⁸ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 40. Л. 14.
- ⁹ Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР (1940– 1941) // Сибирь в истории и культуре С. 8.
- ¹⁰ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 108.
- ¹¹ Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в Сибири ... С. 372; ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 59. Л. 219.
- ¹² По данным УНКВД КК, из 30 прибывших врачей по специальности использовалось 13 человек, из 85 специалистов среднего медперсонала – 22 человека, из 204 учителей – 16 человек, из 167 бухгалтеров – 25 человек, из 16 инженеров – 4 человека. См.: Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы ... С. 197.
- ¹³ Сарнова В.В. Принудительные миграции ... С. 72–73; Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы ... С. 195.
- ¹⁴ Лиелайс А.К. Кто виноват? URL: // http://www.Memorial.Krsk.ru/memuar/lielais_kto.htm. С. 1.
- ¹⁵ Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России ... С. 520–521.
- ¹⁶ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 41. Л. 144.
- ¹⁷ Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья 1918–1941 гг. М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 1999. С. 260.
- ¹⁸ Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М.: Наука, 1992. С. 25.
- ¹⁹ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 41. Л. 179.
- ²⁰ Там же. Ф. Р. 2137. Оп. 1. Д. 86. Л. 156.
- ²¹ ГАКК. Ф. П. 26. Оп. 3. Д. 105. Л. 1, 41; Д. 107. Л. 155.
- ²² Шевченко В.Н. Сибирский арсенал Победы. Становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2008. С. 151.
- ²³ ГАКК. Ф. П. 869. Оп. 1. Д. 19. Л. 5.
- ²⁴ Там же. Л. 172.
- ²⁵ Белковец Л.П. Административно-правовое положение ... С. 121.
- ²⁶ ГАКК. Ф. П. 26. Оп.3. Д. 105. Л. 2; Ф. Р. 2137. Оп. 1. Д. 97. Л. 32 – 88.
- ²⁷ Там же. Ф. Р. 1384. Оп. 1. Д. 835. Л. 18 об.
- ²⁸ Там же. Ф. Р. 1383. Оп. 1. Д. 345. Л. 16 об, 86.

- ²⁹ Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941–1955 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2003. С. 144.
- ³⁰ Сборник основных нормативных актов органов государственной власти и управления об уголовной ответственности за преступления и освобождения от наказаний. М., 1968. С. 88–89.
- ³¹ Красноярск и красноярцы. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1978. С. 325–326.
- ³² Михалев С.Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Статистическое исследование. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. С. 103; Шевченко В.Н. Сибирский арсенал Победы ... С. 180.
- ³³ По данным того же Щаденко Е.А., в августе-сентябре 1942 г. предполагалось призвать в Красную Армию 95000 чел. из рабочих колонн, освобожденных из ГУЛАГа, и трудпоселенцев. См.: Михалев С.Н. Людские потери ... С. 106.
- ³⁴ «Мобилизовать немцев ...» ... С. 80–81.
- ³⁵ Курочкин А.Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы ВОВ (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1998. С. 178.
- ³⁶ Белковец Л.П. Административно-правовое положение ... С. 179.
- ³⁷ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны ...» ... С. 138–139.
- ³⁸ Ремпель П.Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941–1944 гг. // Российские немцы. Проблемы истории, языка и современного положения: сб. науч. ст. М.: Готика, 1996. С. 95.
- ³⁹ Судьба российских немцев. Коллективная исповедь в письмах / сост., общ. ред. и введение Т. Илларионова. М.: Готика, 1993. С. 71–72.
- ⁴⁰ Маламуд Г.Я. Мобилизованные советские немцы на Урале в 1942–1948 гг. ... С. 135.
- ⁴¹ Судьба российских немцев ... С. 172–173.
- ⁴² Вольтер Г. Зона полного покоя: российские немцы в годы войны и после нее; свидетельства очевидцев. М.: Варяг, 1998. С. 277.
- ⁴³ «Мобилизовать немцев в рабочие колонны ...» ... С. 69.
- ⁴⁴ Там же. С. 96–97.
- ⁴⁵ Там же. С. 102–104.
- ⁴⁶ ГАКК. Ф. Р. 1444. Оп. 1. Д. 8. Л. 159; Ф. Р. 1445. Оп. 1. Д. 52. Л. 20.
- ⁴⁷ ГАКК. Ф. П. 26. Оп. 3. Д. 463. Л. 64, 67.
- ⁴⁸ Белковец Л.П. Нарымская эпопея немцев Поволжья в 1941 – 1945 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М.: Готика, 1998. С. 284 – 314.
- ⁴⁹ ГАКК. Ф. Р. 1444. Оп. 1. Д. 14. Л. 68; Ф. Р. 1445. Оп. 2. Д. 1. Л. 58; Оп. 1. Д. 71. Л. 11.
- ⁵⁰ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 129. Л. 27.
- ⁵¹ ГАКК. Ф.П. 26. Оп. 14. Д. 34. Л. 219.
- ⁵² ГАКК. Ф. Р. 1444. Оп. 1. Д. 20. Л. 45. Л. 57.
- ⁵³ Там же. Ф.Р. 1445. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

- ⁵⁴ ГАКК. Ф. П. 26. Оп. 3. Д. 463. Л. 50, 64.
- ⁵⁵ ГАКК. Ф. Р. 1445. Оп. 1. Д. 29. Л. 38; Д. 15. Л. 3.
- ⁵⁶ Там же. Ф. Р. 1444. Оп. 1. Д. 8. Л. 162об.
- ⁵⁷ ГАКК. Ф.П. 26. Оп. 3. Д. 463. Л. 62.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 108. Л. 39.
- ⁵⁹ ГАКК. Ф. Р. 1444. Оп. 1. Д. 5. Л. 16об.
- ⁶⁰ Там же. Ф. Р. 1445. Оп. 2. Д. 1. Л. 10.
- ⁶¹ ГАКК. Ф. П. 26. Оп. 3. Д. 463. Л. 63.
- ⁶² ГАКК. Ф. Р. 1445. Оп. 1. Д. 71. Л. 23.
- ⁶³ Там же. Ф. Р. 1444. Оп. 1. Д. 12. Л. 20.
- ⁶⁴ ГАКК. Ф. Р. 1444. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.
- ⁶⁵ Там же. Л. 147 – 149.
- ⁶⁶ Там же. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 66. Л. 8.
- ⁶⁷ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину ... С. 81.
- ⁶⁸ ГАКК. Ф. П. 26. Оп. 13. Д. 383. Л. 174.
- ⁶⁹ Там же. Оп. 14. Д. 48. Л. 211.
- ⁷⁰ Там же. Оп. 13. Д. 383. Л. 78; Оп. 14. Д. 48. Л. 210.
- ⁷¹ Там же. Л. 219 – 210.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Гильди Л.А. Расстрелы, ссылки, мучения. – СПб., 1996. С. 57–59.
- ⁷⁴ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину ... С. 208.
- ⁷⁵ Алферова И.В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х – 50-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 186–188.

Глава 3. СОДЕРЖАНИЕ ДЕПОРТИРОВАННЫХ КОНТИНГЕНТОВ НА ПОСЕЛЕНИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1950-е гг.)

3.1. Численность, состав и территориальное размещение выселенцев

После окончания Второй мировой войны советское руководство еще длительное время использовало принудительные переселения как один из действенных методов внутренней политики. Депортации производились преимущественно из западных (присоединенных) областей СССР. Репрессии, наряду с проведением социалистических преобразований, обеспечивали здесь закрепление советского режима. «Второе пришествие» советской власти местные жители встречали без энтузиазма. Особенно упорное сопротивление Красной Армии оказало население Западной Украины и Литвы. На указанных территориях действовали крупные националистические организации ОУН – УПА (Организация украинских националистов – Украинская повстанческая армия) и ЛОА (Литовская освободительная армия). Участники указанных формирований представляли собой хорошо организованные боевые отряды. По данным исследователей А.В. Борисова и А.Н. Дугина, только в Литве за период с октября 1946 г. по март 1947 г. были раскрыты и ликвидированы 136 антисоветских организаций и групп, убиты 776 человек и арестованы свыше 3000 человек из числа антисоветских элементов. Отряды располагали обширной агентурой, формировавшейся в основном из родственников и знакомых. Не менее ожесточенное сопротивление новой власти оказывали «оуновцы». На территории западных областей Украины за 1945–1953-е гг. ими было совершено свыше 14000 террористических и диверсионных актов¹.

На Украине «оуновцы» представляли для советской власти серьезную идеологическую опасность. После окончания Второй мировой войны руководство УПА выступило с достаточно демократической программой – «за образование украинского государства без помещиков и капиталистов, без большевистских комиссаров, «энкаведистов» и партийных паразитов, за ликвидацию большевистских колхозов, за передачу всей земли крестьянам без выкупа, за равноправие национальных меньшинств, установление либеральных прав и сво-

бод»². Такой сплав национальных и демократических идей вызывал отклик среди местного населения, напуганного «советским вариантом демократии» – предвоенными репрессиями НКВД. Наиболее восприимчивыми адептами «оуновской» пропаганды были семьи участников организации. Изоляция родственников националистов позволяла сторонникам советской власти вести идеологическую работу более эффективно. Вместе с тем партийные органы призывали усилить и пропагандистскую, разъяснительную работу среди населения.

В целом политика «советизации» новых территорий, на наш взгляд, не могла быть реализована только мирным путем. Наши выводы базируются на исследованиях ряда авторов, в т.ч. и Е.Ю. Зубковой. Подробно рассматривая деятельность националистического антисоветского движения в Прибалтике, она указывает, что перелом в борьбе с ним наступил в конце 1940-х гг., когда были проведены массовые депортации. Движение лишилось своей социальной базы, пошло на спад и вскоре прекратилось³. Соответственно, депортации можно считать одним из методов утверждения советской власти на присоединенных землях.

Очевидно, что послевоенные переселения имели не столько национальный, сколько социально-политический подтекст. Правительство теперь производило «чистку» отдельных этносов, не переселяя их целиком. Оно стремилось путем депортации изолировать враждебную часть населения Западных Украины, Белоруссии и республик Прибалтики. На спецпоселение отправлялись семьи тех, кто активно противодействовал установлению новой власти: осужденных, убитых, находящихся на нелегальном положении националистов и бандитов, а также кулаков.

Как правило, при проведении депортаций круг переселяемых расширялся, поскольку, по сложившейся практике, местные карательные органы имели собственное представление о социальной опасности, поэтому вместе с «кулаками» могли быть переселены середняцкие и бедняцкие семьи.

В первые послевоенные годы депортация использовалась так же, как мера наказания за сотрудничество с немецкими оккупантами. Так, на спецпоселение были определены «власовцы» и семьи «фольксдойче». Их национальный состав был разнородным, и потому обозначение «национальные спецконтингенты», используемое ранее для немцев, калмыков, финнов, здесь не применимо. Например, среди учтенных на

спецпоселении в Красноярском крае 5803 человек «власовцев» (1949–1953 гг.) были белорусы (53 чел.), армяне (197 чел.), татары (188 чел.), азербайджанцы (403 чел.), грузины (214 чел.), немцы (203 чел.), русские (2309 чел.), украинцы (1051 чел.), прочие национальности (1185 чел.)⁴. Многонациональными по составу были и «фольксдойче». В Новосибирской области их было 2357 человек: большинство составляли украинцы и немцы, почти четверть – русские и поляки⁵.

В послевоенные годы на спецпоселение были направлены многие репатрианты. По мнению П.Я. Поляна, после окончания Второй мировой войны указанный контингент составили три категории бывших советских граждан – военнопленные, остарбайтеры и беженцы⁶. По возвращении на родину их судьба решалась в проверочно-фильтрационных лагерях. Репатрианты, относившиеся по национальности к репрессированным народам, разделили судьбу последних. В местах ссылки они вливались в уже имевшиеся национальные контингенты. Таким образом, депортации репатриантов по национальному признаку можно считать своеобразным «эхом» предыдущей репрессивной политики советского руководства в отношении «наказанных» народов.

Используя старые и высылая новые «спецконтингенты», государство решало сразу несколько задач – увеличивало количество подневольной рабочей силы, изолировало явных «врагов советской власти», продолжало колонизацию северных и восточных малообжитых районов страны.

Как и в предыдущий период, Сибирский регион занимал важнейшее место в реализации указанных правительственных задач. За 1945–1953-е гг. численность спецпереселенцев в Западной Сибири возросла в 1,4 раза, в Восточной Сибири – в 1,6 раза⁷. Депортированные группы поступали бесперебойно. Если в августе 1944 г. Красноярский крайком ВКП(б) сообщал о расселении в крае 107381 спецпереселенца, то к январю 1952 г. на спецучете в местных комендатурах состояли 148255 человек⁸. Столь значительный прирост был обеспечен за счет депортированных после войны жителей Прибалтики, «оуновцев», «власовцев», «указников». Красноярский край стал уникальным в своем роде сибирским регионом, где были масштабно представлены почти все послевоенные контингенты депортированных.

В конце 1940-х гг. система спецпоселений пополнилась новыми группами «ссыльнопоселенцев», «ссылных» и «высланных». Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г., местами их пребывания могли стать только районы Колымы, Красноярского края и Новосибирской области, расположенные в 50 км севернее Транссиба, а также ряд областей в Казахской ССР. В 1952 г. МГБ СССР, в ведении которого находился отдел спецпоселений, дал следующие пояснения о составе указанных контингентов: к ссыльнопоселенцам относятся лица, направленные (после отбытия наказания) в ссылку на поселение навечно, – шпионы, участники политических и буржуазно-националистических партий и групп, террористы, диверсанты, вредители, саботажники, участники религиозных антисоветских организаций, бывшие лица привилегированных сословий и т.д.; к ссылным и высланным относятся лица, направленные в ссылку или высланные под надзор МГБ на сроки по решениям суда. Ссылными считались изменники родины и члены их семей, пособники немецких оккупантов, члены семей троцкистов, правых и других, высланных в 1937 г. Уголовные и антисоветские элементы могли быть направлены судом на спецпоселение как ссылные и как высланные. На 1 января 1953 г. в СССР общее количество ссыльнопоселенцев, ссылных и высланных составило 65332 человек. Красноярский край лидировал среди других регионов страны по количеству указанных контингентов – в 1953 г. под надзором органов УМГБ находились 31420 человек (48,09%), в т.ч. 28176 ссыльнопоселенцев, 1138 ссылных и 2106 высланных⁹.

Продолжавшиеся принудительные переселения окончательно утвердили за краем репутацию «ссылного», и к моменту прекращения массовых репрессий он уступал по количеству спецпереселенцев только Казахской и Узбекской ССР, но значительно превосходил по этим показателям своих «соседей»¹⁰. Вероятно, такие характеристики, как малая заселенность, большая протяженность, бурное развитие промышленности, делали край привлекательным с точки зрения отправки в него «социально опасных элементов» разных национальностей.

Одним из таких «социально неблагонадежных» «спецконтингентов» были семьи «оуновцев», которых продолжали депортировать с Украины и в послевоенные годы. Они поступали в восточные районы РСФСР непрерывно. В конце 1947 г. из УССР было выслано свыше

76 тыс. человек. За период 1945–1948-х гг. численность «оуновцев» в Красноярском крае увеличилась по сравнению с военным временем в 2,5 раза, составив на 1 января 1949 г. 5385 человек. Сюда прибывал и особо «опасный» контингент «оуновцев» – бежавшие ранее с мест поселения¹¹.

Совет Министров СССР в Постановлении от 4 октября 1948 г. разрешил МГБ проводить переселение «семей бандитов и погромщиков» из западных областей УССР по решению Особого совещания, что привело к увеличению потока депортированных. В итоге в 1951 г. на спецпоселении находилось 141306 «оуновцев», из которых 76223 чел. (53,9%) было размещено в Сибири¹².

Опубликованные В.Н. Земсковым количественные данные о половозрастном составе «оуновцев» позволяют заключить, что половину прибывших на поселение составили женщины, четверть – дети и столько же – мужчины. Красноярский край в целом подтверждал общесоюзные показатели – по данным УМВД КК на 1 января 1953 г., насчитывалось 13860 человек «оуновцев», в т.ч. 10807 взрослых и 3053 детей¹³.

По национальному составу большинство «оуновцев» были украинцами. Уровень образования украинского контингента был невысоким: большая часть взрослых спецпереселенцев-«оуновцев» была малограмотной, а четверть вообще не умела читать и писать¹⁴. Вероятно, это обстоятельство стало дополнительным аргументом в решении вопроса об их трудовом использовании на неквалифицированных трудоемких работах в промышленности и сельском хозяйстве.

Размещение переселенцев происходило по всей территории вселения. В 1952 г. они проживали в 37 районах, включая г. Красноярск, под надзором 127 местных спецкомендатур. «Оуновцев» не изолировали от местного населения. Их расселили в колхозах и совхозах, часть семей находилась в районных центрах или центральных усадьбах местных колхозов. Более 500 человек работали на красноярских заводах и свыше 200 человек – на предприятиях Черногорска¹⁵.

Большая часть «оуновцев», размещенных в Сибири, были устроены на лесоразработках и в сельском хозяйстве.

Во второй половине 1940-х гг. на спецпоселение были направлены свыше 137 тыс. «власовцев». Более трети из них (35,5%) оказались на территории Сибири. Больше всего их было в Иркутской (10433 чел.) и Кемеровской (17899 чел.) областях¹⁶. В Красноярском

крае контингент «власовцев» был сравнительно небольшим (по отношению к другим спецпоселенческим группам) и имел свои особенности при размещении. Он подвергся тщательному раздроблению. 6741 чел., находившихся на спецпоселении в начале 1952 г., были расселены в 38 районах под надзор 105 спецкомендатур УМВД. Только в пяти районах края (Артемовском, Енисейском, Рыбинском, Северо-Енисейском, Ширинском) и двух городах – Красноярске и Черногорске, где бурно развивалось промышленное производство, их проживание было относительно компактным (от 500 до 730 чел. в районе). Здесь же находилась большая часть контингента – 57,5%¹⁷. В сельскохозяйственных районах юга края он был представлен слабо.

Отмеченное распыление «власовцев» по территории края отвечало общим задачам его содержания – предотвратить консолидацию и пресечь возможную антисоветскую деятельность. Советские карательные органы по вполне понятным причинам относили эту группу к числу наименее благонадежных в политическом отношении спецпоселенцев. Источники влияния на них были ограничены – среди «власовцев» не было ни одного коммуниста¹⁸.

Особенностью контингента был его исключительно мужской состав. По данным переучета УМВД, в Красноярском крае в начале 1950-х гг. насчитывалось 5790 мужчин и всего 13 женщин. В основном это были бывшие военнослужащие Советской Армии (4798 чел.), в т. ч. 4326 рядовых, 392 сержанта, 80 офицеров¹⁹.

По истечении шестилетнего срока спецпоселения «власовцы» подлежали освобождению из мест ссылки (Постановление Совета Министров СССР от 7 октября 1951 г.). Но в Красноярском крае этот процесс шел медленно, вследствие чего часть людей еще в течение двух лет оставалась на спецпоселении. Свой спецпоселенческий статус сохранили и те «власовцы», кто по национальности принадлежал к числу репрессированных народов. Их просто переводили из одной категории спецпоселенцев в другую. Таким образом, численность депортированных национальных групп увеличивалась даже после окончания их массового переселения.

Во второй половине 1940-х гг. система спецпоселений активно «подпитывалась» новыми переселенцами из Прибалтики. В Сибирь высылались семьи националистов и «кулаков». Всего за период 1945–1949-х гг. на спецпоселение поступили 142543 человек²⁰. Краснояр-

ский край принял к началу 1950-х гг. свыше 36 тыс. бывших жителей Литвы, Латвии, Эстонии.

Наиболее массовой была литовская ссылка. Потоки переселенцев из Литвы прибыли в 1948–1951-е гг. Литовской стороной названы следующие сроки проведения массовых переселений из республики в Красноярский край: март и май 1948 г., март 1949 г., октябрь 1951 г., январь-ноябрь 1952 г., сентябрь 1953 г.²¹

В документах архивов зафиксировано, что большая часть литовского «спецконтингента» была переселена в край в 1948 г. в результате реализации Постановления Совета Министров СССР от 21 февраля этого года о выселении из Литовской ССР членов семей бандитов и националистов, а также «кулаков» с семьями. Тогда на спецпоселение в край отправили почти половину – 23467 чел.(49,3%) – всех выселенных из Литвы (47534 чел.). Соседняя Иркутская область получила 11495 чел., Бурят-Монголия – 4038 чел. Меньшие по численности контингенты были размещены в Томской и Молотовской областях²².

О предстоящем размещении многочисленного литовского контингента регионам было известно заранее. Его планировалось распределить по трестам лесной отрасли. Согласно разработанному плану, принимающими организациями выступали «Хакаслес», «Красхимлес», «Краслес», «Красдрев», «Востоксиблес», Бурмонголлес» и т.д. Руководители трестов обязаны были заранее подготовить необходимое количество жилого фонда, бытового инвентаря, одежды и обуви для переселенцев. Тем не менее непосредственно перед их прибытием, в конце мая 1948 г., большинство организаций не были полностью готовы к приему депортированных. Дефицит жилого фонда в Красноярском крае составлял 12456 кв.м, а значительная часть имеющейся жилплощади требовала серьезного ремонта. В результате многие семьи попали в непригодное для жилья помещение, жили скученно в антисанитарных условиях²³.

Многочисленность спецпереселенцев из Прибалтики не позволила распылить их по территории края мелкими группами. По прибытии в Красноярск многие семьи сразу же отправлялись на пароходах в северные районы края. Бывший спецпоселенец С. Сидорос вспоминает об этом так: «на теплоходе «Иосиф Сталин» народу было столько набито, что капитан без конца кричал в рупор, чтобы перешли с одного борта на другой борт, то, наоборот, потом всех загнали

в трюмы и оттуда уже не выпускали, у капитана прекратились проблемы».

В итоге в северные и восточные районы Красноярского края, где существовала сеть лесозаготовительных хозяйств, попали свыше 20 тыс. литовских переселенцев. Самые многочисленные группы депортированных находились в Богучанском (925 чел.), Енисейском (987 чел.), Игарском (3449 чел.), Казачинском (1216 чел.), Нижнеингашском (3079 чел.), Партизанском (1330 чел.) районах²⁴. К 1952 г. переселенцы из Литвы были размещены в 30 районах края под надзором 80 местных комендатур.

Следующая волна массовых переселений пришлась на март 1949 г., когда по Постановлению Совета Министров СССР от 29 января 1949 г. из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР выселяли «кулаков» с семьями, а также семьи бандитов и националистов. Планировалось переселить 30 тыс. семей, большая часть которых направлялась в Сибирь: в Новосибирскую область – 3 тыс., Томскую – 7 тыс., Омскую – 6 тыс., Иркутскую – 7 тыс., Красноярский край – 4 тыс.²⁵

В апреле эшелоны из Прибалтики прибыли на станции разгрузки. Первоначальные планы расселения были скорректированы. Вместо заявленных ранее 4 тыс. семей фактически в Красноярский край были доставлены 4902 семьи спецпоселенцев, которых из-за весенней распутицы и нехватки жилья пришлось расселять очень компактно в 36 районах вместо заявленных ранее 43. Контингент состоял из 3514 мужчин, 6103 женщин и 4206 детей – всего из 13823 человек. Большую часть семей (3217) удалось устроить в отдельные дома и бараки, остальные 1685 были размещены в домах местных жителей в порядке уплотнения²⁶.

Социально-политические мотивы переселения обуславливали интернациональный состав депортированных групп из Прибалтики. В 1949 г. в Красноярский край из прибалтийских республик прибыли 6592 эстонец, 6830 литовцев, 118 немцев, 158 поляков, 82 русских, 24 латыша, 5 украинцев, 3 шведа, 6 финнов, 4 еврея, 1 армянин. Но все-таки большинство вынужденных переселенцев составляли представители титульных прибалтийских наций (в данном случае – эстонские и литовские семьи)²⁷.

Состав спецпоселенцев из Литвы 1948 г. и 1949 г. несколько различался. В первой волне переселенцев соотношение семей «кулаков» и националистов было примерно одинаковым – 6000 семей бан-

дитов и националистов и 6246 семей «кулаков». В ходе следующей операции по переселению, проведенной в марте 1949 г., из 8765 семей только 1948 имели отношение к бандитам и националистам, а остальные 6817 были «кулацкими»²⁸. Рост количества высланных «кулаков» свидетельствовал об активизации процесса социалистических преобразований в литовской деревне. Вместе с тем переселение «кулаков» можно рассматривать как подтверждение того факта, что после войны характер депортаций изменился – в ссылку на поселение могли быть направлены социально опасные элементы любой национальности.

Депортация «кулаков» из Литвы продолжилась и в начале 1950-х гг. Большая группа переселенцев из Прибалтики была направлена на поселение осенью 1951 г. В Томскую область их прибыло свыше 7000 чел., в Красноярский край больше, чем в другие регионы, – более 10000 человек²⁹. Расселение «кулаков из Литвы» имело в крае свою специфику. По сведениям архива ГУВД КК, они состояли на учете в 52 спецкомендатурах и были расселены в 21 районе края. Большая часть была направлена в сельскохозяйственные районы – Ужурский, Сухобузимский, Новоселовский, Назаровский, Краснотуранский, Ачинский, Березовский, Боготольский, Канский. Здесь размещалось 64,7% от общей численности прибывших³⁰.

В послевоенный период на спецпоселении еще оставались и те ссыльнопоселенцы, кого депортировали из присоединенных перед войной территорий в 1940–1941-е гг. По данным УМГБ КК, в апреле 1952 г. на учете состояло 4128 человек указанного контингента, в т.ч. из Западной Украины – 95 человек (22 муж. и 73 жен.), из Молдавии – 12 человек (3 муж. и 9 жен.), из Прибалтики – 4021 человек (1136 муж. и 2910 жен.). Основную массу в этой группе вынужденных переселенцев составляли латыши³¹.

В конце 1948 г. появилась новая группа спецпоселенцев – «указники». 21 февраля 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял секретный указ, согласно которому из Украинской ССР выселялись лица, «злостно уклоняющиеся от трудовой деятельности и ведущие антиобщественный и паразитический образ жизни». В течение года действие указа было распространено на всю территорию СССР. В итоге данный контингент не приобрел четкой национальной окраски. Решение о выселении с подачи местного руководства принимали колхозные собрания и сельские сходы. На основании указа колхозников выселяли в отдаленные районы страны, как правило, на 8 лет. Внесудебный характер этих репрессивных действий МВД в дальнейшем объяснило следующим образом: крестьяне выселялись не в нака-

зание, а в результате особых государственных мероприятий. Историк В.Ф. Зима отмечает, что поскольку в послевоенной деревне тунеядцев было мало, то под действие указа в основном попали фронтовики, вдовы, старики и молодежь. Большую часть высланных составили женщины³².

Контингент «указников» в сравнении с другими группами спецпоселенцев в СССР был небольшим – за четыре года на спецпоселение поступили 33266 человек. Они были расселены преимущественно в Сибири и на Дальнем Востоке³³.

В начале 1950-х гг. спецссылка продолжала пополняться новыми социально «неблагонадежными» контингентами. В 1951 г. на спецпоселение прибыли высланные по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. – «за уклонение от общественно полезного труда и за ведение антиобщественного паразитического образа жизни». Большинство высленцев попали в Красноярский край, где в 1953 г. их насчитывалось 453 человек³⁴. Такой же немногочисленной (1415 чел.) была группа спецпоселенцев, высланных по Постановлению Совета Министров СССР из Пыталовского, Печерского и Качановского районов Псковской области в 1950 г. Присоединенные к СССР вместе с Литвой в 1940 г. указанные западные районы теперь подвергались чистке от «антисоветского элемента». В Сибири наиболее заметными они были в Красноярском крае, где в 1952 г. проживало 408 переселенцев из Псковской области³⁵.

Таким образом, появление в послевоенный период новых, национально неокрашенных, контингентов свидетельствовало о распространении методов принудительных переселений на новые социальные группы.

После войны система спецпоселений росла вширь и глубь территории Сибири и Дальнего Востока. Ярким примером этого пространственного роста может служить Иркутская область, где в конце войны (апрель 1945 г.) насчитывалось 22509 представителей различных депортированных групп, а к 1953 г. их стало в четыре раза больше – 91945 чел.³⁶

Рост «спецконтингентов» в некоторой степени обеспечивало и естественное воспроизводство уже находившихся на учете национальных групп. Так, численность немцев-спецпоселенцев в Красноярском крае за период 1944–1952-х гг. выросла с 46627 до 60175 человек³⁷. Такой прирост обеспечили не только репатрианты немецкой национальности, зачисленные на спецпоселении в данный контингент (с сентября по декабрь 1945 г. в край прибыло 4090 чел.), но и демобилизованные из трудармии и вернувшиеся к семьям немцы³⁸. По-

следнее обстоятельство способствовало подъему рождаемости в немецких семьях в конце 1940-х гг. Так, у немцев, находившихся на спецпоселении в Красноярском крае, в 1945 г. родились 160 детей, в 1946 г. – 238, в 1947 г. – 260, в 1948 г. – 606, в 1949 г. – 1452, в 1950 г. – 1588, в 1951 г. – 1813. В целом же, по мнению В.Н. Земскова, у большинства контингентов уровень рождаемости начинал превышать уровень смертности не менее чем через 5–6 лет проживания на спецпоселении³⁹.

Процесс воссоединения разрозненных спецпоселенческих семей шел в первые послевоенные годы медленно. В марте 1948 г. МВД СССР (директива № 38) решило придать ему официальный характер и ускорить, чтобы окончательно закрепить воссоединенные семьи в местах депортации. Это увеличило миграционную активность среди высланных. По сведениям УМВД КК, к сентябрю 1948 г. из края на соединение с родственниками выехали 1977 семей (5298 чел.). В то же время в край прибыли 1885 глав семей. За полгода реализации директивы МВД в Красноярском крае воссоединились 575 семей⁴⁰. Документы свидетельствуют, что процесс соединения мог бы протекать более успешно, но встретил скрытое сопротивление местных руководителей, не желавших терять прикрепленную рабочую силу. Только на Таймыре было задержано более 100 семей, получивших разрешение на выезд к родственникам. В этой непростой ситуации УМВД КК фактически заняло позицию местных руководителей, отказываясь удовлетворять многочисленные заявления о восстановлении семей – 530 из них остались неудовлетворенными, разрешения на выезд из районов Крайнего Севера впредь не выдавались. К сентябрю 1948 г. в крае оставалось 2402 разрозненные семьи⁴¹. Разбросанные по стране спецпоселенцы продолжали забрасывать МВД заявлениями о желании соединиться с семьей. В 1949 г., как пишет Л.П. Белковец, это ведомство провело «грандиозную акцию», поставив точку в деле соединения семей спецпоселенцев. В десяти эшелонах должны были проследовать по маршруту: центральные районы страны – Средняя Азия – Сибирь (как в восточном, так и в западном направлениях) – от 12 до 14 тыс. переселенцев. Еще 8284 чел. в рамках этой акции были перемещены внутри краев и областей⁴².

Таким образом, можно выделить ряд факторов, обеспечивших рост количества спецпоселенцев в Сибири к началу 1950-х гг.: 1) сохранение государственной политики принудительных переселений; 2) естественный прирост контингентов за счет появившегося после длительной адаптации превышения рождаемости над смертностью. Очевидно, что в послевоенный период произошло не только воспро-

изводство актов депортаций, но и обозначился небольшой естественный прирост внутри самой спецпоселенческой системы. В итоге к началу 1950-х гг. сформировавшийся спецпоселенческий организм стал одним из исправно действующих элементов советского общества.

Расширение масштабов спецсылки, вторичные депортации приводили к тому, что спецпоселенцы постепенно становились неотъемлемой частью местного социума, существенно разбавляли городское и особенно сельское население края.

Расселение депортированных утрачивало спонтанные формы, присутствовавшие в годы войны, и подчинялось, в первую очередь, интересам экономического развития краев и областей. Ярким примером такого подхода может служить появление спецпоселенцев в г. Красноярске в середине и второй половине 1940-х гг. На предприятиях краевого центра трудились не только советские немцы и калмыки, но и «социально неблагонадежные» «оуновцы» и «власовцы».

Местные власти были явно заинтересованы в дополнительной рабочей силе. Послевоенное развитие и дальнейшее хозяйственное освоение региона требовали новых рабочих рук. Плановое переселение не удовлетворяло имеющегося спроса, а принудительные миграции в некоторой степени позволяли решать хозяйственные задачи. По признанию начальника переселенческого отдела при Красноярском крайисполкоме А.В. Киселева, «вселение в северные районы плановых переселенцев из центральных областей СССР очень трудное, т.к. (они) в северные районы Красноярского края не желают вселяться, боятся морозов и других северных условий, тогда как эти районы нуждаются в рабочей силе». В этих условиях ценность принудительных переселений значительно возрастала. Тот же А.В. Киселев рекомендовал вселить в колхозы северных районов в 1951 г. 1500 спецпоселенческих семей⁴³.

Планы распределения будущей рабочей силы составлялись за 1,5–2 месяца до поступления спецпоселенцев на новое место жительства. В дальнейшем действовала привычная схема – подготовкой к приему переселенцев занимались представители местных исполкомов и хозяйств, куда должно было производиться вселение, контроль за ходом подготовительных работ возлагался на ОСП УМВД краев или областей.

МВД, как и ранее, оставалось главным распорядителем поступающей рабочей силы. Именно это ведомство принимало окончательное решение о размещении депортированных. В частности, в апреле 1948 г. исполком Красноярского крайсовета обратился в УМВД КК с просьбой «учитывая острый недостаток рабочей силы в совхозах

треста пригородных хозяйств, выделить 600 чел. рабочей силы из первого поступления контингента, в том числе совхозу «Кемский» – 300 чел., «им. Молокова» – 100 чел., «Полой» – 100 чел. и «Полярному» – 100 чел.». УМВД строго следило за сохранением своей монополии на рабочую силу и пресекало любые попытки районных и хозяйственных организаций самовольно производить перемещения спецпоселенцев⁴⁴.

Заинтересованность местных руководителей в дополнительных рабочих кадрах вовсе не означала их полную готовность к приему контингентов. Как и раньше, подготовленного жилья часто не хватало, и прибывших размещали по принципу «куда придется»: в клуб, в контору, в «порядке уплотнения рабочих совхоза», в необорудованные бараки, в лучшем случае – в подготовленные для плановых переселенцев дома⁴⁵.

Примечания к 1.3

¹ Полиция и милиция России: страницы истории / сост. А.В. Борисов, А.Н. Дугин. М., 1995. С. 204, 211.

² Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. С. 252–253.

³ Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940 – 1953. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина 2008. С. 223 - 224.

⁴ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 489. Л. 31.

⁵ Там же. С. 179.

⁶ Полян П.М. Не по своей воле ... (история и география принудительных миграций в СССР). О.Г.И. «Мемориал». М., 2001. С. 48.

⁷ Там же. С. 148.

⁸ Красноярский край в истории Отечества. Книга третья. 1941–1953. Хрестоматия для учащихся старших классов средних школ. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 2000. С. 301.

⁹ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 597. Л. 260. Д. 642. Л. 274 – 275; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930 – 1960 ... С. 209.

¹⁰ Там же. С. 213–219.

¹¹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 165; ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Т. 3. Д.1. Приказы начальника УМВД КК за 1948 г. Л. 33.

¹² Посчитано по: Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006. С. 139 – 140.

¹³ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР ... С. 167; ГАРФ. Ф.Р. 9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 105–109.

¹⁴ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 178.

¹⁵ ОСФИР ИЦ ГУВД КК. Сводная таблица о дислокации и расселении спецпоселенцев, ссыльных и высланных в Красноярском крае на 1.01.1952 г.

- ¹⁶ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР ... С. 203; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину ... С. 246 – 247.
- ¹⁷ ОСФИР ИЦ ГУВД КК. Сводная таблица о дислокации и расселении спецпоселенцев, ссыльных и высланных в Красноярском крае на 1.01.1952 г.
- ¹⁸ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 172.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 489. Л. 31.
- ²⁰ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 155.
- ²¹ Lietuvos Gyventoju Genocido Ir Rezistencijos Tyrimo Gentras, Lietuvos Genocido Auku Vuziejus – 1998 m.
- ²² Земсков В.Н. Спецпоселенцы ... С. 155.
- ²³ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 427. Л. 3–5, 91–97; Иосиф Сталин – Лаврентию Берии: «Их надо депортировать ...»: док., факты, коммент. ... С. 199–200.
- ²⁴ ОСФИР ИЦ ГУВД КК. Сводная таблица ...
- ²⁵ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 475. Л. 24.
- ²⁶ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 134. Л. 15–16; ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 475. Л. 86–90.
- ²⁷ ГАРФ. Ф.Р. 9479. Оп. 1. Д. 475. Л. 86–90.
- ²⁸ 1941–1952 METU LIETUVOS TREMTINIAI. Pirma Kniga. Vilnius, vidaus reikalų ministerija, 1993. S. 27, 30.
- ²⁹ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР ... С. 215; ОСФИР ИЦ ГУВД КК, Сводная таблица ...
- ³⁰ ОСФИР ИЦ ГУВД КК. Сводная таблица
- ³¹ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 597. Л. 237; ОСФИР ИЦ ГУВД КК. Сводная таблица ...
- ³² Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109.
- ³³ Динамика их численности в Красноярском крае выглядела следующим образом: на 1 января 1949 г. – 397 человек; на 1 января 1952 г. – 1995 человек; на 1 января 1953 г. – 2332 человек: Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 157, 165, 214; ОСФИР ИЦ ГУВД КК. Сводная таблица ...
- ³⁴ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 214.
- ³⁵ ОСФИР ИЦ ГУВД КК. Сводная таблица ...
- ³⁶ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР ... С. 116, 215.
- ³⁷ Красноярский край в истории Отечества ... С. 301; ОСФИР ИЦ ГУВД КК. Сводная таблица ...
- ³⁸ Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee: Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956 // Herausgegeben von Alfred Eisfeld und Victor Herdt. Köln. 1996. S. 286; Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 162.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 2; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 193.
- ⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 385. Л. 39.
- ⁴¹ Там же. Л. 36.
- ⁴² Белковец Л.П. Административно-правовое положение немцев ... С. 293, 295.
- ⁴³ ГАКК. Ф. Р. 2137. Оп. 1. Д. 249. Л. 2.
- ⁴⁴ Там же. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 111. Л. 194; Ф. Р. 1856. Оп. 2. Д. 27. Л. 23.
- ⁴⁵ Там же. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 134. Л. 15–16.

3.2. Изменение «правового» положения спецпоселенцев

Система спецпоселений, получив свое юридическое оформление в начале 1945 г., просуществовала в СССР до 1959 г. За это время она «пережила» период своего наивысшего расцвета (до марта 1953 г.), характеризовавшийся дальнейшим совершенствованием карательного законодательства и ростом штатов ОСП, и период угасания (1953–1959 гг.), когда численность контингентов сокращалась и происходил демонтаж системы. Изменения в функционировании спецпоселений были частью происходивших в советском обществе процессов и соответствовали реалиям существовавшего политического режима.

Как всякая система, исследуемый нами спецпоселенческий вариант прошел все стадии функционирования: 1) относительного хаоса (первая половина 1940-х гг.) в связи с появлением этнической ссылки; 2) по мере усложнения (распространения ее в пространстве, времени; увеличения многообразия объектов надзора) усиливались элементы самоорганизации системы (вторая половина 1940 – нач. 1950-х гг.), выразившиеся, например, в оформлении статуса выселенных социальных групп, их унификации; 3) достигнув достаточно высокой степени организации – превратившись в отдельный организм, действующий в системе НКВД- МВД СССР, система под воздействием внешних воздействий (эволюции советского общества) утратила свое предназначение. Система спецпоселений сама являлась одним из элементов более сложного системного образования – советское тоталитарное государство. Их взаимосвязь стала определяющей для развития спецпоселенческой системы и людей, находящихся под ее контролем.

После войны спецпереселенцами именовались почти все группы депортированных, что внешне уравнивало состоявшие на учете контингенты. Режим содержания для всех групп определялся Постановлением СНК СССР от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев».

В дальнейшем произошло разделение всех депортированных на «выселенцев» и «спецпоселенцев». Юридическую основу такому разделению создали Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. и последующие инструкции МВД СССР, где разъяснялось, что «выселенцы» – это те (в основном национальные) контингенты, кто оставался на спецпоселении навечно и карался за самовольный побег 20 годами каторжных работ; «спецпоселенцами» именовались «оуновцы», «власовцы», члены семей главарей активных

бандитов из Литовской ССР, «указники». Предполагалось, что спецпоселенцы были депортированы за Урал на определенные сроки. За бегство из мест расселения они могли получить до 5 лет лагерей¹. Такое разграничение спецпереселенцев имело, на наш взгляд, определенную логику и еще раз доказывало, что государство проводило между контингентами некоторые различия.

Впоследствии группа выселенцев активно пополнялась новыми контингентами. Например, депортированные в 1949 г. из Прибалтики были отнесены к этой категории переселенцев. В целом к началу 1950-х гг. «выселенцы» преобладали в общей массе депортированных.

«Высланными навечно» в одночасье могли стать и спецпоселенцы. Так, по мере приближения срока освобождения «оуновцев» правительство внесло коррективы в существовавшее правовое положение последних. Согласно Постановлению Совета Министров СССР от 6 апреля 1950 г., сроки высылки спецпоселенцам «оуновцам» и членам их семей отменялись, и они объявлялись переселенными навечно².

Постоянное расширение категории «выселенцев» отвечало задачам созданной государством системы – закрепить в северных и восточных районах страны максимальное количество депортированных.

В конце 1940 – начале 1950-х гг. в ведомственных документах МВД произошла терминологическая унификация, и, как отмечает В.Н. Земсков, всех лиц, находившихся на спецпоселении, стали называть «спецпоселенцами»³. Соответственно термины «спецпоселенец» и «выселенец» в делопроизводстве часто использовались как родственные (и даже писались через дефис).

Как уже отмечалось, МВД в послевоенный период сохранило за собой эксклюзивное право на распоряжение депортированными людьми. ОСП по-прежнему «курировало» все сферы жизни спецпоселенцев – от вопросов трудоустройства до общественных настроений и семейного положения депортированных. Особое внимание в деятельности отдела уделялось усилению административного надзора за вынужденными переселенцами.

Прерогатива надзорным функциям отдавалась потому, что бегство представителей различных депортированных групп из мест расселения никогда не прекращалось, а после войны даже усилилось. Рост «побеговой» активности спецпереселенцев объяснялся не только плохими условиями жизни на спецпоселении, но и «кризисом ожиданий» многих депортированных немцев и калмыков, рассчитывавших на возвращение к родным очагам по окончании войны.

МВД искало действенные средства предотвращения побегов. Уже в конце войны оно пыталось для этих целей использовать местное население, привлекая его в группы содействия по борьбе с побегами. Судя по документам, создаваемые отряды должны были своевременно информировать комендантов о готовящемся побеге и даже участвовать в задержании сбежавших. Указанные мероприятия охватывали достаточно большое количество людей. Так, для контроля за выселенцами из Прибалтики (1949 г.) в Красноярском крае были созданы 154 группы содействия во всех 36 районах, где были расселены депортированные⁴.

Система надзора за «спецконтингентами» совершенствовалась в последующие годы. Переселенцы были организованы в «десятидворки». В каждой из них назначался старший. Он нес персональную ответственность за возможный побег своих товарищей. В 1952 г. в Красноярском крае насчитывалось 8287 руководителей «десятидворок», которые отвечали за сохранность 141303 взрослых спецпоселенцев. Таким образом, на одного старшего приходилось 17 человек поднадзорных⁵. Но, несмотря на принимаемые меры, бегство из мест поселения продолжалось.

Большинство побегов в послевоенные годы осуществляли «новые» переселенцы. Они сбегали чаще и организованнее. Достаточно убедительные примеры, иллюстрирующие «побеговую» ситуацию, сохранились в архивных документах Красноярского УМВД. Так, при проверке Рыбинского РО МВД в мае 1948 г. выяснилось, что в этом районе 165 спецпоселенцев-«власовцев» в разное время совершили побег, причем 125 из них не найдены. В апреле того же года, по прибытии в Красноярск, из обсервационного пункта сбежали 144 «оуновца», третья часть которых так и не была задержана⁶. Ситуация с побегами в крае в общем совпадала с общесоюзной. По данным В.Н. Земскова, наибольший удельный вес находившихся в бегах спецпоселенцев по отношению к общей численности данного контингента был у «оуновцев» (4,39%), «фольксдойче» (2,63%) и «власовцев» (2,07%). У других переселенческих групп этот показатель был ниже⁷. Поэтому в документах отдела спецпоселений «оуновцы» и «власовцы» назывались «наиболее склонными к побегу» контингентами.

Проблема закрепления депортированных приобрела такую остроту, что в директивах УМВД второй половины 1940-х гг. борьба с побегами спецпоселенцев выглядела едва ли не главной задачей для

сотрудников спецкомендатур. Изменить данную ситуацию могло лишь ужесточение наказаний за побег и увеличение числа надзирающих за переселенцами.

Следуя подобной логике, руководство МВД ввело новые штатные единицы в состав ОСП. В июне 1948 г. на краевом уровне был создан оперативно-розыскной отдел. В районных отделах внутренних дел появились специальные оперативно-розыскные отряды. Известно, что такие отряды действовали на крупных железнодорожных станциях – Боготол, Ачинск, Красноярск, Канск. В их состав входили не только оперативные работники, но и стрелки⁸.

В декабре 1948 г. в штатах спецкомендатур появились надзиратели, основной задачей которых являлось недопущение побегов спецпоселенцев и ежедневный надзор за их проживанием по месту поселений⁹. Введение должности надзирателей усилило периферийные организации. Вследствие проводимых нововведений количество сотрудников отдела спецпоселений в конце 1940-х гг. быстро увеличивалось.

Таблица 7 – Динамика роста штатов ОСП УМВД Красноярского края (вторая половина 1940 – середина 1950-х гг.)*

Год	Общее кол-во сотрудников	В том числе				
		штат ОСП при УМВД	аппараты спецпосел. ГО и РО МВД**	коменданты	помощники комендантов	надзиратели
Июль 1948 г.	265	40	36	134	55	-
Декабрь 1948 г.	353	-	67	143	143	Нет сведений
Февраль 1949 г.	515	54	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений	Нет сведений
Май 1949 г.	653	39	100	175	148	191
Сентябрь 1954 г.	441	-	39	143	116	143

*Составлено по: ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Д. 1. Т. 3. Приказы УМВД за 1948 г. С. 57, 90, 103 – 108; Д. 1. Т. 2. Приказы УМВД за 1949 г. С. 37 – 49, 120 – 135; Д. 6. Т. 4. Приказы начальника УМВД за 1954 г. С. 189 – 225.

**Аппарат включал заместителей начальников районных или городских отделов МВД, оперуполномоченных и их помощников.

Приведенные в таблице 7 данные показывают, что всего за один год численность сотрудников отдела выросла в 2,5 раза. Количественный рост пережили все структуры, но особенно быстро увеличивались низовые штатные единицы – коменданты и их помощники. В целом к концу 1940-х гг. существенно расширившийся аппарат ОСП был способен осуществлять более действенный, чем раньше, надзор над «спецконтингентами» и прикреплять их к местам расселения. В результате усиления подразделений отдела спецпоселений и объявления Указа от 26 ноября 1948 г. резко снизилось количество побегов. В 1949 г. из мест поселения в СССР бежало в 4 раза меньше человек, чем в 1948 г.¹⁰

На сокращение количества побегов работала разветвленная агентурная сеть, созданная сотрудниками комендатур среди самих переселенцев. В Новосибирской области в мае 1948 г. она состояла из 156 резидентов, 50 агентов и 1659 осведомителей. В Красноярском крае на 1 января 1953 г. имелось 3629 агентов и резидентов. В результате их сотрудничества с отделами спецпоселений в 1952 г. было предупреждено 8 побегов, выявлено 58 человек, склонных к побегу, и 27 нарушителей режима¹¹. Хуже всего вербовка агентов шла среди переселенцев из Прибалтики, значительная часть которых выражала резко враждебное отношение к советской власти и осуждала сотрудничество с карательными органами. Для осуществления негласного надзора за ними использовалась агентура из других «спецконтингентов»¹².

В конце 1940-х гг. ОСП переживал не только бурный количественный рост, но и претерпел существенную организационную трансформацию. Так, в 1948 г. в составе Красноярского ОСП было 4 отделения. Каждое отвечало за определенное направление работы с депортированными контингентами: первое – за организацию режима, борьбу с побегами, учет розыска бежавших; второе – за организацию спецпоселений и хозяйственное трудоустройство; третье – за персональный учет спецпереселенцев; четвертое – за разбор жалоб и заявлений. С 1949 г. деятельность отдела спецпоселений осуществлялась не столько по функциональному, сколько по территориальному принципу. Теперь три из четырех отделений руководили работой комендатур южной, северной и центральной групп районов края. Профильным осталось лишь одно отделение – учетно-информационное¹³.

Таким образом, рубеж 1948–1949-х гг. стал для ОСП переломным. Трансформация отдела отразила численный рост переселенцев

во всех районах края. Переход на территориальный принцип работы означал завершение определенного этапа деятельности системы спецпоселений и дальнейшую универсализацию работы ее подразделений.

Все изменения деятельности ОСП были отражены в директивах МВД СССР. Большую роль в упорядочении деятельности отдела сыграл Приказ министра внутренних дел «О задачах органов МВД по работе среди спецпоселенцев» от 8 марта 1948 г. Согласно указанному документу, периферийные органы спецпоселений должны были в кратчайшие сроки провести точный персональный учет всех переселенцев, отражая все изменения в их семейном положении и движении. Приказ разграничивал сферы деятельности МГБ и МВД в отношении спецпереселенцев. Органы госбезопасности отвечали за выявление среди контингентов антисоветских элементов, шпионов и диверсантов, а МВД ведало вопросами учета, хозяйственного устройства и поддержания режима спецпоселений¹⁴.

Вскоре это разграничение было ликвидировано, поскольку 21 июля 1950 г. Приказом МВД и МГБ СССР Отдел спецпоселений полностью передавался в ведение органов госбезопасности и продолжал там свое существование в качестве 9-го Управления. После этого система спецпоселения пережила еще две административные реорганизации. В апреле 1953 г. после объединения МВД и МГБ в составе общей структуры внутренних дел был образован отдел «П», а в 1954 г. вместо него появился 4-й Спецотдел МВД СССР. Последнее обозначение и ведомственная принадлежность структуры спецпоселений просуществовали до ее официальной ликвидации в марте 1959 г.

В период существования 4-го Спецотдела численность его сотрудников и комендатур постоянно сокращалась (табл.8). В июле 1956 г. в штатах 4-го Спецотдела УМВД КК находилось 123 сотрудника; в январе 1957 г. – 106 чел.¹⁵ В конце 1958 г. началась подготовительная работа по ликвидации Спецотдела, что означало прекращение его существования как самостоятельной структуры в рамках МВД СССР. Оставшиеся спецкомендатуры, их штат и учетные данные передавались в ведение районных и городских отделов внутренних дел. При этом комендатуры сохранили свои основные функции по надзору, хозяйственному устройству и учету спецпоселенцев.

Таблица 8 – Динамика численности спецкомендатур и спецпоселенцев в Красноярском крае (конец 1940-х – 1950-е гг.)*

Год	Численность	
	спецкомендатур	Спецпоселенцев
Январь 1949 г.	151	108070
Январь 1952 г.	192	174134
Май 1954 г.	143	Нет сведений
Январь 1957 г.	50	43789

*Составлено по: ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Приказы УМВД КК за 1949 г. Д. 1. Т. 2. С. 50 – 55; Земсков В.Н. Спецпоселенцы ... С. 164 – 165; ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Сводная таблица о дислокации расселения спецпоселенцев, ссыльных и высланных в Красноярском крае на 1 января 1952 г.; Ф. 6. Д. 6. Т. 3. Приказы начальника УМВД КК за 1954 г. С. 242 – 247; Д. 22. Т. 1. Приказ начальника УМВД КК за 1957 г. С. 127 – 134; ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 148.

Очевидно, что система спецпоселений достигла наибольшего расцвета к началу 1950-х гг. Но и при смягчении режима после смерти Сталина она сохраняла свое основное предназначение – обеспечить надзор и закрепить депортированных в местах принудительного поселения.

Ослабление режима для спецпоселенцев шло постепенно. Важными вехами в этом процессе стали правительственные постановления и приказы МВД СССР 1954–1955-х гг. Так, в Постановлении Совета Министров СССР от 5 июля 1954 г. «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпоселенцев» расширялось право свободного перемещения спецпоселенцев до границ края или области, административные меры наказания за нарушения режима отменялись, ежемесячная явка на регистрацию в органы МВД заменялась на ежегодную. Согласно Постановлению Совета Министров от 10 марта 1955 г., спецпоселенцам разрешалось выдавать паспорта. 9 мая 1955 г. Президиум ЦК КПСС принял Постановление «О снятии ограничений по спецпоселению с членов КПСС, кандидатов КПСС и членов их семей». По Постановлению Совета Министров СССР от 24 ноября 1955 г. от спецпоселения освобождались: участники Великой Отечественной войны и лица, награжденные орденами, медалями СССР; члены семей погибших на фронте; преподаватели высших учебных заведений; женщины, вступившие в брак с местными жителями, а также разведенные женщины русской, украинской и других национальностей, которые ранее были выселены со своими мужьями¹⁶.

Работникам спецкомендатур приходилось вести большую разъяснительную работу среди спецпоселенцев, которые стали «забрасывать» своих «попечителей» просьбами о скорейшем освобождении. В МВД СССР в 1952 г. поступило 70717 различных жалоб и заявлений, в 1953 г. – 115793, за 5 месяцев 1954 г. – 64548¹⁷. По существующим порядкам, в принятии решений об освобождении от спецкоменданта мало что зависело. Зачастую он положительно характеризовал спецпоселенца, но окончательное решение вопроса оставалось за начальником местного РО МВД. Просителям часто отказывали.

Такие ситуации приводили к снижению авторитета спецкомендантов, которые в 1940-х гг., при жесткой системе контроля за переселенцами, представлялись всесильными. Теперь спецпоселенцы могли оценить реальные масштабы их власти: осуществляя надзор за депортированными, коменданты были лишены права самостоятельно принимать решение о любых их перемещениях (на новое место жительства, на учебу, на воссоединение семей).

Начало освобождения от спецпоселения привело к смещению приоритетов в деятельности 4-го Спецотдела. Органы МВД ослабляли контроль за спецпоселенцами, но о возвращении их на историческую родину вопрос не ставился. В изменившихся условиях УМВД обратило особое внимание на хозяйственное обустройство депортированных семей. Сотрудники 4-го Спецотдела часто устраивали проверки на предприятиях, в колхозах и совхозах, где были размещены спецпоселенцы, постоянно указывали руководителям на необходимость создания нормальных жилищно-бытовых условий для своих подопечных. В директивах УМВД особо подчеркивалось, что спецпоселенцы являются полноправными гражданами СССР и «некоторые ограничения в передвижении» не должны отражаться на их трудоустройстве и дальнейшей деятельности¹⁸.

Руководство МВД считало, что чем больше местные руководители будут уделять внимания переселенцам, тем больше шансов оставить людей на их прежнем месте работы после освобождения. На некоторых предприятиях даже произвели подсчет спецпоселенцев, входивших в разряд новаторов, передовиков, премированных за трудовые успехи, выдвинутых на руководящие должности. Рекомендовалось их достижения больше популяризировать в трудовых коллективах, количество таких тружеников увеличивать¹⁹. В результате

условно существовавшее деление граждан на спецпоселенцев и не-спецпоселенцев стало постепенно исчезать.

Изменение отношения центральной власти к переселенцам не всегда находило должный отклик на местах. Здесь продолжали существовать стереотипы, сформированные за время существования системы спецпоселений, когда вынужденных переселенцев воспринимали как привнесенный в местное общество маргинальный элемент, не вызывающий особого доверия. Так, в постановлении Канского горкома КПСС (август 1955 г.) отмечалось: «Есть случаи, когда руководители запугивают спецпоселенцев комендатурой. Трудоустраиваются (спецпоселенцы) зачастую без учета их деловых качеств и ранее приобретенной специальности. При переводе с одного места работы на другое не всегда считаются с их желанием. К общественной жизни спецпоселенцы привлекаются недостаточно»²⁰. Прежние подходы в отношении поднадзорного контингента сохраняли некоторые работники комендатур. В справке отдела «П» МВД СССР (июнь 1954 г.) отмечалось, что отдельные сотрудники МВД создали излишне строгий режим – установили частые регистрации в комендатурах, строили излишние препятствия к выездам в командировки, на лечение, учебу и т.д.²¹ Таким образом, в середине 1950-х гг. разрыв между декларируемым и реальным положением спецпоселенцев в местах расселения все еще сохранялся. Пристальное же внимание государственных структур к соблюдению прав контингентов в середине 1950-х гг. должно было возратить положительный имидж власти, заботящейся о своих гражданах. Однако ожидаемых результатов эти усилия не принесли.

Массовое освобождение национальных контингентов началось с «ветеранов» спецпоселенческой системы – немцев и калмыков. Считалось, что они лучше всех обосновались в местах выселения и полностью включились в производственную деятельность – значит, и шансов «осесть» у этих семей было гораздо больше, чем у остальных. В ходе проведения проверочно-разъяснительных кампаний органы МВД выяснили, что желание вернуться в родные места у большинства спецпоселенцев сохранилось²². Никакие поощрительные меры не могли задержать людей в местах депортации. Более того, в сознании переселенцев освобождение прочно увязывалось с возможностью семей вернуться домой.

Было очевидно, что освобождение органы власти и сами депортированные представляли по-разному. Их позиции совпадали лишь по вопросу о необходимости ликвидации учета и контроля со стороны правоохранительных органов. В дальнейшем власть видела бывших спецпоселенцев полноправными гражданами СССР, «добровольно» остававшимися на постоянное жительство в регионах Сибири и Средней Азии. Переселенцы же рассчитывали вернуться домой и получить компенсацию за ущерб, нанесенный им во время проведения акций по депортации.

Ликвидация спецпоселенческого режима в середине 1950-х гг. для немцев, калмыков и других народов проходила по плану советского руководства. Это означало, что восстановления прежнего статуса полноправных граждан СССР для спецпоселенцев не произойдет. Постановления Совета Министров СССР об освобождении «наказанных народов» 1955–1956-х гг. сохраняли частичное ограничение прав депортированных – им не разрешалось возвращаться в места выселения, так же как и не удовлетворялись их претензии на возмещение конфискованного в ходе переселения имущества. Такие условия освобождения В.Н. Земсков определил как замену режима спецпоселения административной высылкой²³. В результате процесс реального освобождения и возвращения полного объема их прав растянулся на несколько лет, а для ряда бывших депортированных народов не закончился до настоящего времени. Проведя анализ государственных решений о реабилитации, П.М. Полян выделил группы народов, дифференцированных властью после освобождения: карачаевцы и балкарцы – их реабилитация была удовлетворительной, чеченцы, ингуши, калмыки – реабилитированы в гражданско-правовом и административно-государственном отношениях, но не в территориальном, немцы, крымские татары, турки-месхетинцы – получили лишь гражданско-правовую реабилитацию²⁴.

При ликвидации системы спецпоселений государство четко выдерживало принцип дифференциации. Первыми со спецучета в 1953 г. снимались бывшие кулаки, высланные в 1929–1933-х гг. из районов сплошной коллективизации, и местные немцы. Следующая волна освобождений коснулась спецпоселенцев-коммунистов. Затем круг лиц, подлежащих освобождению, стал резко расширяться – участники войны и орденоносцы, инвалиды, преподаватели учебных заведений, женщины, вступившие в брак с местными жителями. К июлю 1954 г. в СССР от спецпоселения было освобождено 467827 чел., в т.ч. 27504 чел. в Красноярском крае²⁵. Отметим, что еще в

1953 г. перестала существовать категория «высланные», поскольку все учтенные по этой категории были освобождены по Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии»²⁶. Но массовое освобождение депортированных от спецпоселения наступило только в конце 1955–1956 гг.

Несмотря на начавшееся освобождение, во второй половине 1950-х гг. на спецпоселении в Красноярском крае все еще оставалось значительное количество людей (см. табл. 11 приложения). В основном это были вынужденные переселенцы из Прибалтики и Украины. Советское правительство не спешило возвращать им полноправный статус граждан из-за их идеологической неблагонадежности. Заметим, что и здесь у власти были свои приоритеты: «раскулаченные» крестьяне получали освобождение раньше, чем националисты. До конца 1950-х гг. основная масса спецпоселенцев была сконцентрирована в Сибири. По данным на 1 января 1958 г., из 147741 спецпоселенца свыше 100760 чел. (68,2%) состояли на учете в УМВД сибирских краев и областей. Наиболее крупные контингенты оставались в Иркутской области (29861 чел.) и Красноярском крае (25595 чел.)²⁷. В основном это были семьи украинских, литовских, латвийских, эстонских националистов. Однако процесс их освобождения также ускорился во второй половине 1950-х гг.

Юридическим основанием для освобождения служили решения Президиума Верховного Совета СССР и Советов Министров тех республик, откуда проводилось выселение, определение судов, заключение УВД. Полное освобождение указанных контингентов произошло уже в начале 1960-х гг., через несколько лет после ликвидации самого отдела спецпоселений.

При освобождении права бывших спецпоселенцев из Прибалтики и Западной Украины также не были полностью восстановлены. Они не могли требовать возвращения конфискованного имущества, а вопрос о выезде на родину решали республиканские органы власти.

Таким образом, на протяжении всех лет существования системы спецпоселений ее подопечные не были полноправными гражданами СССР. Не обрели они этой возможности и после освобождения. Система эволюционировала вместе с происходившими в стране политическими процессами – ужесточением режима во второй половине 1940-х гг. и его постепенным ослаблением с середины 1950-х гг. В Сибирском регионе численность вынужденных переселенцев быстро росла в послевоенный период и оставалась внушительной даже на этапе отмирания спецпоселенчества.

Примечания к 2.3

- ¹ История российских немцев в документах (1763 – 1992 гг.) // сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. Т. 1. М., 1993. С. 176; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 160.
- ² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР ... С. 168.
- ³ Там же. С. 161.
- ⁴ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 233.
- ⁵ Там же. Оп. 1. Д. 836. Л. 167–173.
- ⁶ ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Приказы УМВД КК за 1948 г. Д. 1. Т. 1. Л. 25–26; Д. 1. Т. 3. Л. 33.
- ⁷ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 190.
- ⁸ ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Приказы УМВД КК за 1948 г. Д. 1. Т. 3. Л. 43–44, 47–48.
- ⁹ Там же. С. 100.
- ¹⁰ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР ... С. 190.
- ¹¹ Белковец Л.П. Административно-правовое положение ... С. 301; ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 836. Л. 167–173.
- ¹² ГАРФ. Ф.Р. 9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 234.
- ¹³ ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Приказы начальника УМВД за 1948 г. Д.1. Т. 3. Л. 10–13; Л. 57; Д. 2. Т. 1. Приказы УМВД за 1949 г. Л. 120–121.
- ¹⁴ Шадт А.А. Этническая ссылка в Сибирь как инструмент советской национальной политики (1940 – 1950-е гг.) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 236; Его же. Правовой статус российских немцев в СССР (1940–1950-е гг.) // Немцы России и СССР (1900 – 1941 гг.): мат-лы междунар. науч. конф. М.: Готика, 2000. С. 302.
- ¹⁵ ОСФИР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Приказы УМВД за 1956 г. Т. 1. Л. 273–281; Приказы начальника УМВД КК за 1957 г. Т. 1. Д. 22. Л. 127–134. Приказы начальника УМВД Красноярского крайисполкома за 1958 г. Д. 29. Т. 4. Л. 100.
- ¹⁶ Полян П.М. Не по своей воле ... С. 264; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: в 2 ч. Ч.1. Курск ... С. 404–406; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 237.
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 836. Л. 160.
- ¹⁸ ГАКК. Ф. П. 26. Оп. 29. Д. 4. Л. 12.
- ¹⁹ Там же. Л. 16.
- ²⁰ Там же. Л. 13.
- ²¹ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 836. Л. 158.
- ²² Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 244.
- ²³ История российских немцев ... Т. 1. ... С. 177; Сборник законодательных и нормативных актов ... Ч. 1. С. 187; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 278.
- ²⁴ Полян П.М. Не по своей воле ... С. 158 – 159.
- ²⁵ ГАРФ. Ф.Р. 9479. Оп. 1. Д. 836 Л. 281.
- ²⁶ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР... С. 228.
- ²⁷ Там же. С. 262 – 264.

3.3. Особенности трудового использования

Принципы трудового использования депортированных в послевоенный период не претерпели существенных изменений. Как и в военные годы, МВД распределяло поступившую рабочую силу, переселенцы подвергались новым принудительным миграциям, прежние трудовые навыки людей редко учитывались. Трудоустройству спецпоселенцев стало уделяться больше внимания лишь в середине 1950-х гг., когда проявилась заинтересованность центральной и местной власти в закреплении депортированных семей в регионах расселения.

В Красноярском крае трудоустройство переселенцев соответствовало запросам ведущих отраслей экономики края – горнодобывающей, лесной, деревообрабатывающей. Эти отрасли, как и послевоенная экономика края в целом, имели высокие темпы роста. Так, в 1945 г. промышленные предприятия края выпустили продукции на 74,8 % больше, чем в 1940 г., а в 1950 г. – на 49,3% больше, чем в 1945 г.¹ Производственный потенциал города Красноярска так же резко вырос за годы войны, правый берег Енисея стал промышленным районом с населением более 100 000 человек и протянулся на 23 километра. Поэтому в 1952 г. большая часть спецпоселенцев жила и работала на правобережье, где находились три из четырех имевшихся в городе спецкомендатур².

На предприятия города поступали «старые» (военные), но в большей степени «новые» (послевоенные) контингенты. Например, в Красноярском ДОКе вместе с вольнонаемными работали калмыки и военнопленные японцы, на кирпичном заводе – немцы, калмыки, переселенцы из Прибалтики. К 1952 г. на учете в спецкомендатурах города состояли 4433 человека, в основном немцы и калмыки. «Оуновцев» и «власовцев» было меньше, но и их представительство было значительными – 563 и 582 человек соответственно³. Таким образом, прибывшие в край спецпоселенцы смягчали по-прежнему острую для местных предприятий проблему нехватки рабочих рук.

Архивные документы сохранили сведения об условиях труда на предприятиях города: труд в основном был ручным, уровень техники безопасности низким, а травматизм на производстве – высоким. Например, в документах Красноярского ДОКа производственный травматизм называется в числе ведущих причин невыполнения установленных планом заданий⁴.

Техническое оснащение предприятий даже в 1950-х гг. шло медленно. Весьма показательным в этом отношении выглядит высказывание начальника биржи пиломатериалов: «Труд наших рабочих очень тяжелый и зачастую непосильный. Например, 8 человек откатчиков катают вагонетки с пиломатериалом на 600 метров. Это похоже на «бурлаков на Волге». Вот такая у нас техника в лесоцехе №1»⁵.

Несмотря на тяжелые условия труда, многие спецпереселенцы в конце 1940-х гг. успешно освоили производство и были включены в число передовиков наряду с рабочими-красноярцами. Как правило, спецпереселенцы входили в состав смешанных бригад, образуя многонациональные коллективы. В списках стахановцев Красноярского кирпичного завода №1 за декабрь 1949 г. около половины ударников (свыше 40 чел.) составляли немцы и калмыки. Указывалось, что часть из них свои пятилетние планы выполнила за 3,5 года⁶.

Данные об оплате труда немцев, калмыков и русских, входивших в указанные бригады отличного качества, свидетельствуют, что дискриминации в зарплате не существовало. Например, труд лебедчика Карданова Мухамеда Кербечевича, выполнявшего нормы на 120%, оплачивался в два раза выше, чем работа лебедчика Томашевского Василия Григорьевича, перевыполнявшего план на 5–7 %⁷. Вероятно, такие примеры не исключали случаев, когда трудовые заслуги не отмечались. Однако они весьма показательны и отражают, с одной стороны, активное включение депортированных в трудовой процесс и постепенное признание их трудовых отличий – с другой.

Некоторые спецпоселенцы в конце 1940-х гг. были отмечены медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Но получили такую награду не все, кто ее заслужил. Многие труженики оказались обойденными, поскольку их национальная принадлежность (например, немец) часто закрывала доступ к получению правительственной награды⁸.

В середине 1950-х гг. о трудовых успехах спецпоселенцев стали говорить открыто и даже популяризировать их. В своих отчетах партийные организации с оптимизмом отмечали, что многие спецпоселенцы «к своей работе относятся честно, добросовестно, имеют высокие показатели производительности труда». Большинство из них стали высококвалифицированными рабочими, владели двумя и более специальностями. В Канском СибСМУ рабочие Шмидт, Генке, Сайбель, Прейс были активными участниками движения рационализато-

ров и изобретателей. «Т. Шмидт в 1955 г. внес предложение по реконструкции пропарочных камер цеха сборочного железобетона, который дал экономический эффект 5400 руб., за что получил премию в 300 руб.»⁹. Приводимые в документах факты должны были показать трудовые заслуги спецпоселенцев и стать свидетельством большой политико-воспитательной работы партийных и советских органов, результатом которой стала успешная адаптация депортированных людей.

В целом трудовые будни спецпереселенцев, как и у всей страны в первое послевоенное десятилетие, оставались напряженными.

Переход к планированию в условиях мирного времени не исключил существовавших ранее просчетов в размещении и трудоустройстве поступавших переселенцев. Они распределялись между хозяйственными организациями по заранее составленным УМВД заявкам. Преимущество в дележке еще не поступивших контингентов имели лесопромышленные тресты и предприятия добывающих отраслей. Они не скрывали своих надежд, что поступление новых людей значительно облегчит выполнение производственных планов. Потому совершенно типичной можно считать, например, заявку треста «Краслес», в которой управляющий Н.А. Кличенко просил направить ему «еще 500 семей из числа спецпоселенцев, которые должны были прибыть во 2-м квартале 1949 г. в Красноярский край». Подчеркивалось, что новый контингент «по своему физическому состоянию должен быть пригоден для работы на лесозаготовках»¹⁰. В действительности поступавшее в лесную отрасль края пополнение не соответствовало запросам руководителей трестов. Большую часть вынужденных переселенцев по-прежнему составляли женщины и дети. Так, в составе контингента «оуновцев», прибывших в апреле 1950 г. в распоряжение треста «Красхимлес», было 327 женщин, 246 детей и 216 мужчин¹¹.

Депортированные после войны семьи были трудоустроены на золотодобывающих предприятиях края. В районах их размещения в 1949 г. находилось 6666 спецпоселенцев, в т.ч. 1876 немцев, 2881 «власовец», 53 «оуновца», 670 калмыков, 1186 «указников»¹².

Постоянное привлечение дополнительной рабочей силы соответствовало экстенсивным принципам ведения социалистического производства. При этом задача рационального использования переселенцев для местных руководителей оказалась трудноразрешимой. Так, в подразделениях треста «Красдрев» из 4582 трудоспособных

литовцев, прибывших на предприятия в 1948 г., около 900 человек (20%) не были привлечены к работе и, следовательно, не имели средств к существованию. Более 200 спецпоселенцев в Богучанском ЛПХ вынуждены были ходить на работу за 20 км, поскольку на месте расселения для них работы не было¹³. В результате плохой организации на ряде предприятий лесной и добывающей отраслей производительность труда спецпоселенцев была очень низкая, большинство из них норм выработки не выполняло. Следовательно, и заработки переселенцев были очень маленькие.

На протяжении 1940-х гг. принимающие организации не изменили своего потребительского отношения к спецпоселенцам – с одной стороны, их руководство было крайне заинтересовано в привлечении дополнительной рабочей силы, с другой – условия их труда и его оплата не беспокоили руководителей. Основываясь на отчетных документах трестов «Краслес» и «Красдрев», можно утверждать, что в конце 1940 – начале 1950-х гг. сохранялась практика задолженностей по заработной плате и административных нарушений при ее выдаче: «в отдельных леспромхозах выплата зарплаты рабочим спецпереселенцам производится крайне нерегулярно, допускается большая задолженность, производится выдача денег небольшими авансами». В Богучанском леспромхозе дирекция самовольно лишила спецпоселенцев кадровой надбавки к основной зарплате, причитающейся им согласно КЗОТу¹⁴. Переселенцам, как и местным рабочим, должны были выдавать расчетные книжки, но в действительности это происходило редко.

В архивных документах зафиксированы и другие случаи нарушения трудового законодательства. Например, по решению руководства лесопромышленного треста рабочих-спецпоселенцев могли лишить законных выходных или не выплатить положенную премию и т.д. В итоге начальник УМВД КК В.И. Воловенко назвал ситуацию с отсутствием нормальных условий труда и быта спецпоселенцев «угрожающей» и «тяжелой», требующей постоянного контроля со стороны краевых властей¹⁵. Однако многочисленные постановления об улучшении положения спецпоселенцев, в том числе и условий их труда, имели незначительный эффект.

Поведение нарушителей шло в разрез с позицией Министерства лесной и бумажной промышленности и центральной власти в целом, которая считала, что местные руководители должны создать все условия, чтобы «закрепить рабочих-спецпоселенцев в качестве посто-

янного кадра». Зная о постоянных нарушениях изданных распоряжений, центр щедро раздавал выговоры местным функционерам, ставил на вид нерадивых исполнителей, но эти меры не предотвращали повторных нарушений. Во избежание наказаний некоторые местные руководители сознательно скрывали реальное положение и предоставляли информацию, не отражающую действительность, или обвиняли во всех недочетах самих депортированных¹⁶.

Отношение к спецпоселенцам менялось медленно. Даже после нескольких лет работы лишь немногие из них могли рассчитывать на продвижение по службе. Выдвижение переселенцев на низовые руководящие должности расценивалось как большой проступок, который следовало быстро исправить. Например, управляющий лесопромышленного треста «Красдрев» в одном из своих приказов в 1950 г. называл такие случаи «ненормальностями» и обязывал всех директоров предприятий, где работают переселенцы «обратить особое внимание на вопросы подборки руководящих кадров из состава кадровых и проверенных рабочих, ИТР и служащих»¹⁷. Лишь в середине 1950-х гг., с началом процесса реабилитации, в русле новой идеологической кампании по закреплению на местах бывших спецпоселенцев, их представители получили реальные возможности карьерного роста.

Несмотря на все проблемы трудоустройства, прибывшие в 1940-е гг. спецпоселенцы существенно пополнили трудовой потенциал региона. Так, в 1949 г., по данным переучета МВД, в Красноярском крае среди 126765 спецпоселенцев насчитывалось 82573 (65,1%) трудоспособных, включая 5586 подростков до 16 лет¹⁸. Применительно к «спецконтингентам» их занятость в экономике края выглядела следующим образом. В калмыцком контингенте (15941 чел.) трудоспособных было большинство – 9748 чел. (61,1%), в т.ч. рабочих – 6389 чел. (65,5%), колхозников – 878 чел. (9%), служащих – 433 чел. (4,4%), прочих – 2048 чел. (21%)¹⁹.

Рабочие специальности осваивали большинство «власовцев» и «оуновцев». В составе первого контингента к рабочим были отнесены 5786 (99,7%) чел. (из 5803 человек общей численности), во втором – рабочими значились 2316 (53,1%) чел. из 4354 прошедших переучет²⁰.

Трудовые мобилизации в годы войны существенно сократили количество трудоспособных немцев. Значительный перекоп в пользу нетрудоспособных спецпоселенцев не был преодолен и к концу 1940-х гг.

В составе этноса преобладали женщины и дети (78,1%). Соответственно и трудоспособная часть высланной немецкой группы была невелика – только треть (34,4%) от всех прошедших переучет (57280 чел.). Среди немцев рабочих оказалось меньше, чем в других контингентах, – всего 1518 чел. (7,6%). Большинство трудоспособных немцев являлись колхозниками – 12504 чел. (63,3%) и служащими – 1911 чел. (9,6%), в графе «прочие занятия» значилось 3773 чел. (19,1%)²¹. Таким образом, большая часть депортированных по-прежнему была трудоустроена в сельской местности, и в этом плане расселение немцев в крае за годы спецпоселения не претерпело кардинальных изменений. На промышленных предприятиях в основном работали немцы-репатрианты. В 1945 г. они поступили в распоряжение красноярских заводов: судоремонтного – 191 семья (738 чел.), цементного и гидролизного – 320 семей (817 чел.), на Енисейскую и Придивинскую судоверфи – 380 семей (1485 чел.) и др. объекты²². Ситуация с трудоустройством немцев в Красноярском крае была не типичной на фоне общесоюзных показателей. В целом по стране среди немецкого контингента, прошедшего переучет, больше было рабочих – 330883 чел. (55,1%), колхозников насчитывалось только 213544 чел. (35,6%), служащих – 33536 чел. (5,5%), остальные 21365 чел. (3,5%) значились в графе «прочие» занятия²³.

Трудоустроенные в сельской местности в начале 1940-х гг. переселенцы к началу послевоенного периода уже прошли климатическую и хозяйственную адаптацию и стали надежным источником и резервом рабочей силы для местных колхозов, потерявших большое количество трудоспособных мужчин в годы войны. Документы Курагинского районного архива позволяют увидеть динамику роста рабочей силы из числа немцев-переселенцев (табл. 9).

**Таблица 9 – Численность немцев-спецпоселенцев
в колхозе им. Коминтерна (1946–1950-е гг.)***

Год	Всего человек	В т.ч. немцев		
		оба пола	мужчины	женщины
1946	407	12	6	6
1947	512	43	19	24
1948	497	42	21	21
1949	508	52	27	25
1950	685	59	36	23

*Составлено по: Архив документов по личному составу администрации Курагинского района Красноярского края. Ф. Л.–32/58. Оп. 2. Д. 1–5.

Приведенные данные демонстрируют преимущества выселенных навечно немцев, за счет которых происходил рост численности колхозников²⁴. Положительную динамику поступления в ряды колхозников обеспечивали не только женщины, но и мужчины. Немецкую молодежь не призывали в Советскую Армию, поэтому юноши наряду с уцелевшими и вернувшимися к семьям мужчинами-трудармейцами приумножали дефицитную мужскую силу в колхозах.

Численность немцев в данном колхозе продолжала расти и в 1950-х гг. С 1951 по 1959 г. она увеличилась в 2,5 раза – с 64 до 154 человек²⁵.

Данные Курагинского районного архива позволили увидеть участие немецких детей в трудовых буднях колхозов. Девочки и мальчики немецкой национальности работали наравне со своими сверстниками из числа местных жителей²⁶. Летом они доставляли воду в тракторные отряды, гребли сено, участвовали в различных полевых работах. Зимой возили сено в кошары овец. Полуголодное послевоенное существование заставляло детей идти на заработки. Исчисляемые в колхозных трудовнях, они были у юных работников весьма скромными – от 80 до 200 за год. Эта небольшая прибавка к трудовням взрослых позволяла хоть как-то увеличить количество продуктов питания, выдаваемых за работу в колхозе²⁷. Нелегкие совместные трудовые будни в колхозе стирали грани недоверия между подростками разных национальностей и ускоряли процесс адаптации молодых переселенцев.

Как свидетельство трудовой адаптации депортированных немцев в сибирских селах, можно рассматривать постепенное увеличение в их среде механиков и трактористов. В том же колхозе им. Коминтерна в 1947 г. был один немец-тракторист, в 1950 г. – 4, в 1952 г. – 7, а в 1953 г. – 10²⁸. В совхозе «Красный Маяк» Канского района 18 человек из числа спецпоселенцев работали механизаторами, зоотехником фермы был спецпоселенец М.Х. Герман, механиком фермы – Л.Б. Горд. За хорошие трудовые показатели в 1954–1955 гг. приказами по совхозу были отмечены 43 спецпоселенца, в т. ч. часть передовиков получила премии в виде денег и подарков²⁹.

Подобные факты можно было наблюдать и в других сибирских регионах. Отчеты с мест о трудоустройстве спецпоселенцев в Томской области в середине 1950-х гг. подтверждают общую тенденцию. Так, секретарь партийной организации Туганской МТС докладывал в

Томский обком КПСС, что на станции трудится много спецпоселенцев: 85 человек – трактористами, 18 человек – комбайнерами³⁰.

В 1950-х гг. подобное трудоустройство для сельского жителя означало некоторое повышение социального статуса и улучшение материального положения, поскольку трактористам, помимо колхоза, работу оплачивали МТС.

В послевоенный период часть спецпоселенцев продолжала трудиться в рыбной промышленности. Новых контингентов на Крайний Север не завозили, но в Туруханском и Дудинском районах Красноярского края по-прежнему функционировали рыболовецкие колхозы, созданные в 1942–1944-х гг. из завезенных переселенцев.

Численность спецпоселенческих хозяйств постепенно сокращалась. В 1945–1946-е гг. население рыболовецких колхозов уменьшилось на 30–50% по сравнению с военным периодом. Основной причиной сокращения были тяжелые условия труда и жизни. В отчетах Красноярского рыбтреста отмечалось, что семьи спецпоселенцев использовали любую возможность, чтобы покинуть север и рыбные промыслы. Например, летом 1948 г. 50 семей выехали по договорам на Южный Сахалин и еще 70 человек были отпущены по болезни или на соединение с семьями в другие районы края и за его пределы³¹. Убыль трудоспособного населения еще больше обострила проблему выживания новых колхозов и сохранения их рыболовецкого профиля.

Сокращение происходило не только из-за «бегства» с севера присланных контингентов, но и определялось новой политикой Министерства рыбной промышленности, которое отказалось от планов форсированного освоения рыбных запасов сибирских рек. В обоснование своей позиции министерство приводило следующий довод – сырьевая база подорвана и нуждается в восстановлении.

Изменение государственной политики по добыче рыбы в северных районах края значительно осложнило и без того скромное существование организованных в годы войны хозяйств. Сокращение доходов от рыбодобычи в бюджетах некоторых колхозов оказалось невозможным. Так, уменьшение вылова рыбы в 3,5 раза в колхозе «Норд» в 1945–1946-е г. привело к сокращению доходной части бюджета за год почти наполовину³².

Новым колхозам требовалось развивать дополнительные виды хозяйствования. Однако при слабой материально-технической базе быстрая перестройка переселенческих хозяйств была невозможна.

Потому положительную динамику роста имели лишь две статьи доходов – требующий небольших организационных затрат пушной промысел и дополнительные работы по заготовке ягоды, выжиганию извести, поделке кирпича и т.д., занесенные в графу «прочие доходы».

Старые колхозы перестраивались быстрее. Используя линию сопоставления, приведенную в главе 1, по хозяйствам Дудинского района «Заполярьник» и «Новая жизнь», можно отметить, что и в послевоенный период сравнение было в пользу первого. В 1946 г. доходы «Заполярьника» выросли по всем показателям и составили 387885 руб. Трудовые навыки и опыт позволили колхозу «Новая жизнь» также увеличить свои показатели и выручить за год 179904 руб. Но изначально существовавший разрыв в доходах двух хозяйств в послевоенный период еще больше увеличился³³.

В послевоенное время в старых и новых колхозах сохранялся дефицит мужского населения. Судьба производственных планов напрямую зависела от трудовых навыков женщин. Некоторые спецпоселенки в 1949 г. были отмечены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» – доярка М.Я. Бахерт, звеньевые рыбодобычи Э.Ф. Христине и Р.Л. Житвай, колхозница С.А. Штейгаур³⁴.

Таким образом, в начале 1950-х гг. экономическое состояние организованных в годы войны хозяйств оставалось сложным. Производственные планы часто не выполнялись, доходы от рыбодобычи были низкими, механизация промыслов – минимальной.

Политическая реабилитация спецпоселенцев в середине 1950-х гг., равно как и решение о необходимости их хозяйственного закрепления в местах выселения, заставили местное руководство впервые серьезно проанализировать причины бедственного положения рыболовецких хозяйств Севера. Так, в 1956 г. в докладной записке Игарского горкома отмечалось, что «плановые задания колхозов района завышены», закупочные цены на сдаваемую рыбу очень низкие (40% от розничных цен), а плата за орудия лова Игарскому рыбокомбинату очень высокая (она составляла 32% от общей суммы сдаваемой рыбы). В результате колхозы никакой прибыли не получали, рыбаки имели крайне низкие заработки: до 400 руб. в летние месяцы и 30–40 руб. в зимние. Было принято решение – завезенное население хозяйственно укрепить, колхозам помочь в создании твердой экономической базы³⁵. К сожалению, власть слишком поздно обратила должное внимание на многолетние пробле-

мы бывших спецпоселенцев – когда они получили официальную возможность покинуть северные районы и рыбные промыслы.

Реальные шаги навстречу рыболовецким колхозам со стороны Красноярского госрыбтреста были очень робкими: списать задолженность прошлых лет с хозяйств не удалось, закупочные цены на рыбу подняты не были, равно как и не снижена плата за пользование орудиями лова. Рыбтрест согласился лишь на снижение явно завышенных плановых заданий, сократив их для переселенческих хозяйств в 1957 г. на треть³⁶. Разрешение большинства обозначенных проблем было вне компетенции руководителей треста и являлось прерогативой Министерства рыбной промышленности. Ходатайствовать перед вышестоящей организацией краевые чиновники не спешили.

Отсутствие действенной помощи хозяйствам усилило миграционную активность людей. Например, немецкое население Таймыра в период с 1959 по 1970 г. сократилось почти на 600 человек³⁷.

Пример спецпоселенческих колхозов показывал, что решения о закреплении бывших «спецконтингентов» и оказании им помощи были в значительной степени популистскими, не находившими подтверждения в реальной хозяйственной практике. Инертность системы не позволяла оперативно исполнять провозглашенные планы.

В июле 1957 г. в крае находилось 34023 спецпоселенца. Из них 21691 чел. были трудоустроены, в т.ч. 7969 – в сельском хозяйстве, 12205 – в промышленности, 1517 чел. – в учреждениях и на предприятиях. Отношение к ним менялось. Начальник 4-го спецотдела МВД СССР Новиков с удовлетворением отмечал, что «подавляющее большинство спецпоселенцев к труду относится добросовестно, систематически перевыполняет и выполняет плановые задания». Трудовые успехи некоторых переселенцев были отмечены орденами и медалями³⁸.

Анализ архивных документов не оставляет сомнений, что спецпоселенцы были субъектами спецколонизации региона, но экономический эффект от перемещения значительной массы рабочих рук был незначительным. Процесс трудовой адаптации стал длительным и весьма мучительным приспособлением переселенцев к суровым климатическим условиям и тяжелым физическим нагрузкам в местах расселения. В 1950-е гг. многие спецпоселенцы, освоив новые профессии в местах выселения, стали полноценными работниками, трудовые успехи которых постепенно были признаны.

Примечания к 3.3

- ¹ Красноярский край в истории Отечества: кн. третья ... С. 154.
- ² ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Сводная таблица о расселении ...
- ³ Там же.
- ⁴ ГАКК. Ф. Р. 2148. Оп. 1. Д. 9. Л. 20об.
- ⁵ Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 25.
- ⁶ ГАКК. Ф. Р. 2116. Оп. 1. Д. 29. Л. 40об. Л. 49.
- ⁷ Там же. Л. 45об.
- ⁸ Там же. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 93. Л. 154 – 155.
- ⁹ ГАКК. Ф. Р. 26. Оп. 29. Д. 4. Л. 16. Л. 24 – 25.
- ¹⁰ Там же. Оп. 21. Д. 10. Л. 184.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 521. Л. 19.
- ¹² Там же. Д. 471. Л. 19.
- ¹³ ГАКК. Ф. Р. 1856. Оп. 2. Д. 9. Л. 135.
- ¹⁴ Там же. Л. 161, 193; ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 102.
- ¹⁵ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 175. Л. 5 – 6; Оп. 4с. Д. 150. Л. 194.
- ¹⁶ Там же. Ф. Р. 1856. Оп. 2. Д. 9. Л. 193; Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 99. Л. 36.
- ¹⁷ Там же. Д. 13. Л. 178.
- ¹⁸ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 98.
- ¹⁹ Там же. Л. 27.
- ²⁰ Там же. Л. 31, 38.
- ²¹ Там же. Д. 489. Л. 7.
- ²² Там же. Л. 11; Иосиф Сталин – Лаврентию Бери: «Их надо ...». С. 78–79.
- ²³ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 489. Л. 7.
- ²⁴ По данным ОСФиР ИЦ ГУВД КК, в Курагинской спецкомендатуре других «спецконтингентов» на учете не состояло.
- ²⁵ Архив документов по личному составу администрации Курагинского района КК. Ф. Л.–32/58. Оп. 2. Д. 7. Л. 17 – 20; Д. 8. Л. 17 – 20; Д. 9. Л. 22 – 25; Д. 10. Л. 11, 32 – 43; Д. 12. Л. 35–41; Д. 13. Л. 17–21; Д. 14. Л. 18 – 22.
- ²⁶ Там же. Д. 5–7.
- ²⁷ По свидетельствам жителей деревни Курагино, в 1953 г. за один трудовой выдавали 3 кг хлеба. Меньшая часть трудовой оплачивалась деньгами.
- ²⁸ Архив документов по личному составу администрации Курагинского района КК. Ф. Л.–32/58. Оп. 2. Д. 2. Л. 24; Д. 5. Л. 35; Д. 7. Л. 17; Д. 8. Л. 17 – 20.
- ²⁹ ГАКК. Ф. П. 26. Оп. 29. Д. 4. Л. 12.
- ³⁰ Из истории земли Томской. 1940 – 1956. Невольные сибиряки: сб. док. и мат-лов. Томск, 2001. С. 289.
- ³¹ ГАКК. Ф. Р. 2274. Оп. 1. Д. 4. Л. 20 – 21.
- ³² Там же. Ф. Р. 1445. Оп. 1. Д. 71. Л. 23.– 24.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Ф. Р. 1386. Оп. 1. Д. 3202. Л. 20 – 22.
- ³⁵ ГАКК. Ф. П. 26. Оп. 29. Д. 4. Л. 358.
- ³⁶ Там же. Л. 364.
- ³⁷ ГАКК. Ф. Р. 1300. Оп. 5. Д. 2966. Табл. 7.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 157, 172.

Глава 4. ОРГАНИЗАЦИЯ БЫТА ДЕПОРТИРОВАННЫХ СЕМЕЙ. АДАПТАЦИЯ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ

4.1. Хозяйственно-бытовое обустройство спецпоселенцев

На протяжении практически всего периода существования спецпоселенческой системы организация социально-бытовых условий жизни переселенцев была одной из трудноразрешимых проблем для принимающей стороны. Это проистекало из комплекса объективных (война, трудности послевоенного восстановления) и субъективных (низкая исполнительская ответственность руководителей, отсутствие с их стороны должного внимания к бытовым вопросам и т.д.) факторов. Лишь к 1950-м гг. условия жизни стали улучшаться, что во многом было связано с началом стабилизации социально-экономического положения в стране и адаптацией самих «спецконтингентов» в районах депортации.

При организации приема депортированных учитывался опыт «кулацкой» ссылки. Он показал, что без создания приемлемой для жизни среды «приживание» спецпоселенцев будет долгим и болезненным, что не отвечало экономическим планам массовых переселений. Таким образом, адаптация и грамотные административные решения были тесно связаны между собой. В этом были заинтересованы все – спецпоселенцы, желавшие как можно быстрее наладить нормальную жизнь своих семей в новых местах расселения, а также центральные и местные власти, для которых сохранение и воспроизводство рабочей силы было одной из главных задач.

Условия жизни переселенцев в регионах депортации определяли в своих директивах органы центральной и местной власти. Намеченный ими комплекс мер предусматривал создание таких материально-бытовых условий, которые бы обеспечили выживание людей в новых климатических условиях и их быстрое включение в производственный процесс. Эти решения на практике оказывались трудновыполнимыми. Быт спецпереселенцев на новом месте жительства долго оставался неустроенным. Климатическая и хозяйственная адаптация в первые годы жизни на спецпоселении была тяжелой для абсолютного большинства переселенных семей.

Имеющиеся в распоряжении исследователей документы центральных и местных органов власти позволяют определить, что их

позиция в отношении хозяйственного устройства депортированных контингентов не была однозначной. Она зависела от времени принятия решения о депортации и характеристик высылаемых групп. Так, польским осадникам и беженцам, которых власть воспринимала как социально опасный и чуждый социализму элемент, в местах вселения никаких компенсаций за утраченное при депортации имущество не полагалось. Местным руководителям предлагалось обеспечить переселенцам необходимый прожиточный минимум и максимально использовать всех трудоспособных. Примерно такое же отношение было к ссыльнопоселенцам из прибалтийских республик. Скоротечность проведения операций по их депортации предполагала полную утрату имущества переселяемых (за исключением взятых в дорогу вещей).

При депортации немцев и калмыков в местах выселения создавались специальные комиссии, которые занимались приемом оставляемого имущества. Члены комиссий составляли оценочные акты принятого от колхозов, организаций и граждан имущества и взамен выдавали квитанции, на основании которых переселенцам можно было претендовать на определенную компенсацию на новом месте жительства¹.

Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 28 августа 1941 г., в районах вселения, «изобилующих пахотной землей», немецкие семьи должны были получить землю, угоidia и государственную помощь². Предписания центра были выполнены лишь частично. Трудности военного времени и недобросовестность некоторых местных руководителей стали основными причинами невыполнения положений данного указа.

Вопросам хозяйственного устройства карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков, депортированных в начале 1944 г., уделялось особое внимание. Так, в Постановлении СНК СССР №1432-425 сс от 28 декабря 1943 г. Красноярскому крайисполкому предписывалось прибывших калмыков наделить приусадебными участками, оказать содействие в строительстве собственных домов, в счет оставленного спецпереселенцами на месте скота и зерна выдать продовольствие для обеспечения питания в первые дни их устройства. В течение 1944 г. СНК СССР еще трижды издавал распоряжения об улучшении бытовых условий калмыцких семей³. Указания центра в жизнь воплощались медленно. Реальные условия пребывания калмыков на спецпоселении были тяжелыми.

Таким образом, характер решения вопросов хозяйственного устройства немецкого и калмыцкого этносов показывал, что указанные национальные группы рассматривались властью как «неблагонадежные», но социально не чуждые советскому строю контингенты. В отличие от осадников, беженцев и ссыльнопоселенцев за ними сохранялось право на частичное возмещение нанесенного депортацией материального ущерба.

В местах вселения все вынужденные мигранты переживали длительную адаптацию. Общие для страны тяготы военного времени усугубили условия жизни депортированных. Дефицит жилья, голод, отсутствие одежды и обуви стали неотъемлемыми характеристиками быта выселенцев.

Жилищная проблема была одной из острейших в первые годы пребывания на спецпоселении. Местные руководители зачастую не успевали выполнить распоряжение центра о подготовке необходимого жилого фонда для переселяемых. В результате прибывшие семьи расселялись в малопригодные для жизни помещения, которые приходилось обустраивать самим новоселам.

Жилищный вопрос решался медленно. Выявляя причины сохранения острого дефицита жилья, спецкоменданты отмечали, что главными виновниками сложившейся ситуации были руководители предприятий, которые не проявляли заинтересованности в создании приемлемых бытовых условий для прибывших людей. В своих отчетах в адрес УНКВД коменданты приводили следующие доказательства: «на участке «Ярлыковка» Красноярского леспромхоза построены новые бараки, совершенно не отоплены, не побелены, пазы не промазаны, по стенам висят клочья мха, нет стандартных печей и (люди) обогреваются временными железными печками, скученность, теснота, в небольших бараках живет 3–4 семьи. Несмотря на то, что спецпереселенцы сами изъявляют желание привести в порядок свой барак, начальник лесозаготовительного участка Красноярского леспромхоза т. Черненко не желает им оплатить за произведенные работы»⁴.

Размещение в Красноярском крае с началом войны новых групп спецпереселенцев еще больше обострило жилищный вопрос. Так, край был явно не готов в короткие сроки расселить свыше 75 тыс. человек поволжских немцев. Однако корректировать заданную численность переселяемых краевые власти не решились и обязали местных руководителей «выявить весь имеющийся свободный жилищный

фонд по колхозам и совхозам, поселкам и отремонтировать пригодные для жилья переселенцев помещения, принять срочные меры к достройке незаконченных домов, предназначенных для плановых переселенцев». На выполнение этого предписания отводилось всего десять дней.

Согласно инструкции наркомзема СССР от 30 августа 1941 г., переселенцы, передавшие свои дома на прежнем месте жительства и имевшие на руках соответствующие акты, должны были разместиться в свободные дома. После их прибытия выяснялось, что реальные возможности хозяйств были весьма скромными и не позволяли реализовать директиву наркомата. Переселенческий отдел крайисполкома сообщал, что имеющийся свободный жилищный фонд пришлось разделить между тремя категориями переселенцев, прибывших в край в 1941 г., – плановыми, эвакуированными, немцами Поволжья. Из-за дефицита свободных помещений многие семьи были расселены в дома местных жителей в порядке уплотнения последних⁵. Подобную картину можно было наблюдать и в соседних сибирских регионах.

Депортированным предлагали решать жилищный вопрос собственными силами. Предусматривалось немедленно организовать силами переселяемых строительство новых домов, используя для этих целей местные стройматериалы, а также стройматериалы по фондам переселенческого отдела⁶. Благодаря усилиям самих переселенцев и местных властей депортированные семьи обрели «крышу над головой» до наступления зимы. Воспоминания бывших переселенцев уточняют детали решения жилищного вопроса в местах вселения. Например, семью В.Г. Лейман, где было десять детей, первоначально поселили на конный двор. Жители д. Таскино Каратузского района, куда прибыли переселенцы, долго не соглашались принимать на подселение многочисленное семейство. С наступлением морозов им выделили одну комнату в бараке. Лишь после окончания войны и возвращения мужчин из трудармии немецкие семьи получили реальную возможность немного улучшить свои жилищные условия.

В годы войны поток депортированных контингентов возрастал, что лишь обостряло проблемы их хозяйственного устройства, включая жилищную. СНК СССР предлагал ликвидировать дефицит жилья путем освобождения части зданий в спецпоселках трудпоселенцев, а также за счет уплотнения жилых зданий в колхозах и совхозах. Выполняя это предписание центра, местные руководители к приему кал-

мыков-спецпереселенцев в 1944 г. проводили ревизию имеющегося жилого и нежилого фонда, готовили любые, даже малопригодные для жизни помещения – барак при конторе с односпальными нарами, клуб с топчанами, путейский домик и т.д.⁷ На хозяйственное обустройство и индивидуальное жилищное строительство спецпереселенцам-калмыкам по линии Сельхозбанка выделялись кредиты из расчета 5 тыс. рублей одной семье. Возврат предоставленного кредита осуществлялся в течение семи лет при гарантии колхоза или совхоза⁸.

Хозяйственное обустройство калмыков, как и других переселенцев, шло медленно. Для ускорения этого процесса СНК СССР в первом квартале 1944 г. выделил дополнительные средства на ремонт и строительство домов для калмыцких семей. Выполняя разнорядку центра, регионы выделяли необходимые стройматериалы – лес, канту, оконное стекло⁹. Тем не менее жилищная проблема оставалась одной из острейших. Так, начальник Красноярского УНКВД Семенов, подводя итоги 1944 г., признавал, что жилищный вопрос для калмыков по-прежнему не решен – жилье к зиме не готово, сохраняется большая скученность людей в местах расселения, строительство идет крайне слабо. По поводу последнего особо отмечалось, что «исполкомы райсоветов не только не приступили к жилищному строительству, но не выбрали по нарядам Главснаблеса и Крайлесзага выделенный правительством стройматериал». Из 4 млн руб. кредитов, выделенных на жилищное строительство, использовано только 91 тыс. руб. (2,3%)¹⁰.

Анализ документов показывает, что вялое решение жилищного вопроса никого не устраивало: ни центр, которому не удавалось воплотить принятые решения, ни НКВД, чьи сотрудники никак не могли изменить сложившуюся ситуацию, ни местных руководителей, которые из-за дефицита рабочей силы не имели возможности самостоятельно организовать жилищное строительство. Однако самой уязвимой стороной являлись калмыки – неудовлетворительные жилищные условия, скученность приводили к быстрому распространению инфекций и высокой смертности среди них. Подобное разрешение проблем было весьма характерно для советской административной практики, когда высшее руководство отстранялось от негативных последствий принятых решений, перекладывая вину за них на местный управленческий аппарат.

Обеспечение жильем было первой, но не единственной проблемой спецпереселенцев. В отчетах о хозяйственном устройстве контингентов разных лет отмечается, что во всех местах расселения депортированных семей наблюдался дефицит продуктов питания, одежды и обуви. Голод и нехватка промышленных товаров стали следствием низких заработков переселенцев (см. гл. 2).

Местное население также испытывало большую нужду в годы войны и мало чем могло помочь спецпереселенцам. По признанию самих переселенцев, сибиряки первоначально относились к ним подозрительно, но бедственное положение обездоленных семей вызвало сочувствие у местных жителей. По свидетельству немки В.Г. Лейман и калмычки Г. Овшиновой, именно скромная помощь сибирячек помогла их семьям спасти детей от голодной смерти в первый год депортации.

Нелегкое положение спецпереселенцев усугублялось тем, что в первые годы они не имели огородов и подсобного хозяйства в местах вселения. Зарплата или выработанные трудодни были для многих единственным источником средств существования. Например, работавшие на лесозаготовках осадники в лучшем случае могли рассчитывать на получение 800 г хлеба в день и еще по 450 г дополнительно на каждого иждивенца. Поскольку жители спецпоселков были прикреплены к месту вселения, то свободно распоряжаться заработанными средствами они не могли. «Рабочие-спецпереселенцы имеют продуктовые и промтоварные книжки и все продаваемые продукты и промтовары имеют возможность покупать в закрытом распределе «Леспродторга», так же как и все остальные рабочие», – говорилось в акте проверки условий содержания польских осадников. Соответственно снабжение депортированных во многом зависело от расторопности мастеров лесоучастков, которые посылали запросы «Леспродторгу» на выделение необходимого количества товара. Результаты такого «закрытого» распределения были весьма скромными – только 60% рабочих обеспечены одеждой и обувью¹¹. Крайняя нужда заставляла депортированных, вопреки запретам, искать дополнительные источники существования. Бывшие спецпереселенцы вспоминали, что в первые месяцы после депортации они часто меняли вещи на продукты питания, чтобы хоть как-то прокормить свои семьи. Но со временем и эта возможность исчезала.

Вопрос о недостаточном снабжении спецпоселков периодически обсуждался властями. Сохранившиеся в архивах документы свидетельствуют: руководство хорошо понимало, что без дополнительной помощи дальнейшее выживание спецпереселенцев становилось все более проблематичным. Так, Красноярский крайисполком обязал лесопромышленные тресты оказать материальную помощь особо нуждающимся семьям «осадников» для приобретения детям одежды, использовать кредиты на покупку скота и помочь в снабжении фуражом, увеличить поставки товаров первой необходимости, приступить к заготовке семян для будущих огородов спецпереселенцев¹².

В сложной ситуации оказались немцы-переселенцы, рассчитывавшие получить обещанную компенсацию. Сделать это оказалось непросто. Во-первых, ее могли предоставить лишь «сильные» хозяйства. Во-вторых, многие квитанции не были заверены печатями поволжских сельсоветов и, к несчастью переселенцев, не подлежали отовариванию. В-третьих, тотальная экспроприация продовольствия на нужды фронта не позволила сибирским колхозам и совхозам выплачивать обещанную государством компенсацию.

Пытаясь получить причитающуюся компенсацию, немцы «забрасывали» письмами переселенческие отделы, которые участвовали в их приеме и размещении на территории края, писали просьбы и жалобы в органы власти разного уровня. В результате квитанции части переселенцев были отоварены.

Обещанные приусадебные участки немцам также не удалось сразу получить. В распоряжении Красноярского крайисполкома от 8 января 1942 г. отмечалось, что «выделение приусадебных участков и закрепление свободных домов за переселенцами до сих пор не организовано». В другом документе, датированном маем 1943 г., сообщается, что «имеющиеся во многих колхозах хозяйства немцев Поволжья частично приняты в колхоз, но усадьбами они не наделены за отсутствием свободного земельного фонда»¹³.

В 1942 г. возмещение немцам конфискованного имущества прекратилось. Многие из них были мобилизованы в трудовую армию или переселены в северные районы на рыбные промыслы. Оставшиеся в первичных местах расселения выживали, как могли. Таким образом, проводя дальнейшие принудительные переселения, государство избавлялось от своих прежних обещаний и обязательств. Эта позиция центра нашла отражение в двух директивах: в распоряжении СНК

СССР № 8332-р от 9 мая 1942 г., где предписывалось процедуру компенсации имущества прекратить, и в директиве наркома заготовок СССР К. Субботина от 19 мая 1943 г., который считал, что распоряжение №1173 от 11 ноября 1941 г. о приеме и возврате зерна немцам Поволжья утратило силу «за давностью переселения»¹⁴.

Высылая калмыцкие семьи, государство пыталось учесть опыт предыдущих депортаций и выглядеть распорядительным. Например, сразу по прибытии переселенцы должны были получить муку, крупу, мясо для обеспечения питанием в первые дни их устройства. Расчет производили наркомзаг и наркоммясмор СССР через областные или краевые структуры в местах вселения. Продовольственные фонды выделялись в счет оставленного на родине скота и зерна. Через два месяца, 7 марта 1944 г., появилось следующее распоряжение СНК №520 4-рс, где по тому же принципу государство отпускало калмыкам картофель, зерно, крупу¹⁵. А 29 мая 1944 г. Постановление СНК СССР №627-126сс обязало исполнительные органы власти тех территорий, где были размещены калмыки, выдать им скот и продовольствие в счет сданного в местах выселения. На реализацию данного постановления отводилось два года – 1944 и 1945. Каждая калмыцкая семья за это время должна была получить по одной голове крупного рогатого скота или, взамен его, овец и коз из расчета по 200 кг живого веса на семью¹⁶. Дальнейшее государственное снабжение калмыков шло за наличный расчет последних. Для «улучшения бытовых условий спецпереселенцев-калмыков» СНК СССР 19 ноября 1944 г. отдал распоряжение наркомпищпрому, наркомзагу и наркомтекстилю СССР выделить регионам, где они были размещены, хозяйственное мыло, плиточный чай, соль, шерсть и хлопчатобумажные ткани в течение ноября-декабря 1944 г.¹⁷

Такая активность государства в отношении хозяйственного устройства калмыков, на наш взгляд, имела несколько причин. Во-первых, в 1944 г. положение на советско-германском фронте значительно улучшилось – стратегическая инициатива окончательно перешла к Красной Армии, что позволило правительству уделять больше внимания внутренним делам. Во-вторых, опыт предыдущих депортаций четко показал, что возможности местных руководителей очень малы, а хозяйственное обустройство переселенцев зависит от активного участия в нем центральной власти. В-третьих, многие калмыцкие семьи находились в крайне бедственном положении в новых рай-

онах расселения, которые усугубило зимнее переселение. По подсчетам Н.Ф. Бугая, только за первые месяцы депортации умерли 4,9% выселенцев¹⁸.

Поступавшая из мест вселения спецпереселенцев информация подтверждала, что бытовая и климатическая адаптация проходила для них особенно тяжело. По свидетельствам сибиряков, калмыки страдали от резкой смены климата, пищи, привычного образа жизни. Многие болели и умирали от туберкулеза. Ситуация первых лет депортации была настолько серьезной, что оказанная калмыкам государственная помощь не смогла принципиально изменить сложившуюся ситуацию. По мнению В.Н. Земскова, это была лишь определенная преграда на пути к их полному вымиранию¹⁹.

Скромные размеры государственной помощи или компенсаций были не единственной причиной бедственного положения спецпереселенцев. Архивные документы свидетельствуют, что даже эти мизерные отчисления не всегда доходили до адресата. Сроки и размеры получения выделенных государством средств определяли местные руководители. Многие из них государственные дотации для переселенцев считали дополнительным источником пополнения небольшого бюджета хозяйств. Так, Беретский лесозаготовительный участок Красноярского леспромхоза из 70 тыс. руб., отпущенных на строительство бараков для спецпереселенцев-осадников, 50 тыс. использовал не по назначению. Деньги пошли на выдачу заработной платы рабочим, так как участок в 1940 г. имел большие финансовые затруднения. В Рыбинском районе выделенное по нарядам для калмыков зерно по распоряжению председателя местного исполкома было передано из "Заготзерно" колхозникам в период летних полевых работ²⁰.

Подобная практика существовала в отношении всех «спецконтингентов». Ее сохранение свидетельствовало о недостаточном контроле главного "попечителя" спецпереселенцев – НКВД – за выполнением государственных решений. Примечательно, что происходящее в 1944 г. увеличение штатов ОТСП не решило существующих проблем. Устойчивость ситуации, на наш взгляд, объяснялась несколькими причинами. Во-первых, некоторые коменданты сами были "не чисты на руку" и использовали выделенные спецпереселенцам фонды в личных целях. За подобное поведение, например, из органов НКВД в апреле 1944 г. был уволен оперуполномоченный Ачинской спецкомендатуры, который, находясь в служебной командировке по расселению калмыков на мар-

ганцевом руднике, недодавал им норму хлеба по 100–200 г в сутки. В результате он присвоил хлеба до 4 пудов и картофеля 250 кг. На хлеб и картофель у тех же спецпереселенцев выменял два ковра, хромовое пальто, скатерть и получил часть деньгами²¹. Во-вторых, несмотря на существующие запреты, некоторые работники райотделов НКВД прибегали к "самоснабжению", бесплатно получая продовольствие из ближайших колхозов. Дружба с руководителями хозяйств позволяла комендантам спокойно взирать на факты неблагоустройства их подопечных. Кроме того, как указывалось выше (см. п. 1.2), в органах НКВД в годы войны происходила частая смена кадрового состава, что, естественно, влияло на профессионализм работников.

Слабый контроль со стороны НКВД, произвол отдельных местных руководителей и небольшая государственная компенсация в совокупности затягивали процесс бытового обустройства семей спецпереселенцев.

Принудительные перемещения людей, связанные с мобилизацией мужчин и женщин в трудармию и переселением на рыбные промыслы, вызывали дополнительные трудности в обустройстве всех возрастных групп переселенцев и особенно детей. Осенью 1942 г., после отправки немецких женщин в рабочие колонны, серьезной проблемой для районных исполкомов стало размещение их осиротевших детей. В известном Постановлении ГОКО №2383 от 7 октября 1942 г. предлагалось детей передать на воспитание оставшимся членам семьи или ближайшим родственникам, или немецким колхозам. В исключительных случаях они устраивались в детские дома через органы народного образования. «Немецкие колхозы», которые могли бы принять детей, сохранились в Омской области, на Алтае, в Казахстане. В Новосибирской области и соседнем Красноярском крае таковых практически не было, и здесь организация жизнеобеспечения детей ложилась на плечи местных органов власти. Исполкомам райсоветов и периферийным органам НКВД было поручено срочно выявить количество подлежащих устройству детей. По неполным данным райотделов НКВД, в 36 районах Красноярского края таковых насчитывалось 2230 человек²². Существовавшие детские дома не могли вместить такое количество детей. Часть детей действительно разобрали знакомые и родственники. Дальнейшая судьба остальных маленьких переселенцев во многом зависела от расторопности и инициативы местных руководителей. Сложившуюся в районах ситуацию хорошо

иллюстрирует запрос председателя исполкома Краснотуранского райсовета от 15 декабря 1942 г., адресованный краевому руководству. "Во исполнение вашего решения нами организован детский интернат для немецких детей, родственников или лиц, желающих взять на воспитание которых не оказалось. Однако прошло уже больше месяца с момента организации интерната, а указаний никаких ни от кого не следует, за счет чего будет содержаться этот интернат, каким путем будут обеспечиваться дети одеждой и обувью. Просим дать указание – как быть по существу вышеизложенного" ²³.

Лишь 20 января 1943 г. Красноярский крайисполком принял решение «Об открытии детских домов для размещения детей спецконтингента». Они были организованы в 10 районах края. В каждом детском доме предполагалось разместить по 100 воспитанников. Подготовка и открытие детских домов должны были пройти в рекордно короткие сроки – всего за десять дней. На содержание вновь организованных детских учреждений из краевого бюджета выделялось 2501000 руб. в год²⁴.

По первичным сведениям местных исполкомов, поступивших из 19 районов края, контингент потенциальных воспитанников детских домов разделялся на три возрастные группы: 3–7 лет, 8–11 лет, 12–15 лет. Первая группа была самой многочисленной (см. табл. 9 приложения).

В 1943 г. детские дома были учреждены и для детей депортированных перед войной поляков. Инициатива их создания принадлежала польской стороне. По данным посла Республики Польша, в СССР в конце 1942 г. находилось 90 тыс. польских детей, среди них 29 тыс. сирот²⁵. Советское правительство разрешило открыть 50 детских домов в разных частях страны, в том числе 9 в Сибирском регионе, три из которых находились в Красноярском крае: Больше-Ирбейский в Боградском районе Хакасской автономной области, Мало-Минусинский в Минусинском районе и Порожский в Казачинском районе.

Спрос на подобные учреждения в крае был острым, так как рассчитанные на 100 воспитанников польские детские дома вместили гораздо больше детей. В ноябре 1943 г. в трех детдомах фактически размещались 370 человек вместо 300 плановых. Большинство воспитанников были школьниками²⁶.

Примечательно, что в детский дом попадали не только сироты, но и дети, имевшие родителей. К такому шагу последних толкало тяжелое материальное положение. Решаясь на передачу детей в детский дом, родители, видимо, рассчитывали, что там их дети будут хотя бы сыты.

Детские дома содержались не только за счет выделяемых советским правительством средств. При детдомах существовали небольшие подсобные хозяйства, где имелось несколько коров и свиней, огород. Тягловый скот и сельхозинвентарь во временное пользование предоставляли местные хозяйства. Сотрудники и воспитанники детских домов в летний период работали в соседних колхозах на уборке урожая. За выработанные трудодни они получали продукты питания²⁷. Такие заработки существенно укрепляли продовольственную базу детдомов и помогали пережить долгую сибирскую зиму.

Обитатели детских домов, по мере возможности, самостоятельно обустроивали свой быт. Например, силами сотрудников и учеников Порожского детского дома летом 1943 г. были отстроены баня, пекарня, овощехранилище²⁸.

Наиболее незащищенной группой среди депортированных оказалось старшее поколение переселенцев и инвалиды. Они не были столь привлекательны для центральных и местных властей, как трудоспособные взрослые и дети. Поэтому содержание стариков и инвалидов зависело в основном от их родственников. Известно, что иждивенцы получали не более половины пайка взрослого трудоспособного переселенца (300–350 г хлеба). Если существовали перебои с продовольствием, то неработающих могли вообще лишитъ довольствия.

Отсутствие нормальных бытовых условий в местах выселения хуже всего сказалось на положении одиноких нетрудоспособных людей. Такой контингент изначально существовал среди всех депортированных групп. Первоначально их пытались разместить в уже имевшиеся дома инвалидов. Однако, со временем, существующих учреждений стало явно не хватать. Так, одиноких престарелых и инвалидов из калмыцкого «спецконтингента» Крайсобес в течение года не мог разместить в соответствующие учреждения по причине отсутствия в них мест. В итоге Красноярский крайисполком вынужден был констатировать, что «во многих районах края имеется значительное количество указанных контингентов, которые вымирают»²⁹. Лишь в 1948 г. Правительство Рос-

сийской Федерации разрешило построить в Красноярском крае специальный дом инвалидов для спецпереселенцев на 100 мест.

Таким образом, в ходе первичных и повторных переселений государство вынуждено было расширить патерналистскую практику, без чего дальнейшее выживание наиболее уязвимых спецпоселенческих категорий – оставшихся без попечения детей, инвалидов, одиноких стариков – было практически невозможно.

Принудительные перемещения народов, бытовая неустроенность в новых местах расселения, трудная климатическая и профессиональная адаптация отразились на их демографическом развитии. Все группы депортированных в первые годы жизни на спецпоселении переживали резкий спад рождаемости и рост смертности. По данным В.Н. Земскова, общесоюзная статистика соотношения рождаемости и смертности в изучаемых контингентах в последний год войны выглядела следующим образом: всего спецпоселенцев и ссыльнопоселенцев умерло больше, чем родилось, в 9,2 раза, в том числе калмыков – в 25,7; «оуновцев» – в 12,8; ссыльнопоселенцев – в 9,6; немцев (без мобилизованных) – в 4,1 раза. По мнению исследователя, даже через 8–9 лет после депортации некоторые контингенты находились на стадии восстановления своей первоначальной численности, но еще не достигли ее, отставая на 10–15 %³⁰.

Высокую смертность поддерживали не только неудовлетворительные условия жизни на спецпоселении, но и низкий уровень медицинской помощи. Он был таковым не только для спецпереселенцев, но и для местного населения. Можно констатировать, что обеспечить удовлетворительный уровень медицинского обслуживания местные власти не могли. Дефицит медицинских кадров наблюдался повсеместно. Положение спецпереселенцев усугублялось отсутствием свободы передвижения, что существенно ограничивало возможности получения медицинской помощи. Еще зимой 1941 г. Красноярский крайздрав признавал необходимость создания дополнительных медучреждений в местах расселения спецпереселенцев, но возможностей укомплектовать их кадрами не было³¹. Особенно острая ситуация сложилась в северных районах – местах рыбодобычи. Бытовая неустроенность многочисленного «спецконтингента» привела к стремительному распространению заболеваний – брюшного тифа, кори, скарлатины, цинги. Массовыми были обморожения людей. Но медицинских кадров катастрофически не хватало. В 1943 г. на Таймыр, не-

смотря на завоз большого количества переселенцев, не было направлено ни одного врача. Очевидно, что в условиях мобилизации всех сил, в т.ч. и медиков, на фронт кадрового пополнения ждать северянам не приходилось. Частично нехватка специалистов была компенсирована за счет самого «спецконтингента», в составе которого врачи и медсестры³².

Высокая заболеваемость среди спецпереселенцев сохранялась не только из-за нехватки медикаментов и медиков, но и по причине традиционной несогласованности действий ответственных лиц. Так, партию прибывших весной 1942 г. в Ачинский район финнов без соответствующей санобработки направили в одну из местных деревень, где 34 из них вскоре заболели сыпным тифом³³.

Выявляя причины частых вспышек инфекционных заболеваний в крае, руководитель Красноярского крайздрава Астафьева сетовала на плохое финансирование медицинских учреждений, критиковала за плохую работу своих подчиненных и особенно отмечала их беспомощность перед местными руководителями – рекомендации медиков начальством учитывались редко³⁴.

Анализируя действия властей Сибирского региона по обустройству «спецконтингентов», прибывших накануне и в годы Великой Отечественной войны, мы полагаем, что в создавшихся трудных социально-экономических условиях, они по мере своих очень скромных возможностей выполняли распоряжения центра. Однако, в целом, подробные директивы Москвы по созданию на местах удовлетворительных социально-бытовых условий для переселенцев оставались «благими пожеланиями».

В первые послевоенные годы жизнь спецпоселенцев существенно не улучшилась. Позитивные изменения, начавшиеся в конце 1940-х гг., протекали медленно.

Поддерживая сложившуюся в годы войны практику, центр требовал от регионов разработки детальных планов размещения и обустройства депортированных семей и четкого их выполнения в дальнейшем. Министерства отправляли на места своих представителей для усиления контроля за исполнением принятых решений. Но вынужденные переселенцы имели те же проблемы, что и их предшественники. Так, совместная проверка ОСП УМВД, партийных и советских органов в апреле 1949 г. показала, что за год некоторые руководители так и не создали нормальных жилищно-бытовых условий

для прибывших литовцев. В подтверждение своих выводов проверяющие приводили соответствующие факты: «на участке Дизо Партизанского леспромхоза до настоящего времени не открыт магазин, а потому спецпоселенцы (178 чел.) за хлебом и другими продуктами ходят в поселок Мина; в Пойменском леспромхозе треста «Красхимлес» не закончено строительство трех домов для полного нормального размещения спецпоселенцев»³⁵.

Таким образом, дополнительные меры контроля ситуацию качественно не меняли. Происходило это во многом потому, что на протяжении всех 1940-х гг. местная власть считала трудовое использование спецпоселенцев главной задачей, а их хозяйственное обустройство – второстепенной.

Этот принцип продолжал действовать и в отношении «старых» контингентов. Для них проблемы питания, промтоварного обеспечения, образования и медицинского обслуживания сохранили свою актуальность и во второй половине 1940-х гг. Так, в ходе проверки жилищно-бытовых условий спецпереселенцев в апреле 1947 г. представители УМВД отмечали, что в различных районах края установлены факты заболевания дистрофией, опухания и вспышки сыпного тифа. Основной причиной болезней проверяющие считали исключительно плохое питание «спецконтингентов»: «на участке Зыряновского лесопункта треста «Краслес» в столовой готовится только одно блюдо из мороженого картофеля и мяса, непригодного к употреблению»³⁶.

По-прежнему неудовлетворительными оставались жилищные условия переселенцев. Это постоянно фиксировали различные проверяющие комиссии. В такой ситуации насыщение региона новыми группами депортированных во второй половине 1940-х гг. лишь усугубило существующие жилищные проблемы. В 1949 г. Красноярский УМВД докладывал в Москву, что собственные дома имели только 6002 семьи спецпоселенцев, 15666 семей расселены в домах за счет уплотнения местных жителей, а еще 2238 семей проживают в помещениях, непригодных для жилья³⁷.

Острота вопроса заставила Совет Министров СССР обратиться к ее разрешению. В своем Постановлении от 24 июля 1949 г. правительство обязало Министерство финансов СССР предоставлять областным и краевым исполкомам, по их ходатайству, кредиты для выдачи ссуд нуждающимся семьям выселенцев на строительство и ремонт домов³⁸.

Красноярский крайисполком воспользовался этим правом уже в августе 1949 г., обратившись в Министерство финансов с просьбой о выдаче долгосрочной ссуды в количестве 9396 тыс. руб. для новых спецпоселенцев. Кредит предназначался для строительства новых и ремонта старых домов, покупки домашнего скота и прочего «хозобзаведения». Заместитель управляющего сельхозбанком, через который выделялись кредиты, разъяснял, что одна семья может получить ссуду на строительство дома до 5 тыс. руб. сроком на 7 лет и на ремонт дома до 1 тыс. руб. сроком на 3 года. Погашение ссуды начинается со второго года после ее получения³⁹. Дальнейшая судьба кредита иллюстрирует истинное отношение местных руководителей к проблемам спецпоселенцев. В 1950 г. просьба края была частично удовлетворена – Министерство финансов выделило кредит в 6500 тыс. руб. на переселение. Однако на нужды депортированных исполком крайсовета выделил только 1275 тыс. руб., а остальные 5225 тыс. оставил для плановых переселенцев. После долгих разбирательств между УМВД и исполкомом было принято решение об увеличении кредитования спецпоселенцев до 2500 тыс. руб., которые и были впоследствии распределены между 39 районами края⁴⁰. В итоге спецпоселенцы, для которых предназначался кредит, смогли претендовать лишь на меньшую его часть.

Разрешения жилищного вопроса требовали и немцы, поступившие на поселение в край еще в начальный период войны. Имея на руках квитанции о сдаче жилья в бывшей АССР НП, многие люди при переселении взамен ничего не получили. Окончательное оформление спецпоселенческой системы в конце 1940-х гг. уничтожило у них последние иллюзии относительно скорого возвращения на родину. Немцы «забрасывали» крайисполком заявлениями, в которых просили компенсировать стоимость утраченного при переселении имущества. Общая сумма возможных компенсаций, согласно поступившим ходатайствам, составила 14500 тыс. руб. Председатель исполкома крайсовета просил правительство разрешить этот вопрос за счет перечисления денег из союзного бюджета⁴¹.

К началу 1950-х гг. положение всех спецпоселенческих групп в хозяйственном-бытовом отношении было трудным. Однако некоторое отличие между ними существовало. Прежде всего, дифференциация наблюдалась между «старыми» и «новыми» контингентами и подтверждала основной принцип спецпоселенческого проживания –

давность пребывания в ссылке увеличивала адаптационные возможности. Так, в течение 1940-х гг. многие немцы, депортированные в сельскую местность, вступили в колхозы, смогли обзавестись мелким скотом, птицей, добиться получения коров по обменным квитанциям. По оценке органов МВД, за 10–12 лет ссылки немецкий и калмыцкий контингенты прошли полную адаптацию и могли считаться «оседлыми»⁴². Размещенные в сибирских деревнях в конце 1940-х гг. спецпоселенцы из Прибалтики в колхозы вступать не торопились, процесс их хозяйственной адаптации только начинался.

Внутренняя дифференциация оставалась и среди «старых» контингентов. Она выражалась в неодинаковом отношении государства к депортированным этносам. Среди расселенных в крае групп особое внимание по-прежнему уделялось хозяйственному обустройству калмыков. В 1945–1947-е гг. на уровне правительства и регионов расселения был осуществлен комплекс мер по оказанию помощи калмыцким семьям. Для решения продовольственной проблемы накануне весенней посевной кампании 1945 г. им выделили приусадебные участки и семена овощных культур и картофеля. По распоряжению СНК СССР, наиболее нуждающимся семьям в течение декабря 1945 – июня 1946 гг. местные органы власти дополнительно реализовали за наличный расчет продовольственные и промышленные товары⁴³. Эта же категория спецпереселенцев-калмыков в 1946 г. получила безвозмездное денежное пособие в размере до 1 тыс. руб. на семью за счет сданных при переселении верблюдов и ослов. Согласно распоряжению СНК СССР от 17 августа 1945 г., Красноярский край получил 672,4 тыс. руб. для выплат пособий. Дефицит жилья правительство предлагало уменьшить за счет предоставления ссуд на строительство. Для этих целей в 1945 г. краю было выделено 200 тыс. руб. и 8 тыс. кубометров леса⁴⁴.

Как и в предыдущие годы, государственные компенсации не всегда доходили до калмыков в полном объеме, поскольку последним звеном в цепочке распределения являлись местные спецкомендатуры. В ходе периодических проверок их работы ОСП МВД выявляло, что некоторые коменданты используют государственные фонды для самообеспечения⁴⁵. Следует отметить, что за выявленные нарушения провинившихся строго наказывали, но злоупотребления в райотделах происходили и в дальнейшем.

Обустройство прибывающих переселенческих групп зависело не только от распоряжений центральной власти, но и от ряда местных обстоятельств. Для обширного Красноярского края к числу последних можно отнести различные климатические зоны и заселенность территорий.

По-прежнему тяжелым оставалось положение людей, завезенных в годы войны в северные районы края. Неразвитость инфраструктуры, зависимость населения от промыслового сезона и суровые природные условия создавали дополнительные сложности для депортированных семей. Калмык С.М. Васляев вспоминал: «На фактории Обойная мы были изолированы от внешнего мира. До районного центра, поселка Хатанга, было сто километров. Зимой единственный вид транспорта – собачья упряжка. Летом тоже одна единственная транспортная магистраль – река»⁴⁶. Трудовая и бытовая адаптация на севере шла сложнее, чем в центральных и южных районах края. В марте 1950 г. в докладе ОСП УМВД КК отмечалось, что особенно плохо живут в рыболовецких колхозах на севере: «Еще летом они кое-как живут. А приходит зима, кончается рыбная ловля, заработки получают 12–20 руб. в месяц. Этих денег не хватает даже на хлеб – положение исключительно тяжелое, и оно не исправилось и по сей день»⁴⁷.

Многие послевоенные переселенцы были направлены в малонаселенные восточные районы Красноярского края для работы в местных леспромпхозах. Отложившиеся в архивах документы свидетельствуют, что лесопромышленные тресты явно выделялись на фоне других «принимающих» предприятий остротой нерешенных жилищно-бытовых проблем. Плохая организация продовольственного и промтоварного снабжения, отсутствие минимальных санитарно-гигиенических условий в общежитиях существовали во всех лесопромышленных трестах и сохранялись на протяжении всех 1940-х гг.⁴⁸ Схожая картина наблюдалась на предприятиях золотодобывающей и угольной отраслей. Как вспоминали впоследствии бывшие спецпоселенцы, немногим лучше было положение тех депортированных семей, кто жил и трудился в местных совхозах и колхозах.

Во второй половине 1940-х гг. стала быстро возрастать численность младших возрастных групп спецпоселенцев, что свидетельствовало о постепенном налаживании быта переселенческих семей (прежде всего – военных контингентов). Одной из главных причин улучшения их жизни стало начавшееся воссоединение разрозненных в ходе депортаций и трудовых мобилизаций семей. В основном этот процесс затронул немцев. В комендатурах Красноярского края в 1945

– первой половине 1952-х гг. было зафиксировано 10608 родившихся на спецпоселении детей. Основной прирост «дали» немцы (6622 чел.) и калмыки (2517 чел.), в семьях которых в конце 1940–начале 1950-х гг. произошёл своеобразный «бум» рождаемости⁴⁹.

В отношении младших возрастных групп спецпоселенцев государство по-прежнему предпочитало быть справедливым и заботливым, пытаясь обеспечить доступ к школьному образованию и взять под опеку тех детей, которые в результате переселения лишились родителей. Но адаптацию маленьких спецпоселенцев вряд ли можно было назвать успешной. Для многих детей как «старых», так и «новых» переселенцев вопрос школьного обучения оставался нерешённым. По данным УМВД КК, в 1949/1950 гг. около 4 тыс. детей спецпоселенцев, размещённых в лесной отрасли края, не посещали школы⁵⁰. Причинами срыва всеобуча по-прежнему являлись плохое материальное положение выселенцев, удалённость мест расселения от образовательных учреждений, плохое знание русского языка. Подростки вынуждены были помогать старшим в обеспечении семьи и вместо учебной деятельности осуществляли трудовую. В итоге многие переселенцы, чьё детство пришлось на трудные 1940-е гг., были малограмотными.

Размещение после войны новых спецпоселенцев создавало дополнительные проблемы для органов народного образования. В составе депортированных групп дети составляли в среднем 25–30 %. Практически при каждом переселении в составе прибывших обнаруживались дети, направленные на поселение без родителей. Например, в составе выселенцев из Прибалтики (1949 г.) в Красноярском крае таковых выявили 16 человек⁵¹. На спецпоселении число сирот постоянно росло. По существующим правилам, в случае смерти, побега или ареста спецпереселенца его дети не имели права возвращаться в места выселения. В соответствии с директивой МВД СССР 1946 г. беспризорные и безнадзорные дети спецпереселенцев подлежали устройству в районах расселения своих родителей. Организация попечительства над ними относилась к компетенции специально созданных при райисполкомах комиссий (1942 г.) и отделов народного образования⁵². Послевоенную ситуацию с устройством детей в детские дома заместитель председателя Красноярского крайисполкома А.Я. Генер комментировал следующим образом: существующие детские дома переполнены, и сирот некуда определять⁵³.

В Сибирском регионе в марте 1953 г. в детских домах находилось 1966 детей, из них больше всего проживало в Красноярском крае

– 796 человек⁵⁴. Воспитанники детских домов, лишённые привычных родственных связей, все меньше ассоциировали себя с прежней этнической средой. Их родственные отношения впоследствии редко восстанавливались. Но и самостоятельно выживать в местах выселения им было достаточно трудно. Наверно, поэтому многие подросшие питомцы детдомов не торопились их покидать, поддерживая таким образом существующий дефицит мест в этих учреждениях.

Большое влияние на воспитание детей спецпоселенцев оказывал такой социальный институт, как школа. Она по-прежнему являлась главным источником идеологического воздействия на младшее поколение депортированных. Обучение на русском языке приводило к более быстрому размыванию этнокультурной среды учеников. Зато полученное образование в русских школах увеличивало возможности спецпоселенческой молодежи продолжить обучение в вузах и техникумах.

В послевоенные годы наиболее проблемной возрастной группой в составе «спецконтингентов» оставались старики и инвалиды. С прибытием новых переселенцев размещать эту категорию депортированных становилось все сложнее. Принимающие организации охотно брали лишь трудоспособных людей и обращались в МВД, чтобы они «так легко не подходили и не везли кого попало»⁵⁵. От стариков и инвалидов принимающие организации старались избавиться, как от ненужного балласта, и переложить заботу о них на крайисполком. Так, в марте 1948 г., по решению советского правительства, из угольной промышленности удалялись нетрудоспособные переселенцы, прибывшие в 1947 г. из Западной Украины. По скромным подсчетам Красноярского крайисполкома, только по г. Черногорску и п. Заозерный таковых набиралось не менее 180 человек. Они передавались в ведение Красногорского совхоза ГУСМП и в существовавшие дома инвалидов⁵⁶.

В конце 1940-х гг. ситуация стала критической. По признанию УМВД КК, инвалидов и стариков, доставленных в 1949 г. из Прибалтики, устраивать было уже некуда⁵⁷. Имеющиеся учреждения давно не удовлетворяли потребностей края, а вопрос о строительстве новых обсуждался на протяжении трех лет – с 1947 по 1950 г. Москва хотела провести строительство с минимальными издержками – за счет краевого бюджета. Правительство РСФСР продемонстрировало такой подход в своем распоряжении от 22 мая 1948 г. об организации дома инвалидов для спецпоселенцев на 100 мест. Однако это не ликвидировало остроты существующей проблемы. В конце 1949 г. в крае прожи-

вало 1270 безродных, нетрудоспособных инвалидов-спецпоселенцев, которых необходимо было разместить в инвалидные дома⁵⁸.

О трагизме ситуации свидетельствовали отчеты из районов края. В 1948 г. только в г. Игарка в государственном попечительстве нуждались 150 инвалидов 1-й и 2-й группы, принадлежащих к литовскому «спецконтингенту». Они не имели трудоспособных членов семьи и средств к существованию. Результатом их бедственного положения стал рост заболеваемости и смертности⁵⁹.

Крайисполком, в свою очередь, испытывая дефицит денежных средств и мест в социальных учреждениях, не мог опекать всех нуждающихся. Он настаивал, чтобы ведомства, в распоряжение которых поступали спецпоселенцы, сами занимались их обустройством. Позиция краевых властей была подкреплена Постановлением Совета министров РСФСР от 28 июля 1949 г., в котором указывалось, что Министерство лесной и бумажной промышленности СССР должно предоставить соответствующие помещения для открытия в 1949 г. домов инвалидов для нетрудоспособных спецпереселенцев, размещенных в лесной отрасли⁶⁰. В условиях острой нехватки жилья для новых групп переселенцев такие требования центральной и местной властей не могли быть выполнены. В сложившейся ситуации представители УМВД КК даже предлагали направить нуждающихся в опеке спецпоселенцев в дома инвалидов других областей, согласовав предварительно это решение с правительством⁶¹.

В 1950 г. лесопромышленные тресты «Краслес» и «Красхимлес» все же изыскивали возможности на открытие таких учреждений. Первый готовил жилое помещение на 100 мест на территории Усть-Манской сплавной конторы, второй – дом в Белогорье. Дом инвалидов на 150 мест планировалось открыть в г. Игарка. Дома инвалидов передавались на баланс краевого отдела социального обеспечения. В 1953 г. краевой отдел социальной защиты развернул строительство дома инвалидов на 500 мест в Енисейском районе⁶².

Виновниками сохранявшегося бедственного положения стариков и инвалидов иногда становились сами местные коменданты. Из-за их нерасторопности в оформлении документов размещение нуждающихся спецпоселенцев в дома инвалидов затягивалось на несколько месяцев⁶³.

В июне 1954 г. в домах инвалидов находилось 327 спецпоселенцев, большинство которых не имели родственников в местах выселения. Неработающие инвалиды находились в составе всех «спецконтингентов». По данным ОСП МВД СССР, на 1 января 1951 г. ука-

занная группа спецпоселенцев насчитывала 31385 человек, в т.ч. 2220 человек – в Красноярском крае. На территории края в этой категории преобладали немцы (637 чел.), литовцы (687 чел.), «оуновцы» (282 чел.), калмыки (284 чел.)⁶⁴. Заботиться об их существовании приходилось в большей степени работающим родственникам (если таковые имелись), и лишь некоторая часть неработающих инвалидов находилась под опекой государства.

Организация жизнедеятельности спецпоселенцев стала сферой максимального взаимодействия власти и депортированных групп. Очевидно, что после принудительного переселения в Сибирь «невольные сибиряки» рассчитывали на более активную патерналистскую политику государства, чем это оказалось в действительности. Налаживанию эффективного взаимодействия мешали указанные нами причины объективного и субъективного характера. Немаловажную роль играл и недостаточный контроль со стороны НКВД-МВД, осуществлявший надзор за всеми сферами жизни спецпоселенцев. Отношение власти к выселенным группам стало ярким проявлением общего внутривполитического курса советского руководства, для которого люди являлись лишь средством к достижению определенных стратегических целей.

В целом на рубеже 1940–1950-х гг. власти стали уделять больше внимания вопросам обустройства вынужденных переселенцев. Это было связано с окончательным оформлением спецпоселенческой системы, означавшим закрепление всех групп депортированных в местах выселения. В этих условиях рост социальной активности государства выглядел вполне закономерным явлением. Побудительным мотивом деятельности выступало осознание необходимости осуществления попечительских действий в отношении высланных навечно людей.

С началом процесса освобождения вопросам хозяйственного устройства бывших депортированных стало уделяться особое внимание. Успешное решение бытовых проблем, по мнению партийных и советских руководителей, увеличивало шансы сохранения рабочей силы в Сибири. Но забота власти не могла удержать людей в местах вселения. Многие бывшие спецпоселенцы, получив разрешение вернуться на родину, воспользовались этой возможностью.

Примечания к 1.4

- ¹ Депортация народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев (сентябрь 1941 г. – февраль 1942 г.) ... С. 94–95; Ссылка калмыков: как это было: сб. док. и мат-лов. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2001. С. 53–54.
- ² История российских немцев в документах... Т. 1. С. 159–160.
- ³ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 66. Л. 8, 80, 343; Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. Ч. 1... С. 180–183.
- ⁴ ГАКК. Ф. Р. 1434. Оп. 12с. Д. 7. Л. 9.
- ⁵ Там же. Ф. Р. 2137. Оп. 1. Д. 71. Л. 33.
- ⁶ Там же. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 41. Л. 145.
- ⁷ ГАКК. Ф. П. 26. Оп. 13. Д. 383. Л. 253–254.
- ⁸ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 66. Л. 9.
- ⁹ Там же. Д. 71. Л. 33 – 34.
- ¹⁰ ГАКК. Ф. П. 26. Оп. 14. Д. 48. Л. 158.
- ¹¹ ГАКК. Ф. Р. 1434. Оп. 12с. Д. 7. Л. 8–10, 10об.
- ¹² Там же. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 40. Л. 13.
- ¹³ Там же. Ф. Р. 2137. Оп. 1. Д. 86. Л. 156; Ф. Р. 1374. Оп. 1. Д. 808. Л. 92.
- ¹⁴ Из истории земли Томской. 1940–1956. Невольные сибиряки ... С. 32.
- ¹⁵ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 66. Л. 9, 80.
- ¹⁶ Там же. Л. 106.
- ¹⁷ Там же. Л. 343.
- ¹⁸ Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно вашему указанию ...»... С. 80.
- ¹⁹ Земсков В.Н. Спецпереселенцы в СССР ... С. 112.
- ²⁰ ГАКК. Ф. Р. 1434. Оп. 12с. Д. 7. Л. 11; Ф. П. 26. Оп. 14. Д. 48. Л. 211.
- ²¹ ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Т. 2. Д. 3. Приказы УНКВД КК за 1944 г. Л. 18.
- ²² ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 64. Л. 10об.
- ²³ Там же. Д. 55. Л. 294.
- ²⁴ ГАКК. Д. 64. Л. 4.
- ²⁵ Леончик С.В. Польский детский дом в селе Малая Минуса Красноярского края // Люди и судьбы. XX век: тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Красноярск, 30 октября 2003 г.). Красноярск: КЛАРЕТИАНУМ, 2003. С. 97.
- ²⁶ ГАКК. Ф. Р. 1383. Оп. 1. Д. 646. Л. 1, 4.
- ²⁷ Там же. Л. 5.
- ²⁸ Там же. Л. 8.
- ²⁹ ГАКК. Ф. П. 26. Оп. 14. Д. 48. Л. 212.
- ³⁰ Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР ... С. 118.
- ³¹ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 40. Л. 12.
- ³² Свеча памяти. Таймыр в годы репрессий. Воспоминания. Дудинка: Изд. дом «КП плюс», 2006. С. 97 – 100.
- ³³ ГАКК. Ф. Р. 1384. Оп. 1. Д. 835. Л. 9.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 134. Л. 13 – 14.

- ³⁶ Там же. Д. 99. Л. 199.
- ³⁷ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 99.
- ³⁸ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 123. Л. 242.
- ³⁹ Там же. Д. 134. Л. 9; Д. 131. Л. 181.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 4с. Д. 151. Л. 121 – 129.
- ⁴¹ Там же. Д. 113. Л. 9 – 10.
- ⁴² Там же. Ф. Р. 2137. Оп. 1. Д. 202. Л. 240; Ф. П. 26. Оп. 29. Д. 4. Л. 37.
- ⁴³ Там же. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 73. Л. 271; Д. 74. Л. 6.
- ⁴⁴ Там же. Д. 73. Л. 299; Д. 79. Л. 1; Д. 73. Л. 278.
- ⁴⁵ ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Приказы УМВД за 1947 г. Т. 1. Д. 4. Л. 53.
- ⁴⁶ Годаев О.П. Боль памяти. Элиста: Джангар, 1999. С. 164.
- ⁴⁷ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4с. Д. 150. Л. 194.
- ⁴⁸ Там же. Ф. Р. 1856. Оп. 2. Д. 27. Л. 21.
- ⁴⁹ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1 Д. 642. Л. 2.
- ⁵⁰ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4с. Д. 150. Л. 194.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 475. Л. 89.
- ⁵² Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 130.
- ⁵³ ГАКК. Ф. П. 26. Оп. 29. Д. 99. Л. 120.
- ⁵⁴ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 10.
- ⁵⁵ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 150. Л. 195.
- ⁵⁶ Там же. Д. 111. Л. 75 – 76.
- ⁵⁷ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 134. Л. 15 – 16.
- ⁵⁸ Там же. Д. 106. Л. 50.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 471. Л. 105.
- ⁶⁰ ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 114. Л. 66.
- ⁶¹ Там же. Д. 125. Л. 100 – 101.
- ⁶² Там же. Д. 134. Л. 16 – 17.
- ⁶³ ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Ф. 6. Приказы УМВД КК за 1947 г. Т. 2. Д. 4. Л. 22.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 836. Л. 240; Д. 597. Л. 8.

4.2. Адаптация вынужденных переселенцев в Сибири

В современном обществознании адаптация понимается как приспособление индивида или группы к внешним условиям¹. Рассматриваемые спецпоселенческие группы проходили климатическую и социокультурную адаптацию в условиях сибирского пространства. Под социокультурной адаптацией мы понимаем процесс приспособления к жизнедеятельности сибирского социума, поиск и обретение в нем своей социальной и культурной роли. Высланные в Сибирь спецпоселенцы вынуждены были вновь проходить социализацию, поскольку прежние социальные связи оказались разорванными. Утрата значи-

тельной части нажитого имущества, прежней профессии, конфессиональных, родственных, культурных контактов приводила выселенцев в маргинальное состояние, выход из которого во многом был связан с адаптацией к новым условиям жизни.

Важной составляющей адаптационного процесса представляется «культурная память» этнически неоднородных спецпоселенцев, которым предстояло не просто существовать в условиях новой природной и социальной среды, но и усваивать формы диалога с ней, не утрачивая при этом своей культурной идентичности. Это позволяло в определенной мере не просто приспособливаться к новым реальностям, а активно воздействовать на них (например, создавать свои творческие коллективы, выдвигать представителей для связи с властью на местах и т.д.). В этом проявлялась как адаптивная, так и адаптирующая активность отдельных этнических групп переселенцев.

Адаптация любого индивида к новым условиям предполагает отказ в той или иной степени от прежних социальных связей. В случае добровольного изменения внешнего окружения и принятия адаптационных условий на первый план в проведении адаптационной стратегии выходят индивидуальные характеристики личности (пол, возраст, образование и т.д.), позволяющие ей освоить новые социальные роли, обрести определенный социальный статус. В условиях несвободы индивидуальные и личностные качества играют, на наш взгляд, важную, но не определяющую роль. Здесь более важны факторы внешние – политика государства и уровень комплементарности местного сообщества. Об успешности протекания адаптационного процесса, вероятно, можно говорить в случае сочетания всех трех факторов, влияющих на этот процесс.

В интерпретации проблемы адаптации велики риски субъективизма в подаче материала. Основным источником в ее исследовании являются воспоминания, интервью самих депортированных, которые, как правило, являются эмоционально насыщенными из-за пережитых испытаний и солидного возраста респондентов. Не обладают абсолютной достоверностью и нормативные документы – распорядительная и делопроизводственная документация государственных органов, включая материалы ведомственного архива МВД. Известно, что в СССР существовал «государственный заказ» на наличие или отсутствие информации, а допускавшиеся сведения тщательно дозиrowа-

лись. Однако без изучения и сопоставления этих источников невозможно полноценное освоение темы.

Характерной чертой депортации этнических и социальных групп был их массовый характер. Однако групповые практики адаптации были присущи не всем переселенческим группам, поскольку значительная часть «спецконтингентов» была расселена в Сибири дисперсно. Подобный принцип расселения, характерный для немцев, калмыков, финнов (и в меньшей степени для польских осадников и ссыльнопоселенцев, направленных в спецпоселки), снижал возможности использования групповых форм адаптации. Ведущую роль в этом процессе играли индивидуальные или семейные практики. Именно семье как носительнице этнокультурной традиции принадлежала важная роль в протекании процесса адаптации и дезадаптации. Например, до депортации воспитание немецких детей было тесно связано с семьей и религией. Во многих семьях существовал обычай собираться по вечерам и читать главы Библии, петь религиозные песни. Омская исследовательница А.Н. Блинова отмечает, что религиозным воспитанием внуков, как правило, занимались бабушки и дедушки².

Важная роль в адаптации спецпоселенцев принадлежала государственным органам. Принудительный характер переселений, осуществляемых Советским государством, предполагал дальнейшее участие властных структур в организации жизнеобеспечения «спецконтингентов» в местах расселения. Насколько успешно местные исполкомы, их отделы и органы НКВД-МВД справлялись с этими задачами, мы представили в предыдущем параграфе. Но то, что власти всех уровней были заинтересованы в скорейшей трудовой адаптации высланных групп, не вызывает никаких сомнений. От этого зависело выполнение производственных заданий, да и сохранение «в строю» прибывшей рабочей силы.

Социальная адаптация взрослых спецпоселенцев началась по прибытии в Сибирь, потому как они сразу включались в трудовой процесс. Именно совместная производственная деятельность депортированных и сибиряков стала одной из ведущих форм приспособления к внешней среде. Спецпоселенцы были включены в состав уже существовавших бригад или, образуя собственные трудовые коллективы, получали наставника из числа местных жителей. В ходе совместной деятельности высланные люди осваивали не только новые для себя

профессии (пильщика, рубщика, рыбака и т.д.), но и малознакомый для многих русский язык.

Многие спецпоселенцы старались хорошо работать, чтобы зарекомендовать себя в новом сообществе с положительной стороны и доказать окружающим, что они не хуже местного населения. Известно, что в советский период успехи ударников и стахановцев получали общественное признание, сами передовики пользовались уважением. Спустя 2–3 года после переселения, по мере освоения новых профессий, среди спецпоселенцев появлялись передовики производства. Например, высокая производительность труда немцев-спецпереселенцев отмечается в отчете Таймырского рыбколхозсоюза за 1945 г., где они, перевыполнив план на 160-230%, составили 90% лучших рыбаков³. Отметим, что для местных властей успехи спецпоселенцев, достигнутые на производстве, являлись важным критерием их адаптации.

Особым вниманием органов власти пользовались дети и спецпоселенческая молодежь. Отношение советского правительства к детям спецпереселенцев было неоднозначным. С одной стороны, условия их жизни ничем не отличались от положения других возрастных категорий депортированных. С другой стороны – государство показывало заинтересованность в обучении молодого поколения. Районные управления образования были обязаны выявить всех детей-переселенцев школьного возраста и «охватить их всеобучем». Добиваясь привлечения детей в местные школы, советское руководство в лице наркомпроса, очевидно, преследовало сразу несколько целей. Во-первых, ускорить процесс бытовой и языковой адаптации. Во-вторых, показать заботу государства о соблюдении конституционных прав детей. В-третьих, противопоставить общественное воспитание влиянию семьи.

Наркомпрос достиг своих целей лишь частично. Вскоре после расселения выяснилось, что многие дети спецпереселенцев не посещают школу. Главными виновными назывались местные руководители, которые «не оказали помощи по устройству детей в школы»⁴.

Любопытную статистику о посещении школ детьми осадников приводило Минусинское районо Красноярского края (см. табл. 10 приложения). Она демонстрировала не только бедственное материальное положение спецпереселенцев, но и настроения старшего поколения поляков. Собранные данные убеждали, что главной причиной

срыва всеобуча в районе была плохая материальная обеспеченность семей спецпереселенцев. В течение всего учебного года число детей, не посещающих школу из-за отсутствия одежды и обуви, неуклонно возрастало. Естественным следствием плохого материального положения «осадников» были частые болезни детей.

Хуже всего дела с обучением обстояли в старшей возрастной группе. Несмотря на большую агитационную работу местных властей, ни одного старшеклассника-поляка не удалось привлечь к учебе. Причем, как указывалось в пояснении районо, некоторые из них сами категорически отказались посещать школу⁵. Позиция подростков вполне понятна – они вынуждены были работать, чтобы помочь своей семье выжить.

Весьма скептически к обучению детей в русских школах относились родители. Многие в начале учебного года не отпускали своих детей учиться. Свое протестное поведение они подтверждали словами: «Мы уедем в Польшу, и там их будем учить». Поляков, главным образом, не устраивало то, что обучение их детей проводится на русском языке. К тому же в советских школах постоянно велась атеистическая пропаганда⁶. Поляки же, являясь ревностными католиками, хотели сохранить религиозность и в своих детях.

Сохранившиеся документы о работе детских домов, где размещались дети польских переселенцев, свидетельствуют, что особое значение в воспитательном процессе придавалось политическому просвещению подрастающего поколения. В этом вопросе сотрудники детдомов должны были четко следовать существующим идеологическим установкам. Председатель комитета по делам польских детей в СССР Г.И. Иваненко так формулировал задачи очередной пропагандистской кампании: "В период подготовки к празднованию 26-й годовщины РККА в школах, детских домах, детских садах для польских детей должны быть проведены беседы о значении празднования дня Красной Армии. Польские дети должны уяснить, что Красная Армия – есть армия защиты мира и дружбы между народами всех стран. Она создана не для завоевания других стран, а для защиты границ Советской страны"⁷. Понятно, что далеко не все взрослые поляки после присоединения к СССР Восточной Польши разделяли такие политические оценки советской власти.

В отчетах детских домов можно увидеть, что политическое воспитание детей проходило на уроках истории и во внеурочное вре-

мя при проведении бесед и политинформаций. Советское руководство, очевидно, рассчитывало, что дети будут более лояльно настроены к советской власти, нежели старшее поколение поляков.

Серьезной преградой в адаптации маленьких переселенцев в Сибири стало незнание русского языка. Прежде всего, это касалось немцев, литовцев, латышей и поляков. В некоторых населенных пунктах, где они первоначально были расселены, местные власти организовали начальные школы или специальные классы при НСШ. Занятия здесь начинались с изучения русского языка. Создание новых классов и школ доставляло району много хлопот – успеваемость была невысокой, учебники отсутствовали, учителей-специалистов не хватало. В результате они просуществовали недолго. Спецпереселенцы подверглись дальнейшим принудительным перемещениям, и школы были закрыты.

Еще более сложным оказалось положение тех детей, которые вместе с родителями были направлены в северные районы на рыбные промыслы. Возможность получения образования у таких детей и вовсе была небольшой. Бывшие школьники становились молодыми рыбаками и пушниками. Их заработок увеличивал шансы семей переселенцев на выживание.

Несмотря на трудности первых лет жизни на спецпоселении, у юного поколения спецпоселенцев стремление к получению образования сохранилось. Возможности для его реализации возникли уже после окончания войны, и особенно после соединения разрозненных депортациями и трудармией семей. Дети спецпоселенцев старались хорошо учиться в школе. Это был самый доступный способ самоутверждения в иноязычной среде. «Начальную школу закончила на «отлично», – с гордостью вспоминает депортированная в Омскую область калмычка Р.К. Урхаева, – у меня сохранились похвальные грамоты с портретами Ленина и Сталина. Ко мне все относились хорошо»⁸. Дети старались активно проявить себя и во внеучебной деятельности – занимались в спортивных секциях, кружках художественной самодеятельности. Многие с большой теплотой впоследствии вспоминали о школьной поре, несмотря на то, что она пришлась на годы сибирской ссылки⁹.

Обзор личных дел спецпоселенцев показал, что депортированные часто обращались в местные комендатуры с просьбами разрешить выезд в города для продолжения обучения. По данным переучета МВД, в составе немецкого контингента в Красноярском крае был

671 учащийся, у калмыков – 250 человек, у «оуновцев» – 187 человек. Большую активность в вопросе получения образования проявляли немцы. Например, в томских вузах и техникумах в январе 1952 г. обучался 101 человек, состоявший на спецучете, в том числе: 60 немцев, 29 ссыльнопоселенцев, 17 детей «оуновцев», 4 калмыка, 1 турок¹⁰.

Очевидно, что для спецпоселенческой молодежи образовательные учреждения играли роль своеобразных «социальных лифтов», расширявших их мобильность в обществе. В начале 1950-х гг. окончание учебного заведения было не только общественно значимым, но и психологически важным для самих спецпоселенцев результатом их адаптации в местном сообществе. Образование было одной из сфер, где стремления спецпоселенцев (получить образование) и определенные действия государства (по обеспечению этого права) совпадали. И хотя мотивы сторон были разными, в итоге образовательные институты сыграли свою роль в ускорении процесса социализации.

Образовательная активность спецпоселенческой молодежи все же имела территориальные ограничения. Разрешение на выезд в город получали не все просящие. Обучаться в столичных вузах спецпоселенцы вообще не могли. Народный художник России Тойво Васильевич Ряннель вспоминает, как статья 38 в паспорте не позволила ему поступить в Ленинградскую Академию художеств¹¹. Первая большая персональная выставка Т.В. Ряннеля прошла в Красноярске только в 1959 г.

Государство подходило дифференцированно к разным возрастным группам спецпереселенцев. Подобная практика сложилась еще в годы кулацкой ссылки. Исследуя отношение власти к трудпоселенческой молодежи, историк С.А. Красильников называет ее «квазипривилегированной возрастной группой»¹². Данное определение применимо и к младшей возрастной группе спецпереселенцев – она была предметом особой «заботы» государства.

Нормативные и нарративные источники свидетельствуют, что адаптация спецпоселенцев прошла несколько стадий. Характеризуя процесс адаптации вынужденных переселенцев, В.В. Сарнова использует понятие «адаптационного синдрома», под которым понимается совокупность адаптационных реакций человека, призванных защитить его от воздействия окружающей среды¹³. Считаем, что эта харак-

теристика вполне применима к первым годам пребывания высланных людей на спецпоселении.

Защитная реакция проявлялась в различных формах – открытом выражении недовольства депортированных, нежелании горожан селиться в сельской местности, поддержании этнокультурных и религиозных традиций, русификации имен и т.д. Одни были связаны с сохранением этнических установок, другие – с конформизмом и желанием избежать возможной агрессии внешней среды.

Защитные механизмы включались сразу по прибытии на новое место жительства. Некоторые переселенцы испытали определенный культурный шок – настолько разительные были перемены в их образе жизни. Так, жительница села Фриденгейм АССР НП, прибывшая на поселение в одну из деревень Новосибирской области, вспоминала: «Такой жалкой деревни я никогда в своей жизни не видела... Сами жители выглядели очень бедно ...»¹⁴.

Протестное поведение спецпоселенцев можно рассматривать как одно из проявлений «адаптационного синдрома». Негативное отношение немцев к переселению и новым условиям жизни отразили в своих отчетах работники и райкомов ВКП(б) осенью 1941 г. Они приводили следующие высказывания переселенцев: «Нас сюда в Сибирь загнали не на жизнь, а на смерть, мы в своей Республике жили зажиточно и когда поехали сюда, то нам на месте обещали, что по месту Вашего жительства Вам дадут хлеб, скот и вы будете жить так же, как жили здесь, но здесь мы ничего не получаем и как жить в дальнейшем не известно»¹⁵. Немцы и калмыки в выражении недовольства в основном ограничивались устными высказываниями. Поляки иногда прибегали к более активным формам протеста – невыход на работу, открытые выступления против плохих условий труда и быта (в Новосибирской и Омской областях их пришлось подавлять с помощью милиции)¹⁶.

Защитная реакция спецпоселенцев выразилась и в их побегах с мест поселения, которые особенно участились после окончания войны (см. гл. 3).

Больше всего механизм защиты проявился в поведенческих практиках спецпоселенцев по сохранению своих этнических констант. Основной, на наш взгляд, являлась религия. Очевидно, что сохранение прежних форм конфессионального единства в условиях спецпоселения было невозможно в силу пространственной распылен-

ности депортированных этносов. Но индивидуальные практики исполнения религиозных культов не были утрачены и довольно прочно сохранялись в сознании и поведении старшего поколения спецпоселенцев. В первые годы ссылки вера сохранялась на уровне семьи. Многие немцы вывезли в далекую Сибирь Библию и другие религиозные книги. В калмыцких семьях имелись молитвенные лампадки, хранились рукописные произведения буддистской литературы¹⁷. Однако в итоге младшее поколение почти не наследовало религиозную традицию. Это происходило по разным причинам: во-первых, поколение «бабушек и дедушек» несло большие демографические потери, поскольку хуже остальных переживало депортацию и социально-бытовую неустроенность в местах вселения, оно не успевало выполнить свою социальную роль – передать ценный этнокультурный опыт внукам; во-вторых, старшее поколение старалось не осложнять жизнь молодежи в новом социуме, где религиозные ценности не признавались. Л.А. Берденкова вспоминала: «Я, например, не слышала слово Будда. Теперь я понимаю, как бабушке было трудно. Она никогда при мне не молилась, хотя у нее были четки... Она берегла нас, боялась, что мы можем сказать в школе и нас не примут ни в пионеры, ни в комсомол»¹⁸.

Немного адаптировавшись на новых местах поселения, вынужденные мигранты стали восстанавливать конфессиональные связи. По сведениям уполномоченного Совета по делам религиозных культов, наибольшую консолидацию демонстрировали немцы. С 1946 г. в Саянском и Краснотуранском районах Красноярского края они нелегально собирались на квартирах. Группы верующих немцев – баптистов и субботников – насчитывали от 15 до 25 человек¹⁹.

По мере ослабления режима спецпоселений после 1953 г. конфессиональная консолидация вынужденных переселенцев росла. В 1955 г. католики г. Красноярска, Игарки, Норильска неоднократно обращались в исполком Красноярского крайсовета с просьбами о регистрации общин и открытии молитвенных домов²⁰. Значительную роль в оживлении религиозных настроений сыграло освобождение из мест заключения католических священников. Власти отмечали, что, вопреки запретам, они ведут активную деятельность. Так, к ксендзам часто обращались спецпереселенцы из Прибалтики с просьбой о совершении обрядов венчания, отпевания и т.д. Священники не только отправляли религиозные обряды, но и пытались добиться от власти

признания легитимности деятельности общин. Действия власти объяснялись следующей логикой – общины не признавать, в какие-либо отношения с ними не вступать.

По мере преодоления тягот первых лет депортации доминантой поведения большинства спецпоселенцев становилось приспособление к новым условиям. Интеграция спецпоселенцев в сибирский социум ускорила в конце 1940-х гг. Это было связано не только с их хозяйственно-бытовым обустройством на спецпоселении, но и с осознанием необходимости утверждения в местном сообществе, поскольку ссылка для выселенцев объявлялась бессрочной. Спецпоселенцы стали активнее исполнять не связанные с производством социальные роли. Общественная деятельность стала одной из форм приспособления к окружающей действительности, хотя проявлялась она довольно специфично. В партийно-политической жизни участие переселенцев было незначительным: перед освобождением в сентябре 1954 г. в Красноярском крае находилось 116 членов КПСС и 18 кандидатов в члены КПСС. Среди коммунистов и кандидатов в члены партии были только немцы (81 чел.) и калмыки (53 чел.)²¹.

Зато спецпоселенцы находили применение своим талантам и способностям в культурно-массовой работе. Например, в г. Канске немцы организовали струнный кружок при клубе лесозавода и хоровой – при клубе СибСМУ. Немецкий духовой оркестр действовал в Курагинском сельском клубе²². Кроме того, спецпоселенцы становились активными участниками профсоюзов, кружков ДОСААФ, спортивных секций.

Среди спецпоселенческих возрастных групп наиболее активной была молодежь. На нее в первую очередь делали ставку в своих агитационных кампаниях партийные руководители. В середине 1950-х гг. молодые спецпоселенцы стали чаще вступать в комсомол, занимались в кружках по изучению истории партии, обучались в школах рабочей молодежи. Однако и среди этой возрастной группы политическая деятельность привлекала немногих. В сознании беспартийных спецпоселенцев партийные и комсомольские организации ассоциировались со сталинским режимом, который отправил их в бессрочную ссылку. На протяжении всех лет спецпоселения коммунисты и комсомольцы были обязаны «разъяснять» правильность самых одиозных постановлений и указов советского правительства.

Поведенческие практики переселенцев показывают, что в процессе адаптации они демонстрировали некоторые формы внутренней самоорганизации, которые, с одной стороны, способствовали сохранению этнической идентичности, с другой – ослабляли воздействие внешней среды на индивида. Появление внутриорганизационных форм было продиктовано духовным состоянием депортированных этносов, потребностью защититься от политикоидеологического и социокультурного вмешательства внешней среды. Формы самоорганизации были связаны с этнокультурными традициями депортированных национальных групп – возрождением религиозных общин (большинство из которых было нелегальными), появлением музыкальных коллективов (в которых можно было собираться и исполнять национальные песни), отправлением (в 1950-е гг.) обрядов – например свадеб (которые давали возможность ощутить национальную принадлежность и единство).

У польских переселенцев сохранение этничности проявилось в форме домашнего обучения детей. Так, высланный ребенком вместе с родителями в Сибирь Т. Мончинский вспоминал: «В совхозе мы жили в бараке, где у каждой семьи была своя комнатка. Одна из комнат предназначалась под школу (красный уголок) для поляков. Моя мама обучала нас всем предметам. На молитву мы собирались именно в этой «школе» и молились под фигуркой Божьей Матери ...»²³.

Формы этнической самоорганизации могли иметь постоянный (религиозные объединения) и временный характер. Например, бывший спецпоселенец П.О. Годаев вспоминал, что, будучи студентом пединститута в начале 1950-х гг., он знал всех своих земляков, обучавшихся на разных факультетах этого вуза. «Время от времени калмыки собирались на праздники, мы все сбегались»²⁴.

Завершенность адаптационного процесса власть и спецпоселенцы понимали по-разному. Для партийно-государственных структур критериями успешности прохождения адаптации являлись выполнение выселенцами производственных заданий, обзаведение домом и подсобным хозяйством, активная общественная деятельность. Жизнь части «спецконтингентов» (выселенных в годы Второй мировой войны) в начале 1950-х гг. этим критериям частично удовлетворяла.

Для спецпоселенцев показателями адаптации могли выступать – признание трудовых заслуг, обеспечение удовлетворительных условий жизни семей, повышение рождаемости, развитие межкультурно-

го диалога в местном социуме. В отношении «старых» «спецконтингентов» можно говорить, что значительная часть вышеприведенных показателей была достигнута большей частью переселенцев к концу 1940 – началу 1950-х гг. По свидетельству сибиряков, больших различий в уровне жизни между немцами-спецпоселенцами и местными жителями в начале 1950-х гг. не существовало – «все жили бедно».

Вышеуказанные внешние формы приспособления к новой действительности не означали ее полного внутреннего принятия. Главной константой внутреннего сознания спецпоселенцев было возвращение на родину, в места выселения. Это четко прослеживалось у всех групп депортированных, вне зависимости от их срока пребывания на спецпоселении. «Спецпоселенцы настроены в основном уехать обратно на Украину, возвратиться в бывшую Польшу, надеясь на Англию, что она разобьет Германию и восстановит Польшу», – сообщалось в докладе Управления Енисейлага НКВД КК (1941 г.)²⁵. В середине 1955 г. ссыльные литовцы выражали подобные настроения в письмах к родственникам: «Мы ссыльные, живем в Сибири, в лесах. Уже 9 лет, как мы ждем помощи от всевышнего, чтобы вернули нам свободу, наши литовские поля, кладбища, где положили головы лучшие сыны Литвы, защищая свободу ...»²⁶. Немцы, не получив разрешения вернуться после реабилитации в Поволжье, на протяжении всех последующих десятилетий боролись за право восстановления своей автономии.

Находясь на спецпоселении, депортированные часто направляли в вышестоящие инстанции просьбы разобраться в их несправедливом наказании. В письме Сталину бывший начальник райотдела милиции из Калмыкии сетовал: «Не знаю и не понимаю, за что страдаю: я член ВКП(б), работал в органах милиции 8 лет. За собой ничего плохого не чувствую, но меня выслали страдать – не понимаю за что»²⁷. Обращения в высшие, региональные, местные органы власти показывают, что внутреннего принятия ситуации выселения у многих так и не произошло. Многие спецпоселенцы верили, что их выслали ошибочно (калмыки) или временно (немцы), и сохраняли надежду на восстановление прежнего (довоенного) положения. Учитывая внешние и внутренние составляющие адаптационного процесса, вряд ли можно говорить о его полной завершенности, так же как и судить об этом исходя только из внешних форм приспособления к новому социуму.

Обозначившееся несоответствие внутреннего самосознания и внешних форм приспособления свидетельствует о сохраняющейся эт-

нической доминанте в мировосприятии спецпоселенцев. В ходе климатической, производственной, языковой и т.д. адаптации расширились возможности социализации переселенцев, но при этом невеликовки их этнических констант не произошло.

Определенную роль в сохранении этнического самосознания играла полиэтническая культурная среда Сибири. Регион отличала не только малая заселенность, но и мировоззренческая терпимость населения, которое относилось к ссыльным с состраданием. Интересны в этом плане замечания самих спецпоселенцев. «А в Киргизии не дразнились, но иногда за спиной я слышала: она – дочь врагов народа. В Сибири на это не обращали внимания, потому что там было очень много ссыльных», – вспоминала бывшая спецпоселенка Л.А. Берденкова²⁸.

Мы не склонны идеализировать отношения сибиряков и спецпоселенцев, особенно в период расселения депортированных семей. До прибытия выселенцев отношение к ним не было положительным. Их представляли как «людоедов», «врагов народа», «чертей с рогами» и т.д. Немцы для сибиряков ассоциировались с фашистскими агрессорами, калмыки – с гитлеровскими пособниками. Не все сибиряки охотно брали выселенцев на подселение в свои дома. Очевидно, что и местное население нуждалось в культурной адаптации к новым соседям.

Межкультурный и межличностный диалог выстраивался на сибирской земле постепенно. По мере знакомства с депортированными семьями отношение местных жителей к ним менялось: «увидев, что это обыкновенные люди, да еще и мастеровые, да в массе своей трудолюбивые, стали оказывать им содействие»²⁹. Трудности военного времени сближали сибиряков и высланных. Взаимодействие спецпоселенцев и местных жителей было наиболее заметным на уровне межличностных контактов в быту и производственной сфере. Так, северяне научили переселенцев употреблять строганину, поскольку в условиях Крайнего Севера наличие в рационе питания белковой пищи увеличивало шансы для выживания. Были случаи, когда местные жители забирали к себе осиротевших детей спецпоселенцев, делились с голодающими семьями дефицитными хлебом и молоком. Многие морально поддерживали переселенцев, принимая репрессивную повседневность как норму, которая почти не воспринималась сознанием.

В процессе адаптации проходил этнокультурный взаимообмен местного населения и вынужденных переселенцев. Так, немцы приносили в русскую культуру хозяйственность, аккуратность, организо-

ванность, деловитость. Даже в сложных климатических условиях Крайнего Севера, куда немцы в составе других «спецконтингентов» были направлены для работы на рыбных промыслах, их отличали работоспособность, строгая дисциплина, обязательность. Возможно, поэтому в смешанных рыболовецких колхозах, образованных из «завезенного спецконтингента» (немцев, финнов, латышей и др.), немцы занимали большинство административных должностей.

Можно говорить о достаточно высоком уровне комплементарности сибирского социума, проистекающего, на наш взгляд, из сострадания и терпимости сибиряков к людям, направленным на спецпоселение. Ежи Левицкий – бывший воспитанник польского детского дома в Малой Минусе Минусинского района Красноярского края – с большой теплотой вспоминает о солдатской вдове, сибирячке тете Проне, которая в далеком 1942 г. спасла ему жизнь: «После смерти матери мы с братом решили убежать в Монголию. Услышали от кого-то, что там люди живут очень хорошо ... И уже обессиленных подобрала нас сибирячка тетя Проня». Она ласково приняла польских мальчишек и обрадовалась, когда узнала, что их отец воюет на фронте. Вместе с ними она молилась о здравии отца и возвращении его к детям³⁰. Это не единственный пример проявления феномена доброты сибиряков, обескровленных войной, но не утративших способности к состраданию чужим людям.

В жизненной практике были зафиксированы факты совместного проведения религиозных обрядов, праздников, получили распространение браки между ссыльными и местными жителями. Л.Н.Славина, исследовавшая социально-демографические и социокультурные последствия депортации и спецпоселения немцев, отмечает, что смешанные браки не имели широкого распространения. Тем не менее анализ разработочных таблиц Всесоюзной переписи 1959 г. позволяет считать, что как минимум 2,8% замужних немцев, проживающих в сельской местности Красноярского края, состояли в браке с мужчинами других национальностей, вероятнее всего – русскими³¹.

По мере развития межэтнического взаимодействия происходило сближение русских и иннациональных обрядов. Так, главные календарные праздники Рождество, Пасху, Троицу многие немцы-переселенцы стали отмечать дважды – по немецкому и русскому календарям³². Т.Б. Смирнова считает, что совместное проживание представителей разных религиозных общин привело к распростране-

нию религиозного синкретизма³³. Развивая это положение омской исследовательницы, можно предполагать, что взаимопроникновение религиозных культур явилось, в определенной мере, продуктом сибирской комплементарности.

В итоге толерантный сибирский социум можно оценить как фактор, способствующий адаптации.

Таким образом, адаптационные стратегии предполагали принятие внешних условий жизни в новом сообществе, а затем и интеграцию в социальную среду для обретения социального статуса. Начальный этап занимал, как правило, 1-2 года, социализация требовала большего времени и растягивалась на несколько лет. Внешнее приспособление не означало полной замены внутренних мировоззренческих констант, особенно у взрослой части спецпоселенцев. Лучше всего это видно у представителей прибалтийских «спецконтингентов», которые были вынуждены приспособливаться к новому климату, условиям труда и быту, но совсем не стремились к интеграции в сибирское сообщество.

Примечания к 2.4

¹ Культура и культурология: слов. / сост. и ред. А.И. Кравченко. М.: Акад. проект, 2003. С. 37.

² Блинова А.Н. Участие детей в обрядах и обычаях немцев Сибири // Немцы в Сибири: история, язык, культура: мат-лы междунар. науч. конф. г. Красноярск, 13 – 16 октября 2004 г. / отв. ред. В.А. Дятлова. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 93– 99.

³ ГАКК. Ф. Р. 1444. Оп. 1. Д. 8. Л.13.

⁴ Там же. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 40. Л. 13.

⁵ Там же. Ф. Р. 1383. Оп. 1. Д. 259. Л. 51.

⁶ Там же. Л. 62, 82об.

⁷ Там же. Д. 646. Л. 16.

⁸ У каждого своя Сибирь. Два рассказа о депортации калмыков URL: [http // www.elzabair.ru/cntnt/lmemu/stati/af.html](http://www.elzabair.ru/cntnt/lmemu/stati/af.html)

⁹ Низкий поклон тебе, Проня! URL: [http // www.memorial.krsk.ru](http://www.memorial.krsk.ru).

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 489. Л. 7, 27, 38; Из истории земли Томской. 1940 – 1956. Невольные сибиряки ... С. 270.

¹¹ Ряннель Т.В. Незванный гость. Художник о себе и своем времени: роман в рассказах. Красноярск: Платина, 1998. С. 206–208.

¹² Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 356.

¹³ Сарнова В.В. Принудительные миграции населения ... С. 175.

- ¹⁴ Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении ... С. 104.
- ¹⁵ ГАКК. Ф. П. 26. Оп. 3. Д. 105. Л. 8.
- ¹⁶ Бруль В.И. Депортированные народы в Сибири (1935 – 1965). Сравнительный анализ// Репрессии против российских немцев. Наказанный народ (по материалам конф. 18–20 ноября 1999 г.). М.: Звенья, 1999. С. 112.
- ¹⁷ Лысенко И.С. Экспозиционный проект «На переломах времен. История и культура российских немцев» как пример социально направленного международного партнерства // Немцы в Сибири: история, язык, культура: мат-лы междунар. науч. конф. г. Красноярск, 13 – 16 октября 2004 г. / отв. ред. В.А. Дятлова. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 108 – 109; Бичеев Б.А. Мифолого-религиозные основы формирования этнического сознания калмыков: дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2005. С. 322.
- ¹⁸ У каждого своя Сибирь. Жизнь калмыков в Средней Азии. URL: http://www.elzabair.ru/cntnt/lmemu/stati/u_kazhdogo.
- ¹⁹ ГАКК. Ф.Р. 2384. Оп. 1. Д. 105. Л. 2 – 3.
- ²⁰ Там же. Д. 120. Л. 6.
- ²¹ ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 642. Л. 177.
- ²² ГАКК. Ф. П. 26. Оп. 29. Д. 4. Л. 15, 24об.
- ²³ Томчак Р. Традиционные системы ценностей и их влияние на выживание в условиях лагерей и ссылки // Сибирь в истории и культуре польского народа: пер. с пол. М.: Ладомир, 2002. С.467.
- ²⁴ У каждого своя Сибирь. Два рассказа о депортации калмыков. URL: [http // www.elzabair.ru/cntnt/lmemu/stati/af.html](http://www.elzabair.ru/cntnt/lmemu/stati/af.html).
- ²⁵ Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР ... С. 9.
- ²⁶ Из письма Станкевичуса Игнаса. См.: ГАКК. Д. 26. Оп. 30. Д. 2. Л. 328.
- ²⁷ Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение ... С. 72.
- ²⁸ У каждого своя Сибирь. Жизнь калмыков в Средней Азии. URL: [http // www.elzabair.ru/cntnt/lmemu/stati/u_kazhdogo](http://www.elzabair.ru/cntnt/lmemu/stati/u_kazhdogo).
- ²⁹ Оберман В.Я. О моих земляках и немного о себе. Красноярск:Офсет, 2000. С. 59.
- ³⁰ Низкий поклон тебе, Проня! URL: [http // www.memorial.krsk.ru](http://www.memorial.krsk.ru).
- ³¹ Славина Л.Н. Немцы в Красноярском крае (некоторые итоги демографического и социокультурного развития в условиях спецпоселения) // Немцы России и СССР (1900–1941 гг.): мат-лы междунар. науч. конф. М.: Готика, 2000. С. 514.
- ³² Евменова Л.Н. Вклад немцев в развитие культуры Сибири. Красноярск: Изд-во СФУ, 2009. С. 184.
- ³³ Смирнова Т.Б. Немецкое население в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспоральной группы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2009. С. 25.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение спецпоселенческих групп, направленных в Сибирь в 1940 – начале 1950-х гг., позволяет сделать следующие выводы.

В указанный период продолжала формироваться пространственная картина спецпоселения в Сибирском регионе, создание которой связано с появлением «кулацкой» ссылки 1930-х гг. В 1940-е гг. спецкомендатуры в Сибири стали быстро распространяться в северном и восточном направлениях, достигая районов Крайнего Севера. Спецссылка стала фактором дальнейшей колонизации региона. Приоритетное размещение «спецконтингентов» в послевоенный период в малоосвоенной (по сравнению с Западной) Восточной Сибири свидетельствует об углублении этого процесса.

Пространство спецпоселений расширялось и по причине высокой искусственной мобильности спецпоселенцев. Их повторные принудительные перемещения внутри регионов расселения и за их пределы диктовалась, главным образом, возникавшей потребностью в рабочей силе различных предприятий, испытывавших большой «кадровый голод» (особенно в годы войны).

Анализ социального состава переселенцев, депортированных в послевоенный период, показал, что основанием для высылки большинства из них была «нелояльность» к советской власти. Значительная часть депортаций производилась с присоединенных к СССР западных территорий. Таким образом, ссылка во второй половине 1940 – начале 1950-х гг. утрачивала чисто этнические черты, приобретая в большей степени социально-политическое наполнение.

Направленные в ссылку социальные и национальные группы имели много общего в своей судьбе, начиная от организованных акций по их принудительному выселению и заканчивая трудным приспособлением к суровым сибирским климатическим условиям, сложной профессиональной и бытовой адаптацией. Почти все прибывшие семьи поступали под надзор спецкомендатур. С этого момента НКВД-МВД СССР становился для депортированных людей главным распорядителем их судьбы. Надо признать, что деятельность спецкомендантов в целом способствовала адаптации спецпоселенцев на новом месте жительства, но главным мотивом деятельности «попечителей» было выполнение государственного задания по закреплению переселенцев, а не защита их конституционных прав и свобод.

Большую роль в определении строгости режима содержания переселенцев играли политико-идеологические мотивы их выселения. Наиболее опасных в идеологическом отношении осадников и ссыльнопоселенцев из Прибалтики изолировали в спецпоселки, советских немцев и калмыков расселяли среди местного населения.

Попав в поле действия спецпоселенческого механизма, переселенцы теряли свой прежний социальный и правовой статус. Они не могли без участия спецкоменданта решить вопросы своего трудоустройства, доступа к медицинским и образовательным услугам, поскольку были лишены свободы передвижения. «Прикрепленность» к месту выселения и вытекающая из этого неспособность реализовать свои социальные права определяли специфику статуса спецпоселенцев, отделявшую их от остального «правового» и «неправового» населения. Сложившиеся в ходе формирования системы спецпоселения особенности «правового» статуса высланных групп позволяют говорить о своеобразии социального положения спецпоселенцев, видеть в них отличную от остального населения социальную группу, занимавшую свое место в сложившейся иерархии советского общества.

При изучении Сибирского региона прослеживается взаимосвязь роста числа спецпоселенцев и эволюции системы спецпоселений. По мере увеличения «спецконтингентов» система совершенствовалась в организационном и правовом отношениях, достигнув пика своего развития в конце 1940-х гг.

Приток многочисленных «спецконтингентов» стал важным фактором в поддержании трудового потенциала Сибирского региона в годы Великой Отечественной войны. В дальнейшем рост числа спецпоселенцев способствовал развитию важнейших отраслей экономики – лесной, угольной, золотодобывающей, рыбодобычи и сельского хозяйства.

Экономика региона, как и страны в целом, в послевоенный период продолжала развиваться экстенсивно. Мобилизационный принцип выполнения государственных планов любой ценой, вне зависимости от демографических характеристик и квалификации рабочей силы был определяющим на производстве для всего трудоспособного населения страны, в том числе и для спецпоселенцев. Эффективность использования постоянно прибывавших контингентов не являлась критерием при их трудоустройстве. Производительность труда спец-

поселенцев в первые годы депортации была низкой. По мере освоения новых профессий они становились активными участниками производственного процесса – среди переселенцев было немало передовиков, ударников труда, перевыполнявших плановые задания. К середине 1950-х гг. трудовые заслуги многих спецпоселенцев были признаны.

Провозглашая социальное равенство, Советское государство в реальности всегда проводило дифференцированную политику в отношении разных социальных групп. Спецпоселенческая система лишь подтверждала эти общие направления действительной политики. Основанием для дифференциации, на наш взгляд, служили возраст переселенцев, их политическая благонадежность и лояльность власти. Наибольшую заинтересованность государство проявляло в отношении детей спецпоселенцев, рассчитывая на их быструю языковую и социальную адаптацию и политическую лояльность в будущем. Старшее поколение вынужденных переселенцев, не представлявшее интереса для государства, находилось на спецпоселении в самом бедственном положении, социальные гарантии государства касались стариков в последнюю очередь.

По признанию многих спецпоселенцев, Сибирь для них стала «второй Родиной». Но их приспособление к новым условиям жизни было весьма болезненным в первые годы депортации. «Адаптационный синдром» привел в действие защитные механизмы этнических групп, которые выражались, с одной стороны, в самоидентификации и самоорганизации переселенцев, с другой – в приспособлении к условиям существования в новом социуме. В условиях несвободы действие адаптационных стратегий определялось не столько внутренними, сколько внешними факторами – присутствием государственного патернализма и степенью комплементарности местного социума. Толерантность сибиряков можно рассматривать как фактор, ускорявший адаптацию. Проявление толерантного отношения к спецпоселенцам способствовало установлению диалога культур, развитию этнического взаимодействия в сибирском социуме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алферова И.В. Государственная политика в отношении депортированных народов (конец 30-х – 50-е гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. 197 с.
- Белковец Л.П. Нарымская эпопея немцев Поволжья в 1941–1955 гг. // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М.: Готика, 1998. С. 284–314.
- Белковец Л.П. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941 – 1955 гг.: Историко-правовое исследование. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 359 с.
- Бердинских В.А. Спецпоселенцы: Политическая ссылка народов Советской России. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 768 с.
- Бичеев Б.А. Мифолого-религиозные основы формирования этнического сознания калмыков: дис. ... д-ра филос. наук. Ставрополь, 2005. 322 с.
- Блинова А.Н. Участие детей в обрядах и обычаях немцев Сибири // Немцы в Сибири: история, язык, культура: мат-лы междунар. науч. конф. г. Красноярск, 13 – 16 октября 2004 г. / отв. ред. В.А. Дятлова. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В. П. Астафьева, 2005. С. 92–99.
- Бруль В.И. Депортированные народы в Сибири (1935–1965 гг.). Сравнительный анализ // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ (по мат-лам конф. 18–20 ноября 1999 г.). М.: Звенья, 1999. С. 95–117.
- Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию ...». М.: АИРО – XX, 1995. 265 с.
- Бугай Н.Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М.: Наука, 2006. 271 с.
- Вольтер Г. Зона полного покоя: российские немцы в годы войны и после нее; свидетельства очевидцев. М.: Варяг, 1998. 416с.
- Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М.: Наука, 1992. 255 с.
- Герман А.А. Немецкая автономия на Волге: 1918 – 1941. Ч. II. Автономная республика. 1924 – 1941. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1994. 416 с.
- Гильди Л.А. Расстрелы, ссылки, мучения. СПб., 1996. 311 с.

- Годаев П.О. Боль памяти. Элиста: Джангар, 1999. 352 с.
- Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в СССР в 1940 – 1941 гг. URL: http://www.Memo.Ru/history/POLAcy/g_1.htm.
- Гурьянов А.Э. Масштабы депортаций населения в глубь СССР в мае – июне 1941 г. URL: http://www.Memo.Ru/history/POLAcy/g_1.htm.
- Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в Сибири (1940–1941) // Сибирь в истории и культуре польского народа: пер. с пол. М.: Ладомир, 2002. С. 368–375.
- Гучинова Э.–Б.М. Вынужденное переселение и этническое самосознание (на примере этнополитической истории калмыков в XX веке): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 56 с.
- Депортации народов СССР (1930-е – 1950-е годы). Ч. 2. Депортация немцев, сентябрь 1941 – февраль 1942 гг.) / сост. О.Л. Милова. М., 1995. 247 с.
- Евменова Л.Н. Вклад немцев в развитие культуры Сибири. Красноярск: Изд-во СФУ, 2009. 285 с.
- Зезина М.Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945–1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127–136.
- Земсков В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльные, высланные // История СССР. 1991. №5. С. 151–165.
- Земсков В.Н. Принудительные миграции из Прибалтики в 1940–1950-х годах // Отечественные архивы. 1993. №1. С. 4–19.
- Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2003. 306 с.
- Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109–125.
- Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940 – 1953. М.:РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 351 с.
- Из истории земли Томской. 1940 – 1956. Невольные сибиряки: сб. док. и мат-лов. Томск: Водолей, 2001. 349 с.
- Иосиф Сталин – Лаврентию Берия: «Их надо депортировать ...»: док., факты, коммент. / вступ. ст., сост., послесл. Н. Бугай. М.: Дружба народов, 1992. 288 с.
- Исаков К. 1941 г.: другие немцы. Была ли в Поволжье «пятая колонна» // Новое время. 1990. № 17. С. 36–39.
- История республики немцев Поволжья в событиях, фактах, документах / вступит. ст., сост. А.А. Герман. М.: Готика, 1996. 320 с.
- История российских немцев в документах (1763–1992 гг.) // сост. В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. М.: МГУП, 1993. Т. 1. 445 с.

История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920 – первая половина 1950-х годов: собр. док.: в 7 т. Т.5. Спецпереселенцы в СССР / отв. ред. и сост. Т.В. Царевская-Дякина. М.: РОССПЭН, 2004. 824 с.

Конев Е.В. Немцы в Западной Сибири в 1940–1990-е гг. (на материале Кемеровской, Новосибирской и Томской областей): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2002. 22 с.

Концепция государственной национальной политики Российской Федерации и Вооруженные Силы (материалы парламентских слушаний): изд-е Государственной Думы РФ. М., 1998.

Красильников С.А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М.: РОССПЭН, 2003. 288 с.

Красильников С.А. На изломах социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х гг.) URL: [http // http://www.zaimka.ru/](http://www.zaimka.ru/)

Красильников С.А., Саламатова М.С., Ушакова С.Н. Корни или щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири (1930-е – начало 1950-х гг.). Новосибирск: Изд. дом «Сова», 2008. 392 с.

Красноярск и красноярцы. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1978. 511 с.

Красноярский край в истории отечества. Кн. вторая. 1917–1940: хрестоматия для учащихся ст. классов средних школ. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 1996. 272 с.

Красноярский край в истории Отечества. Кн. третья. 1941–1953: хрестоматия для учащихся ст. классов средних школ. Красноярск: Краснояр. кн. изд-во, 2000. 448 с.

Культура и культурология: слов. / сост. и ред. А.И. Кравченко. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 928 с.

Курочкин А.Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы ВОВ (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1998. 210 с.

Курочкин А.Н. Трудармейские формирования из граждан СССР немецкой национальности в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1998. 19 с.

Леончик С.В. Польский детский дом в селе Малая Минуса Красноярского края // Люди и судьбы. XX век: тез. докл. и сообщ. науч. конф. (Красноярск, 30 октября 2003 г.). Красноярск: КЛАРЕТИАНУМ, 2003. С. 96–100.

- Лубянка. ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – ГКБ 1917 – 1960: справ. / сост., введ. и прим. А.И. Кокурина, Н.В. Петрова. М.: Междунар. фонд «Демократия», 1997. 352 с.
- Лысенко И. С. Экспозиционный проект «На переломах времен. История и культура российских немцев» как пример социально направленного международного партнерства // Немцы в Сибири: история, язык, культура: мат-лы междунар. науч. конф. г. Красноярск, 13–16 октября 2004 г./ отв. ред. В.А. Дятлова. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 107 – 110.
- Майер Р.А. Судьба российского немца: семейная хроника. Ч. 1. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. 356 с.
- Маламуд Г.Я. Мобилизованные немцы на Урале в 1942 – 1948 гг. // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ (по мат-лам конф. 18 – 20 ноября 1999 г.). М.: Звенья, 1999. С. 128–145.
- Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е гг.). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 456 с.
- Мезит Л.Э. История Красноярского края (1917–1940 гг.): учеб. пособие. Красноярск: РИО КГПУ, 2001. 108 с.
- Михалев С.Н. Людские потери в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: стат. исследование. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. 144 с.
- «Мобилизовать немцев в рабочие колонны ... И. Сталин»: сб. док. (1940-е годы) / сост., предисл., коммент. д-ра ист. наук, проф. Н.Ф. Бугая. 2-е изд. М.: Готика, 2000. 352 с.
- Народы Западной и Средней Сибири: Культура и этнические процессы / Ш.К. Ахметова, О.М. Бронникова, М.А. Жигунова [и др.]. Новосибирск: Наука, 2002. 325 с.
- Оберман В.Я. О моих земляках и немного о себе. Красноярск: Офсет, 2000. 139 с.
- Ряannelь Т.В. Незванный гость. Художник о себе и своем времени. Красноярск: Платина, 1998. 751 с.
- Парсаданова В.С. Депортации населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. №2. С. 26–44.
- Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы 1940–1950-е гг. / под ред. д-ра ист. наук В. Дмитриенко. М.: Терра, 1994. 800 с.
- Полиция и милиция России: страницы истории / сост. А.В. Борисов, А.Н. Дугин. М.: Наука, 1995. 256 с.

Полян П.М. Не по своей воле ... (история и география принудительных миграций в СССР). О.Г.И. «Мемориал». М., 2001. 327 с.

Ремпель П.Б. Депортация немцев из европейской части СССР и трудармия по «совершенно секретным» документам НКВД СССР 1941 – 1944 гг. // Российские немцы: проблемы истории, языка и современного положения. М.: Готика, 1996. С. 69–97.

Саганова Л.П. Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941–1956 гг.): автореф. дис... канд. ист. наук. Иркутск, 2001. 24 с.

Сарнова В.В. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 288 с.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М.: Республика, 1993. 223 с.

Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий: в 2 ч. Курск: ГУИПП «Курск», 1999.

Сборник нормативных актов органов государственной власти и управления об уголовной ответственности за преступления и освобождения от наказания. М., 1968. 172 с.

Свеча памяти. Таймыр в годы репрессий. Воспоминания. Дудинка: Изд. дом «КП плюс», 2006. 104 с.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863.

Сибирь в истории и культуре польского народа: пер. с пол. М.: Ладомир, 2002. 568 с.

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923 – 1960: справ. / О-во «Мемориал», ГАРФ / сост. М.Б. Смирнов; под ред. Н.Г. Охотина, А.Б. Рогинского. М.: Звенья, 1998. 600 с.

Славина Л.Н. Немцы в Красноярском крае (некоторые итоги демографического и социокультурного развития в условиях спецпоселения) // Немцы России и СССР (1900–1941 гг.): мат-лы междунар. науч. конф. М.:Готика, 2000. С. 503–516.

Славина Л.Н. Социально-демографические последствия депортации (на примере Красноярского края) // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 34–39.

Славина Л.Н. Немцы в Красноярском крае: социально-демографическое развитие в XX веке // Немцы в Сибири: история,

- язык, культура: мат-лы междунар. науч. конф., г. Красноярск, 13–16 октября 2004 г. Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 76–82.
- Смирнова Т.Б. Немецкое население в конце XIX – начале XXI века: формирование и развитие диаспоральной группы:): автореф. дис. ... д-ра ист.наук. Омск, 2009. 35 с.
- Ссылка калмыков: как это было: сб. док. и мат-лов. Т. 1. Кн. 2. Элиста: Калмыц. кн. изд-во, 2001. 38 с.
- Судьба российских немцев. Коллективная исповедь в письмах / сост., общ. ред. и введение Т. Илларионовой. М.: Готика, 1993. 345 с.
- У каждого своя Сибирь. Два рассказа о депортации калмыков URL: [http //www.elzabair.ru](http://www.elzabair.ru).
- Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение 1943–1957 гг. – Элиста: Санан, 1991. 95 с.
- Уголовный кодекс РСФСР. М.: Госюриздат, 1956. 223 с.
- Чеботарева В.Г. Государственная национальная политика в Республике немцев Поволжья 1918–1941 гг. М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 1999. 462 с.
- Чевардин А.В. Поляки в Свердловской области в 1939 – конце 1940-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2009. 24 с.
- Чернова Т.Н. Проблема политических репрессий в отношении немецкого населения в СССР (обзор отечественной историографии) // Репрессии против российских немцев. Наказанный народ. М.: Звенья, 1999. С.261 – 278.
- Шадт А.А. Спецпоселение российских немцев в Сибири (1941 – 1955): дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2000.
- Шадт А.А. Правовой статус российских немцев в СССР (1940–1950-е гг.) // Немцы России и СССР (1900–1941 гг.). М.: Готика, 2000. С. 287–311.
- Шадт А.А. Этническая ссылка в Сибири как инструмент советской национальной политики (1940–1950-е гг.) // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. С. 224–248.
- Шевченко В.Н. Сибирский арсенал Победы. Становление и развитие оборонной промышленности Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2008. 448 с.
- [www. memorial. krsk. ru](http://www.memorial.krsk.ru).
- Ciesielski S., Hryciuk G., Srebrakowski A. Masowe deportacje radzieckie w okresie II wojny swiatowej. Wroclaw, 1994. 231 s.

David F. Dallin and Boris Nikolaevsky Forced Labor in Soviet Russia. New Haven, 1947; Conguest R. Soviet deportations of nationalities. London, 1960; Hoffman J. Deutsche und Kalmyken 1942–1945. Freiburg, 1974.

Deportation, Sondersiedlung, Arbeitsarmee. Deutsche in der Sowjetunion 1941 bis 1956 // Herausgegeben von Alfred Eisfeld und Victor Herdt. Koln, 1996. 555. s.

1941–1952 METU LIETUVOS TREMTINIAI. Prima Knyga. Vilnius, 1993.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1 – Численность национальных контингентов, мобилизованных в «трудовую армию» в Красноярском крае (1942–1943 гг.), чел. *

Район	Русские	Немцы	Украинцы	Белорусы	Татары	Эстонцы	Латыши	Поляки	Литовцы
Балахтинский	284	319	19
Боготольский	1407	1278	7	1	30	...	13	39	2
Большемуртинский	113	196	2	...	3
Емельяновский	42	38	1	...	1
Ермаковский	989	10	25	23	21	...	7
Идринский	363	211	6	1	...	1
Ирбейский	1042	1045	40	10	7	30	...	9	...
Казачинский	286	...	3	5	98	1	...
Каратузский	452	63	4	18
Курагинский	3704	4	43	8	3	2	1	2	...
Манский	18	81	1
Тасеевский	208	607
Тюхтетский	82	112
Ужурский	461	1	13	2	10	5	...
Эвенкийский	63
Всего по краю	9514	3965	144	27	152	74	36	74	28

* Составлено по сведениям райвоенкоматов Красноярского края.

Таблица 2 – Половозрастной состав национальных контингентов, мобилизованных в «трудовую армию» в Красноярском крае (1942 – 1943 гг.)*, чел.

Национальность	Мужчины		Женщины	
	Всего	В т.ч. до 18 лет	Всего	В т.ч. до 18 лет
Русские	6926	115	873	140
Немцы	2692	405	954	273
Украинцы	106	2	8	3
Белорусы	20	–	2	–
Татары	50	–	1	–
Эстонцы	41	1	10	–
Латыши	14	–	1	–
Поляки	73	1	1	–
Литовцы	15	1	6	–
Всего	9937	525	1856	416

* Составлено по сведениям райвоенкоматов Красноярского края.

**Таблица 3 – Расположение спецпоселков осадников
в Красноярском крае (на 1. 01. 1941 г.)***

Район	Название спецпоселков	В них осадников	
		Семей	человек
1	2	3	4
Удере́йский	Ильинский	94	443
	Аяхта	48	216
	Южная Кадра	57	261
	Еруда	48	252
	Вангаш	46	231
	Кировский	115	431
Енисейский	Енисейский лесозавод	83	399
	Маклаковский	50	231
Северо-Енисейский	Тея	139	584
	Викторовский	55	262
	Немунь	105	495
Емельяновский	Стеклозавод	56	293
Советский	Береть	31	164
	Приисковый	25	115
	УК	68	309
	Брод	35	186
	Ярлыковка	16	74
	Картун	24	115
Казачинский	Пискуновка	59	264
Манский	М-Унгут	44	245
	Пимия	77	364
	Черемушка	139	641
	Муртук	30	125
	Орешины	75	419
Партизанский	Б-Вилистово	73	343
Саянский	В-Мана	40	201
Даурский	Поперечка	182	768
	Тюбиль	140	538
Боградский	11-й квартал	32	124
	В-Туим	48	237
Ширинский	Ударный	32	150
	Тургуял	29	78
	Электростан	28	132
	Шипилинск	17	134
Саралинский	Ивановский	37	187
	Целищево	6	37
	Андреевский	34	185
	Кужня	106	448

Окончание табл. 3

1	2	3	4
Абанский	Почет	65	264
	Тулень	56	229
	Понакачет	66	312
	Борзово	80	331
Н.-Ингашский	Табагашет	89	421
	Межгранное	66	393
	Чистая Елань	46	217
Тасеевский	Тасеевский	51	281
	Инвалидный и детский дом	–	29
Всего по краю	-	2901	13532

* Составлено по: ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 61. Л. 42 – 44.

Таблица 4 – Занятость мобилизованных немцев на предприятиях Красноярского края (на 1. 10. 1943 г.)*

Ведомственная принадлежность предприятий	Характер работ	Количество мобилизованных	В том числе	
			муж.	жен.
Наркомлес	Лесоразработки, лесозаводы	523	224	299
Наркомуголь	Шахты	7	2	5
Наркомстрой	Строительство «Сахарозавода», з-д «Дубитель»	27	7	20
Военстрой	Электростанция, Канск	80	76	4
Всего		637	309	328

* Составлено по: ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 135. Л. 106.

Таблица 5 – Национальный состав членов колхозов Туруханского Межрайрыбколхозсоюза (1943 – 1944 гг.)*, чел.

Колхоз	Русские (чел.)		Немцы (чел.)		Финны (чел.)		Латыши (чел.)		Греки (чел.)		Калмыки (чел.)	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Имени Сталина	13	16	27	58	–	–	–	–	–	–	–	–
Спартак	11	27	10	20	–	–	–	4	–	–	–	–
Труженик	12	15	2	9	1	6	–	–	–	–	–	–
2-я пятилетка	2	15	13	38	–	–	–	–	6	21	–	–
Восток	4		20	41	2		2		4	8	3	

1	2	3	4	5	6	7
Заполярье	2	25	–	–	225	–
Полярная звезда	15	75	–	17	–	–
Комсомолец	9	58	–	–	–	–
Красный Октябрь	1	80	16	7	–	–
Родина	–	17	11	8	37	
Рыбак	78	13	47	15	–	6
Буденовец	91	94	5	9	–	43
Луч	2	40	–	–	–	–
1-Мая	19	10	– 4	4 –		
Всего	332	650	92	66	301	52

* Составлено по: ГАКК. Ф. Р. 1445. Оп. 1. Д. 28. Л. 96, 98, 103 – 104, 113, 118, 124 – 126; Д. 21. Л. 131; Д. 15. Л. 16 – 18 об.; Д. 29. Л. 43; Д. 12. Л. 17; Оп. 2. Д. 5. Л. 31, 68; Д. 7. Л. 13 – 14, 1 – 10; Д. 6. Л. 11.

**Таблица 6 – Национальный состав членов колхозов
Таймырского Рыбаксоюза (1944 г.)***

Район	Кол-во хоз-в	Ненцы	Соха	Нганасаны	Эвенки	Русские	Немцы	Латыши	Финны	Калмыки	Якуты
Дудинский											–
Всего	619	41	16	–	56	63	437	3	3	–	–
В т.ч. рыболов.	574	41	16	–	12	62	437	3	3	–	–
Усть-Енисейский											–
Всего	939	273	20	32	–	145	382	8	49	30	–
В т.ч. рыболов.	719	110	–	–	–	140	382	8	49	30	–
Хатангский											
Всего	575	–	280	177	–	–	46	–	–	–	72
В т.ч. рыболов.	575	–	280	177	–	–	46	–	–	–	72
Авамский											–
Всего	322	–	247	43	23	–	–	–	–	–	9
В т.ч. рыболов.	136	–	128	–	–	–	–	–	–	–	8
По Рыбаксоюзу											
Всего	2455	314	563	252	79	208	865	11	52	30	81
В т.ч. рыболов.	2004	151	424	177	12	202	865	11	52	30	80

* Составлено по: ГАКК. Ф. Р. 1444. Оп. 1. Д. 5. Л. 17.

Таблица 7 – Валовой доход «старых» национальных и вновь организованных хозяйств Таймырского РКС (1943 – 1944 гг.)*

Район	1943 г.			1944 г.		
	Нац. колхоз, руб.	Вновь орг. хоз- ва		Нац. кол- хоз, руб.	Вновь орг. хоз.	
		руб.	% к нац. хоз.		руб.	% к нац. хоз.
	4320	1166	27,0	5300	1483	27,9
2. Усть-Енисейский	4980	1522	32,0	5340	1635	33,7
3. Хатангский	3780	1296	46,7	4160	2873	69,3
Итого по округу	4000	1345	33,0	4692	1636	34,8

* Составлено по: ГАКК. Ф. Р. 1444. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.

Таблица 8 – Выполнение производственных планов по развитию рыбного промысла в районах Таймырского округа (1943 – 1944 гг.)*

Район	Национальные колхозы			Вновь организо- ванные колхозы			Всего		
	План	Факт	%	План	Факт	%	План	Факт	%
1943 г.									
1. Дудинский	4100	3508	85,5	1350	948	70,2	5450	4456	81,7
2. Усть-Енисейский	11000	9478	86,1	17750	5620	31,6	28750	15098	52,5
3. Хатангский	9000	6884	76,4	250	159	63,6	9250	7043	76,1
4. Авамский	3100	2748	88,6	—	—	—	3100	2748	88,6
Всего	27200	22618	83,1	19350	6727	34,7	46550	29345	63,0
1944 г.									
1. Дудинский	3850	3359	87,2	1400	1241	88,6	5250	4600	87,6
2. Усть-Енисейский	10600	6904	65,1	10500	6496	61,8	21100	13400	63,5
3. Хатангский	8900	5557	62,4	600	720	120,0	9500	6277	66,0
4. Авамский	3370	1723	51,1	—	—	—	3370	1723	51,1
Всего	26720	17543	65,6	12500	8457	67,6	39220	26000	66,2

* Составлено по: ГАКК. Ф. Р. 1444. Оп. 1. Д. 24. Л. 107 – 108.

**Таблица 9 – Количество немецких детей, подлежащих устройству
в детские дома (ноябрь 1942 г.), чел.***

Район	Количество детей в возрасте			Всего
	3 – 7 лет	8 – 11 лет	12 – 15 лет	
1. Рыбинский	11	3	3	17
2. Уярский	46	19	13	78
3. Манский	19	7	3	29
4. Канский	67	30	24	121
5. Березовский	36	28	34	98
6. Иланский	11	4	3	18
7. Ужурский	6	–	2	8
8. Бейский	14	5	7	26
9. Краснотуранский	70	38	34	142
10. Усть-Абаканский и Абаканский	13	6	3	22
11. Ермаковский	7	2	1	10
12. Шарыповский	9	7	10	26
13. Идринский	49	19	13	81
14. Емельяновский	96	79	97	272
15. Тюхтетский	1	–	–	1
16. Ширинский	3	–	–	3
17. Минусинский	2	1	1	4
18. Нижне-Ингашский	60	14	13	87
19. Балахтинский	51	19	15	85
Всего	571	281	276	1128

* Составлено по: ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 64. Л. 8.

**Таблица 10 – Охват обучением детей поляков-осадников,
(1940 – 1941 гг.), чел.***

Класс	Уче но детей	Из них					
		посе- щают школу	не по- сещают школу	В т.ч.			
				по бо- лезни	матер. не обеспеч.	не отпуск род-ли	проч. прич.
	На 15 IX 1940 г.						
1 – 4	220	75	145	21	50	42	32
5 – 7	75	–	75	15	30	18	12
8 – 10	15	–	15	–	5	4	6
Всего	310	75	235	36	85	64	60
	На 1VI 1941 г.						
1 – 4	210	107	103	21	57	16	9
5 – 7	70	29	41	7	24	4	6
8 – 10	14	–	14	–	6	5	3
Всего	294	136	158	28	87	25	18

*Составлено по: ГАКК. Ф. Р. 1383. Оп. 1. Д. 259. Л. 51.

Таблица 11 – Количество спецпоселенцев и ссыльных, состоявших на учете (на 1. 01. 1957 г.)*

«Спецконтингенты»	Состояло на спецучете в МВД СССР (чел.)	В т.ч. в УМВД Красноярского края
Всего спецпоселенцев	211408	41731
Из них:		
выселенные в 1941 г.	13954	2481
Из них:		
из Латвии	2452	1985
из Литвы	3141	251
из Эстонии	1849	31
из Молдавии	3901	33
из западных областей УССР	2606	181
из западных областей БССР	5	–
Оуновцы (1944 – 1952 гг.)	90653	3224
из Литовской ССР	39839	16978
из Латвийской ССР	13117	139
из Эстонской ССР	8729	2474
Кулаки, выселенные в 1948–1952 гг.	22298	7338
Из них:		
из Измаильской области (1948 г.)	683	–
из Литовской ССР (1951 г.)	19920	7223
из западных областей УССР (1951 г.)	1043	111
из БССР (1952 г.)	652	4
Выселенные из Молдавской ССР (1949 г.)	8827	13
Иеговисты, выселенные в 1951 г.	6393	410
Бывшие военнослужащие армии Андерса, выселенные в 1951 г.	1854	51
Сектанты «ИПХ»	530	93
Выселенные по Указу 02.06.1948 г.	2221	93
Выселенные по Указу 27.07.1951 г.	1725	1324
Выселенные из Псковской области в 1950 г.	314	304
Выселенные в 1954 г. по указу КГБ и Прокуратуры СССР члены семей «бериевцев»	26	6
Дашнаки, выселенные в 1949 г.	355	5
Всего ссыльных	4181	2057
В т. ч.:		
дополнительная ссылка	3980	1935
основная ссылка	201	122
Всего состоит на учете	215589	43789

* Составлено по: ГАРФ. Ф. Р. 9479. Оп. 1. Д. 925. Л. 148.

Таблица 12 – Размещение в Сибири переселенцев, депортированных из европейской части СССР (1940 – 1944 гг.)*

«Спецконтингент»	Основание для выселения	Год вселения	Численность в Сибири (тыс. чел.)	
			Всего	В т.ч. в Краснояр. крае
1	2	3	4	5
Польские спецпереселенцы-осадники	Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П9/158 от 4.12.1939 и Постановление СНК СССР № 2010–558сс от 5.12.1939 г.	1940	42500	15538
Польские спецпереселенцы-беженцы	Решение Политбюро ЦК ВКП(б) № П13/114 и Постановление СНК СССР № 289–127сс от 2.03.1940 г.	1940	29000	1459
Ссылнопоселенцы из УССР и БССР	Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР № 1299–526сс от 14.05.1941 г.	1941	31474	10150
Ссылнопоселенцы из Прибалтики	«Выселение произвести по распоряжению тов. Берии от 14.06.1941 г.»	1941	18752	8169
Немцы из АССР НП и др. районов страны*	Указ Президиума Верховного Совета СССР № 21 – 160 от 28.08.1941 г. и др.	1941	369019	77259
Немцы из Ленинграда и области	Постановление Военного совета Ленинградского фронта №196 от 26.08.1941г., и № 001714 от 20.03.1942 г.	1942	18895	18895
Финны и ингерманландцы из Ленинграда и области	//–//–//	1942	29706	17837
Греки из Краснодарского края и Ростовской области	Постановление ГКО № 1828сс от 29.05.1942 г.	1942	3565	3565
Калмыки из Калмыцкой АССР	Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27.12.1943 г.	1944	90715	24998

1	2	3	4	5
«Фольксдойче»	Указание НКВД СССР от 7.01.1944 г.	С 1944	2000	2000
«Оуновцы»	Приказ НКВД СССР № 122 от 31.03.1944 г.	С мая 1944	5734	2113
Всего			181983	641360

*Составлено по: Гурьянов А.Э. Польские спецпереселенцы в Сибири (1940 – 1941 гг.) // Сибирь в истории и культуре ... С. 369 – 370; Пасат В.И. Трудные страницы истории Молдовы ... С. 180, 195; Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР (1930 – 1959 гг.) ... С. 91; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину ... С. 36; Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину «Их надо депортировать ...» ... С. 43, 208; Убушаев В.Б. Калмыки: выселение и возвращение 1943–1957 гг. ... С. 58; Земсков В.Н. Спецпоселенцы (1930 – 1959 гг.) ... С. 159; ГАКК, Ф. Р. 1386. Оп. 4. Д. 71. Л. 123; Справка НКВД СССР от 1/1 – 1945 г. ... // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 110.

* Сведения по немцам-переселенцам приведены по данным на ноябрь 1941 г.

Таблица 13 – Размещение в Сибири переселенцев, депортированных из европейской части СССР (1945 – 1952 гг.)*

«Спецконтингент»	Основание для выселения	Год вселения	Численность в Сибири (тыс. чел.)	
			Все-го	В т.ч. в Краснояр. крае
1	2	3	4	5
«Оуновцы»	Постановление Совета Министров СССР № 3214–1050сс от 10.09.1947 г., Постановление Совета Министров СССР № 3728–1524сс от 04.10.1948 г.	1946–1952	101270	14322
«Власовцы»	Постановление ГКО № 9871 от 18.08.1945, СНК СССР № 17074рс от 28.12.1945 г.	1946	44031	6741
Члены семей бандитов и националистов, «кулаков» из Прибалтики	Постановление Совета Министров СССР № 417–160сс от 21.02.1948 г. Постановление Совета Министров № 390–138сс от 29.01.1949 г.	1945 – 1949	129248	35584

Окончание табл. 13

1	2	3	4	5
«Кулаки» из Литовской ССР	Постановление Совета Министров СССР от 05.09.1951 г.	1951	17277	10000
«Указники»	Постановления Совета Министров СССР № 446 от 21.02.1948 г. и №1841–730с от 02.06.1948 г.	С 1948	19739	2332
Лица, выселенные за уклонение от общественно полезного труда, за ведение антиобщественного паразитического образа жизни	Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21.07.1951 г.	С 1951	592	453
Лица, выселенные из Псковской области	Постановление Совета Министров СССР № 5811 – 2201сс от 29.12.1949 г.	1950	409	400
Немцы-репатрианты	Директива МВД СССР № 239 от 12.04.1946 г., Директива НКВД СССР № 181 от 11.10.45 г.	С 1945 г.	51007	3200
Всего			363573	73032

*Составлено по: ОСФиР ИЦ ГУВД КК. Сводная таблица; Земсков В.Н. Спецпоселенцы ...С. 155, 214; ГАКК. Ф. Р. 1386. Оп. 4.Д. 134. Л. 15 – 16.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ПРОСТРАНСТВА СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ И «ПРАВОВОЕ» ПОЛОЖЕНИЕ ДЕПОРТИРОВАННЫХ (1940 – 1945-е гг.).....	11
1.1. Размещение спецпоселенцев в Сибирском регионе накануне и в годы Второй мировой вой- ны.....	11 35
1.2. «Правовой статус» депортированных.....	
Глава 2. СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ В МОБИЛИЗАЦИОН- НОЙ ЭКОНОМИКЕ СИБИРИ.....	54
Глава 3. СОДЕРЖАНИЕ ДЕПОРТИРОВАННЫХ КОНТИНГЕНТОВ НА ПОСЕЛЕНИИ В ПОСЛЕВО- ЕННЫЙ ПЕРИОД (1945–1950-е гг.).....	83
3.1. Численность, состав и территориальное размещение выселенцев.....	83 97
3.2. Изменение «правового» положения спецпоселенцев.....	109
3.3. Особенности трудового использования.....	120
Глава 4. ОРГАНИЗАЦИЯ БЫТА ДЕПОРТИРОВАННЫХ СЕМЕЙ. АДАПТАЦИЯ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ	120
4.1. Хозяйственно-бытовое обустройство спецпоселенцев...	143
4.2. Адаптация вынужденных переселенцев в Сибири.....	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	162
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	169
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	

Научное издание

Зберовская Елена Леонидовна

**СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ
В СИБИРИ (1940–1950-е гг.)**

Редактор Т.М. Мاستрич

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 24.49.04.953.П. 000381.09.03 от 25.09.2003 г.
Подписано в печать 20.12.2010. Формат 60х84/16. Бумага тип. № 1
Печать – ризограф. Усл. печ. л. 11,25. Тираж 500 экз. Заказ №1055.
Издательство Красноярского государственного аграрного университета
660017, Красноярск, ул. Ленина, 117